

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024 Том 24 № 3

В номере: Глобальная стратегия КНР

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат исторических наук **М.М. Агазаде**, РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук **М.А. Никулин**, РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джек, директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Навишта Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия
Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР
Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, директор, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация
Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация
Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация
Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия
Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония
Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация
Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания
Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация
Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия
Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США
Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация
Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0660 (Print); ISSN 2313-0679 (Online)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 1 2025	Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в условиях формирования многополярного мира	До 1 июля 2024 г.	До 15 ноября 2024 г.
№ 2 2025	Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	До 1 ноября 2024 г.	До 15 января 2025 г.
№ 3 2025	Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике	До 1 января 2025 г.	До 15 апреля 2025 г.
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	До 1 марта 2025 г.	До 15 июня 2025 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редакторы англоязычных текстов *А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина*

Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.09.2024. Выход в свет 28.09.2024. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,53. Тираж 500 экз. Заказ № 1058. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2024 VOLUME 24 No. 3

In this issue: **China's Global Strategy**

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

---

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada**, RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Maxim A. Nikulin**, RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0660 (Print); ISSN 2313-0679 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 1 2025	Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context of the Formation of a Multipolar World	By July 1, 2024	By November 15, 2024
No. 2 2025	The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order: To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War	By November 1, 2024	By January 15, 2025
No. 3 2025	Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics	By January 1, 2025	By April 15, 2025
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	By March 1, 2025	By June 15, 2025

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor *I.L. Pankratova*

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova, L.N. Zamaraykina*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Глобальная стратегия КНР

Столетов О.В. Геоэкономическая стратегия Китая в условиях «пробуждения» Глобального Юга	329
Саймонс Г., Манойло А.В., Гончаренко А.Р. Проектирование «гибридной войны»: западная дискурсивная репрезентация китайской внешней политики	345
Галимуллин Э.З., Кашин В.Б., Крамаренко А.С. Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов	358
Рекец М.О. Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений	371
Шабига А.В. Геополитика: проблемы и инструментальность на примере геополитических концепций в странах Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики	385

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Система «Тянься» для будущего мира и мира в будущем. Интервью с <i>Чжао Тиньяном</i> , профессором философии Китайской академии общественных наук. Интервью провела Тянь Е	397
--	-----

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ли И. Советско-американские и советско-китайские отношения при Ю.В. Андропове: опыт анализа	403
---	-----

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Хисамутдинова Н.В., Ян Ю. Институты Конфуция — «мягкая сила» или «троянский конь»? Взгляд с российского Дальнего Востока	417
Пичкхун П., Юок У. Сотрудничество Камбоджи и России в рамках АСЕАН	427
Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль Мьянмы в китайской инициативе «Пояс и путь»	439
Киреева А.А. Австралийско-китайские отношения в свете нарратива вмешательства: конфронтационная секьюритизация	450
Литвак Н.В., Помозова Н.Б. Европейская критика политики Китая в сфере прав человека: политические и идеологические аспекты	467

РЕЦЕНЗИИ

Мальшева Д.Б. Рецензия на книгу: Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К. П. Курылева. Москва: Аспект Пресс, 2024. 312 с.	483
Никулин М.А. Рецензия на книгу: Ndzendze B., Marwala T. Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. 165 p.	487

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: China's Global Strategy

Stoletov O.V. China's Geoeconomic Strategy in the Context of the "Awakening" of the Global South	329
Simons G., Manoilo A.V., Goncharenko A.R. Projecting 'Hybrid Warfare': Western Discursive Representation of Chinese Foreign Policy	345
Galimullin E.Z., Kashin V.B., Kramarenko A.S. Snow Dragon: China's Arctic Policy Facing New Challenges	358
Rekets M.O. China's Arctic Policy in a Time of Global Geopolitical Transformation: A Northern Orientation	371
Shabaga A.V. Geopolitics: Problems and Instruments Using the Example of Geopolitical Concepts in the Countries of the Indo-Pacific and the South Atlantic Regions	385

SCIENTIFIC SCHOOLS

Tianxia System for a Future World and Peace in the Future. Interview with Zhao Tingyang , Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences. Interviewed by Tian Ye	397
--	-----

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Li Yinan. Soviet-American and Soviet-Chinese Relations Under Y.V. Andropov: An Analysis	403
--	-----

BILATERAL RELATIONS

Khisamutdinova N.V., Yang Yue. Confucius Institutes — Soft Power or Trojan Horse? View from the Russian Far East	417
Pichkhun P., Yuok O. Cooperation Between Cambodia and Russia Within the ASEAN Framework	427
Mosyakov D.V., Shpakovskaya M.A., Ponka T.I. Myanmar's Role in China's Belt and Road Initiative	439
Kireeva A.A. The Interference Narrative in Australia — China Relations: Towards Confrontational Securitization ...	450
Litvak N.V., Pomozova N.B. European Criticism of China's Human Rights' Policy: Political and Ideological Aspects	467

BOOK REVIEWS

Malysheva D.B. Book review: Kurylev, K. P. (Ed.). (2024). Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations. Moscow: Aspect Press publ., 312 p. (In Russian)	483
Nikulin M.A. Book review: Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore: Palgrave Macmillan, 165 p.	487

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Глобальная стратегия КНР

THEMATIC DOSSIER: China's Global Strategy

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-329-344

EDN: ZDHNZC

Научная статья / Research article

Геоэкономическая стратегия Китая в условиях «пробуждения» Глобального Юга

О.В. Столетов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 oleg-stoletov1@yandex.ru

Аннотация. Исследуются концептуальные основания геоэкономической стратегии Китая и особенности реализации этой стратегии в условиях «пробуждения» Глобального Юга. Автор придерживается геоэкономического подхода, который используется для рассмотрения различных пространственных экономико-политических феноменов, таких, как глобальные экономические проекты, региональные интеграционные структуры, экономические и технологические партнерства различного уровня. Выявлены ключевые цели и задачи геоэкономической стратегии Китая в контексте развития американо-китайского соперничества и усиления международной конкуренции. Внимание уделено анализу таких аспектов геоэкономической стратегии Китая, как дипломатический, торгово-экономический, финансовый, энергетический, ресурсный, транспортно-логистический, научно-технологический и цифровой. Рассматривается китайская интерпретация понятия «Глобальный Юг», изучаются позиции ключевых государств Глобального Юга в геоэкономической стратегии Китая, проанализированы внешнеполитические подходы Китая к развитию взаимодействия с ключевыми государствами Глобального Юга, в числе которых Индонезия, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Турция, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Египет, Эфиопия и Бразилия. Изучены актуальные вопросы сопряжения китайских экономических проектов с национальными интересами и международными инициативами ключевых государств Глобального Юга, а также стратегические подходы Китая к развитию незападноцентричных многосторонних международных объединений, в которых Китайская Народная Республика (КНР) играет одну из ведущих ролей (например, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества). Также описаны инициативы Китая по интенсификации взаимодействия с региональными и глобальными международными объединениями государств Глобального Юга и группами стран. Охарактеризованы возможности и ограничения для реализации Китаем своей геоэкономической стратегии на современном этапе. Автор приходит к выводу, что Китайская Народная Республика, решая долгосрочные задачи своего национального развития, стремится активизировать новую фазу глобализации, в рамках которой должно произойти раскрытие экономического потенциала государств Глобального Юга посредством их вовлечения в устойчивые цепочки поставок, ориентированные на Китай.

© Столетов О.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, КНР, развивающиеся страны, экономика, технологии, Пояс и путь

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Столетов О.В. Геоэкономическая стратегия Китая в условиях «пробуждения» Глобального Юга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 329–344. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-329-344>

China's Geoeconomic Strategy in the Context of the “Awakening” of the Global South

Oleg V. Stoletov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 oleg-stoletov1@yandex.ru

Abstract. The article examines the conceptual foundations of China's geoeconomic strategy and the features of its implementation in the context of the “awakening” of the Global South. The author employs a geoeconomic approach, which is used to examine various spatial economic-political phenomena, such as global economic projects, regional integration structures, economic and technological partnerships at various levels. The article identifies the key goals and objectives of China's geoeconomic strategy in the context of the development of US-Chinese rivalry and increased international competition. It also provides an analysis of various aspects of China's geoeconomic strategy, including diplomatic, trade and economic, financial, energy, resource, transport and logistics, scientific and technological, and digital. The study examines the Chinese interpretation of the concept of the “Global South,” with a particular focus on the positions of key states of the Global South in China's geoeconomic strategy. It also analyzes China's foreign policy approaches to developing interaction with key states of the Global South, including Indonesia, Pakistan, Iran, Saudi Arabia, the United Arab Emirates (UAE), Türkiye, South Africa, Egypt, Ethiopia, and Brazil. The topical issues of connecting Chinese economic projects with the national interests and international initiatives of key states of the Global South are considered. The article analyzes China's strategic approaches to the development of non-Western-centric multilateral international associations, in which the People's Republic of China (PRC) plays one of the leading roles (for example, BRICS, the Shanghai Cooperation Organization). At the same time, China's initiatives to enhance engagement with regional and global international associations of states of the Global South and groups of countries are being explored. As a result of the study opportunities and limitations for China's implementation of its geoeconomic strategy at the present stage are identified. The author concludes that the People's Republic of China is seeking to intensify a new phase of globalization to address the long-term challenges facing its national development. As part of this phase of globalization, the economic potential of states in the Global South should be unlocked through their involvement in sustainable supply chains oriented towards China.

Key words: People's Republic of China, PRC, developing countries, economy, technology, Belt and Road Initiative, BRI

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Stoletov, O. V. (2024). China's geoeconomic strategy in the context of the “awakening” of the Global South. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 329–344. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-329-344>

Введение

Преобразования мировой политики на современном этапе тесным образом сопряжены с трансформациями в мировой экономике, связанными с динамическими процессами,

протекающими, прежде всего, в торгово-экономической, транспортно-логистической, научно-технологической и демографической сферах. Перемены, происходящие в структуре международных экономических отношений,

проявляются в кризисных процессах в мировой экономике, изменении соотношения потенциалов развитых и развивающихся стран, усилении соперничества между транснациональными компаниями, а также конкурентного взаимодействия промышленного, финансового и цифрового капиталов, перестраивании транспортно-логистических торговых маршрутов. Данные процессы оказывают влияние на внешнюю и внутреннюю политику международных акторов. В этой связи российские и зарубежные исследователи все активнее обращаются к изучению значимых экономических факторов, влияющих на трансформацию международных отношений и мировой политики на современном этапе. Важным теоретико-методологическим основанием данных исследований является геоэкономический подход.

Данный подход позволяет исследовать актуальные международные процессы с учетом сопряжения таких ключевых для мировой экономики и мировой политики сфер, как пространство, территория, ресурсы, энергетика, компании, производство, капитал, торговля, финансы, логистика, инфраструктура и безопасность. Геоэкономический подход в международно-политических исследованиях востребован при изучении влияния на развитие международных отношений разнообразных пространственных экономико-политических феноменов, в числе которых международные экономические проекты, экономические инициативы, региональные интеграционные структуры, трансрегиональные экономические и технологические партнерства (Евстафьев, 2023).

Важным понятием для геоэкономического подхода в современных международно-политических исследованиях выступает концепт «Глобальный Юг». Ключевым направлением таких научных разработок является проблематика взаимодействия между странами Глобального Юга, а также выстраивания отношений между государствами Глобального Юга и Глобального Севера на новом историческом этапе. Значимым направлением исследований в рамках геоэкономического подхода становится изучение международных

отношений в контексте модернизационного перехода государств Глобального Юга, расширяющих использование технологий Четвертой промышленной революции.

В современных исследованиях, посвященных актуальным вопросам развития Глобального Юга, приоритетное внимание уделяется китайскому фактору, который на рубеже середины 2000-х гг. начал занимать принципиально новое положение в мировой экономике и мировой политике. Представляется возможным выделить два возможных подхода к интерпретации взаимодействия Китая со странами Глобального Юга в экономической сфере.

Первый подход исходит из официального позиционирования Китая себя как крупнейшей развивающейся страны, являющейся частью Глобального Юга и действующей в его интересах¹. Данный подход, продвигаемый КНР на дипломатическом уровне, находит отражение прежде всего в работах китайских исследователей.

В рамках второго подхода, преобладающего среди западных исследователей, Китай рассматривается как великая держава, обладающая потенциалом достижения глобальной экономической гегемонии, соперничающая с другими центрами мировой экономики и стремящаяся во внешнеэкономической политике и в более широком плане к максимальному продвижению своих национальных интересов (Fernandez, Jauregui & Merino, 2023).

«Пробуждение» Глобального Юга: факторы, проявления, риски

Под «пробуждением» Глобального Юга в данном исследовании понимается начавшийся в конце 2000-х — начале 2010-х гг. рост внешнеэкономической и внешнеполитической активности ключевых развивающихся

¹ Xie shou gou jian ren lei ming yun gong tong ti: zhong guo de chang yi yu xing dong // Zhong hua ren min gong he guo zhong yang ren min zheng fu [Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая // Государственный совет Китайской Народной Республики]. 26.09.2023. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/zhengce/202309/content_6906335.htm (accessed: 28.04.2024).

стран, направленной на укрепление их экономических и политических позиций в международной системе в долгосрочной перспективе.

Начало процесса «пробуждения» Глобального Юга мы связываем с реакцией развивающихся стран на мировой финансово-экономический кризис 2008 г., который поставил под вопрос ведущую роль развитых стран в мировой экономике. На фоне мирового финансового кризиса произошло усиление позиций Китая в мировой экономике. Показательно, что в январе 2009 г. на конференции в Пекине, посвященной 30-летию установления дипломатических отношений между США и КНР, представлявший американскую делегацию Зб. Бжезинский выступил с предложением о совместном лидерстве США и КНР в формате «большой двойки»². В это же время произошла интенсификация взаимодействия между Китаем, Индией, Бразилией и Россией, которая становится все более значимым партнером для государств Глобального Юга. В июне 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит БРИК на высшем уровне, а уже в декабре 2010 г. к данному международному объединению присоединилась ЮАР³.

На рубеже 2000-х — 2010-х гг. наблюдалась интенсификация процессов региональной интеграции в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Организации тюркских государств, а также Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна, объединяющего страны Глобального Юга, которые расположены в Западном полушарии.

В этих условиях объявленная в сентябре 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином инициатива «Пояс и путь» выступила

² Junbo J. China Says ‘No Thanks’ to G-2 // Asia Times Online. May 29, 2009. URL: <https://web.archive.org/web/20090531065554/http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html> (accessed: 26.04.2024).

³ The BRICS Interstate Group // Russian BRICS Chairmanship 2020. URL: https://eng.brics-russia2020.ru/russia_in_brics/20191226/1444/The-BRICS-interstate-association.html (accessed: 20.04.2024).

важной составляющей «пробуждения» Глобального Юга и вместе с тем позволила многим развивающимся странам по-новому осмыслить свою роль в региональных и глобальных экономических процессах в среднесрочной и долгосрочной перспективе⁴.

На современном этапе к числу значимых факторов, стимулирующих «пробуждение» Глобального Юга, представляется возможным отнести:

— усиление глобальной экономической турбулентности, проявляющейся в финансово-экономических и энергетических кризисах;

— продвижение международной повестки энергетического перехода и сокращение инвестиций в углеводородную энергетику при растущих энергетических потребностях развивающихся стран;

— усиление американо-китайского стратегического соперничества и экономического «декаплинга» между США и КНР, перерастающих в «американо-китайскую холодную войну»⁵;

— рост угрозы технологического неокOLONиализма;

— негативные последствия экологических и климатических процессов, обостряющих социально-экономические противоречия во многих странах мира;

— возрастание глобального экономического значения Евразии, обусловленное ростом геоэкономической и геополитической конкуренции в сфере транспортно-логистических и торговых маршрутов, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском и Индоокеанском регионах;

⁴ Gong jian “yi dai yi lu”: gou jian ren lei ming yun gong tong ti de zhong da shi jian // Zhong hua ren min gong he guo zhong yang ren min zheng fu [Совместное строительство инициативы «Пояс и путь»: основная практика построения сообщества единой судьбы человечества // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. 10.10.2023. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (accessed: 27.03.2024).

⁵ Брэндс Х., Гэддис Д. Л. Новая холодная война // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 1. С. 150–165. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-holodnaya-voyna/> (дата обращения: 27.03.2024).

— эскалацию региональных вооруженных конфликтов и нарастание глобальной военно-политической напряженности;

— трудно прогнозируемые риски нарушения коммуникационной связанности.

Рассматривая глобальную международную торговлю как среду, способствующую повышению уровня собственного благосостояния, государства Глобального Юга демонстрируют заинтересованность в развитии процесса глобализации и снижении издержек от «ограниченной деглобализации». Данная установка проявляется в активном участии государств Глобального Юга в региональных и трансрегиональных международных объединениях и соглашениях о зонах свободной торговли, международных банках, а также в работе глобальных форумов. Вместе с тем государства Глобального Юга все больше ориентируются на защиту своих национальных интересов, что проявляется в диверсификации внешнеполитического взаимодействия и формировании «гибких» международных партнерств, в том числе по линии ЮГ — ЮГ (Окоуе, 2023). Многие государства Глобального Юга стремятся осуществить модернизацию национальных экономик без разрушения цивилизационного фундамента своих стран.

Подход Китая к «пробуждению» Глобального Юга

Китайские исследователи Ню Хайбинь, Чжоу Юйюань, Лай Юань, Ли Яньлян и Чжоу Шэншэн, представляющие Шанхайский институт международных исследований, в работе «Подъем Глобального Юга и роль Китая» связывают повышение международной значимости Глобального Юга с возрастанием влияния развивающихся стран на мировую экономику. В исследовании отмечено, что их вклад в мировой ВВП увеличился с 37 % в 1980-х гг. до 58,8 % в 2023 г.⁶ При этом

⁶ Niu Haibin, Zhou Yuyuan, Lai Yuan, Li Yanliang, Zhou Shengsheng. *Quan qiu nan fang jue qi yu zhong guo de jiao se* // *Shang hai guo ji wen ti yan jiu yuan* [Подъем Глобального Юга и роль Китая // Шанхайский институт международных исследований]. 2023. (На китай-

ожидаемые темпы экономического роста стран Глобального Юга существенно превосходят темпы развитых стран. В работе указано, что ключевым стимулом, побудившим страны Глобального Юга резко нарастить свою международную активность, стал «дисбаланс глобального управления» в условиях обострения глобальных проблем. Особенность текущего состояния Глобального Юга, по мнению китайских исследователей, обусловлена усилением полицентричности глобальной системы.

КНР рассматривает усиление сотрудничества по линии ЮГ — ЮГ как необходимый этап в развитии Глобального Юга. Важное место в этом сотрудничестве отводится самому Китаю, его проектам и инициативам. Повышение роли Глобального Юга в мировой экономике Китай воспринимает, по нашему мнению, как основание для назревшего преобразования глобализации. Позиционирование Китая себя как части Глобального Юга позволяет ему трактовать свои достижения как достижения Глобального Юга в целом. При этом сотрудничество в рамках Глобального Юга при активной роли КНР рассматривается акторами этого процесса с позиции более эффективного продвижения по пути реализации Целей устойчивого развития ООН (Zhang, 2021).

Как представляется, в рамках своей геоэкономической стратегии Китай усиливает ориентацию на взаимодействие с развивающимися странами. Об этом свидетельствуют стратегические документы Китая по развитию отношений с основными регионами Глобального Юга: Документ о политике Китая в отношении арабских стран (2016 г.)⁷, Политический документ Китая по Латинской Америке и Карибскому бассейну (2016 г.)⁸,

ском языке). URL: <https://www.siis.org.cn/updates/cms/cms/202312/05145516jydf.pdf> (accessed: 12.02.2024).

⁷ China's Arab Policy Paper // The State Council of the People's Republic of China. January 2016. URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (accessed: 28.04.2024).

⁸ China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // The State Council of the People's Republic of China. November 24, 2016. URL: <https://english.>

Белая книга «Китай и Африка в новую эру: партнерство равных» (2021 г.)⁹, «Видение китайско-африканского сотрудничества до 2035 г.» (2021 г.)¹⁰, Сианьская декларация (2023 г.)¹¹. Важно подчеркнуть, что в ряде указанных документов делается акцент на совместном продвижении инициативы «Пояс и путь», а также сопряжении этой инициативы с национальными стратегиями развития стран — партнеров Китая. Кроме того, в официальных документах подчеркивается стремление КНР развивать взаимодействие с ключевыми интеграционными объединениями стран Глобального Юга по широкому спектру перспективных направлений экономико-технологического сотрудничества. Таким образом, Китай демонстрирует заинтересованность в выработке документов, ориентированных на интенсификацию отношений с развивающимися странами в долгосрочной перспективе.

Важной составляющей геэкономической стратегии Китая по расширению многостороннего взаимодействия со странами Глобального Юга представляется возможным рассматривать развитие Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС. В частности, Китай выступает в поддержку расширения этих международных объединений.

Вместе с тем Китай активно поддержал решение включить Африканский союз (АС) в состав «Группы двадцати», принятое по итогам 18-го саммита Большой двадцатки, состоявшегося в сентябре 2023 г.

www.gov.cn/archive/white_paper/2016/11/24/content_281475499069158.htm (accessed: 28.04.2024).

⁹ China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals // The State Council of the People's Republic of China. November 26, 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202111/26/content_WS61a07968c6d0df57f98e5990.html (accessed: 28.04.2024).

¹⁰ China — Africa Cooperation Vision 2035 // Secretariat of the Chinese Follow-up Committee of the Forum on China — Africa Cooperation. December 10, 2021. URL: http://www.focac.org/eng/zywx_1/zywj/202201/t20220124_10632442.htm (accessed: 28.04.2024).

¹¹ Xi'an Declaration of the China — Central Asia Summit // News Central Asia. May 20, 2023. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/20/xian-declaration-of-the-china-central-asia-summit/> (accessed: 28.04.2024).

в Нью-Дели¹². Показательна синхронность расширения взаимодействия между странами Африки и БРИКС¹³, а также повышения международного статуса Африканского союза, что проявилось во включении АС в «Группу двадцати».

Основные измерения геэкономической стратегии Китая

В рамках геэкономической стратегии КНР представляется возможным выделить ряд измерений: дипломатическое, торгово-экономическое, финансовое, энергетическое, ресурсное, транспортно-логистическое, научно-технологическое и цифровое. Эти измерения геэкономической стратегии Китая, по существу, соотносятся с приоритетами его национальной безопасности.

В рамках *дипломатического измерения* геэкономической стратегии Китайская Народная Республика все активнее проявляет себя на Ближнем и Среднем Востоке. Так, Китай и его стратегический партнер Пакистан позиционируют Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) как открытую и инклюзивную платформу для взаимовыгодного сотрудничества (Mahmood et al., 2023). Следует отметить, что еще во второй половине 2010-х гг. Иран и Саудовская Аравия получили приглашения от Пакистана присоединиться к КПЭК¹⁴. Будучи заинтересованным в развитии КПЭК, Китай стремится к сопряжению экономических интересов Пакистана, Ирана и Саудовской Аравии.

На дипломатическом треке геэкономической стратегии Китая значимым событием

¹² Xi Says China Supports African Union's G20 Membership // China Daily. August 24, 2023. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/347410> (accessed: 20.06.2024).

¹³ BRICS Expansion Offers Opportunity to Boost African Trade, Say Experts // African Business. June 18, 2024. URL: <https://african.business/2024/06/trade-investment/brics-expansion-offers-opportunity-to-boost-african-trade-say-experts> (accessed: 28.04.2024).

¹⁴ Siddiqui S. Why Saudi Arabia Joining CPEC Matters // The Diplomat. February 2, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/02/why-saudi-arabia-joining-cpec-matters/> (accessed: 12.06.2024).

стало расширение БРИКС, в результате чего 1 января 2024 г. Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия официально присоединились к БРИКС¹⁵. Продолжается процесс интеграции в БРИКС Саудовской Аравии. Предполагается, что расширение состава этого международного объединения позволит повысить авторитет БРИКС на Глобальном Юге, а также активизировать сотрудничество государств — участников БРИКС в финансовой сфере. В частности, речь идет об увеличении активов Нового банка развития, учрежденного странами БРИКС в 2014 г.¹⁶ Кроме того, предусмотрено, что в рамках «расширенного» БРИКС будет интенсифицирована работа по созданию собственной международной платежной системы.

Политические риски для реализации геоэкономической стратегии Китая в странах Глобального Юга могут быть достаточно высоки. В 2010-х гг. вызовом для Китая стала «арабская весна» и ее последствия, усиление политического и экономического давления США, а также их союзников на Исламскую Республику Иран. В первой половине 2020-х гг. высокий уровень нестабильности проявился в регионе Сахеля, а в октябре 2023 г. произошло резкое обострение палестино-израильского конфликта. КНР достаточно осторожно реагирует на политические кризисы в различных регионах мира. В частности, выступая против неконституционной смены власти в африканских странах, КНР не стремится педалировать свою позицию по внутривосточной ситуации в государствах Африки, переживших военные перевороты.

В **торгово-экономическом измерении** геоэкономической стратегии значимым является использование механизмов, позволяющих Китаю наращивать двусторонний товарооборот с приоритетными зарубежными

партнерами, расположенными на маршрутах мегапроекта «Морской Шелковый путь XXI века». В частности, в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) действует демонстрационная зона промышленного сотрудничества Китая и ОАЭ, расположенная в порту Халифа в Абу-Даби. В 2013 г. китайская компания *Shanghai Decent Investment Group Co. Ltd.* и индонезийская компания *Bintang Delapan Group* подписали соглашение о создании Китайско-индонезийской зоны экономического и торгового сотрудничества *Indonesia Morowali Industrial Park*, занимающейся добычей и переработкой никеля, хрома и железной руды (Peterson, 2023). В феврале 2022 г. Китай и Пакистан в контексте проекта Китайско-пакистанского экономического коридора подписали рамочное соглашение о промышленном сотрудничестве¹⁷, подтверждающее приоритетность развития 9 особых экономических зон КПЭК на территории Пакистана.

Значимую роль в торгово-экономическом сотрудничестве Китая со странами Африки играют особые экономические зоны, создание которых КНР начала осуществлять со второй половины 2000-х гг. Арабская Республика Египет и Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, будучи крупнейшими экономиками Африки, являются для Китая «воротами» на Африканский континент. В целях развития торгово-экономического сотрудничества с Египтом Китай использует Китайско-египетскую зону экономического и торгового сотрудничества, запущенную в 2008 г. и расширенную в 2016 г. (Mo et al., 2023). Вместе с тем Китай является крупнейшим иностранным инвестором в Экономическую зону Суэцкого канала, созданную в 2015 г.¹⁸ С Эфиопией Китай длительное

¹⁵ El Dahan M., Zhdannikov D. Saudi Arabia Still Considering BRICS Membership, Sources Say // Reuters. January 18, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-considering-brics-membership-sources-2024-01-18/> (accessed: 21.06.2024).

¹⁶ History // The New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/history/> (accessed: 20.06.2024).

¹⁷ Pakistan, China Sign Framework Agreement on Industrial Cooperation // Pakistan Today. February 4, 2022. URL: <https://profit.pakistantoday.com.pk/2022/02/04/pakistan-china-sign-framework-agreement-on-industrial-cooperation/> (accessed: 28.08.2023).

¹⁸ China Now Biggest Investor in Suez // China Daily. March 23, 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/23/content_28648386.htm (accessed: 28.04.2024).

время развивает торгово-экономическое сотрудничество посредством особых экономических зон. В частности, в 2009 г. усилиями двух стран была запущена Восточная промышленная зона, ставшая первой на территории этой африканской страны¹⁹. В августе 2023 г. китайская компания *China Civil Engineering Construction Corporation* подписала соглашение о совместном развитии специальной экономической зоны «Гада» в Эфиопии²⁰. Создание особых экономических зон на территории африканских стран способствует превращению этих государств в производственные центры Африканского континента. К 2023 г. при участии КНР в Африке в общей сложности было запущено 25 зон экономического и торгового сотрудничества²¹.

С точки зрения создания зон свободной торговли со странами АСЕАН как частью Глобального Юга значимым шагом для Китая стало подписание в ноябре 2020 г. соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), вступившего в силу 1 января 2022 г.²²

С 2004 г. Китай ведет переговоры с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) о создании зоны свободной торговли (Савичева, Бребдани, Рыжов, 2022). К 2023 г. КНР и ССАГПЗ достигли согласия по большинству вопросов, касающихся торговли товарами, а также начали переговоры по торговле услугами²³.

¹⁹ Project ID: 1347 // AidData. URL: <https://china.aiddata.org/projects/1347/> (accessed: 28.04.2024).

²⁰ Chinese Company Agrees to Co-Develop Special Economic Zone // Media and Communications Center. August 19, 2023. URL: <https://www.thereporterethiopia.com/35997/> (accessed: 28.04.2024).

²¹ Янькова А., Кондакова К. Интересы Китая в Африке // Российский совет по международным делам. 01.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesny-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 29.05.2024).

²² The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement: A New Paradigm in Asian Regional Cooperation? // Asian Development Bank. May 2022. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/792516/rcep-agreement-new-paradigm-asian-cooperation.pdf> (accessed: 28.04.2024).

²³ China, GCC Member Economies Keen to Step Up Free Trade Talks // The State Council of the People's

Вместе с тем перспективы либерализации международной торговли на Глобальном Юге могут быть связаны с развитием экономического сотрудничества в рамках расширенного БРИКС и БРИКС+ (Lissovolik, 2024).

В *финансовом измерении* геоэкономической стратегии Китай последовательно проводит политику по интернационализации юаня как ключевой валюты для торговли со странами Глобального Юга. В 2009 г. Китай впервые разрешил расчеты по торговым платежам в юанях²⁴. В 2015 г. Китай запустил работу системы трансграничных межбанковских платежей (CIPS)²⁵. В августе 2015 г. доля юаня в международных платежах, осуществляемых через систему SWIFT, составила 2,79 %, что позволило юаню впервые в истории обойти по этому показателю японскую иену²⁶. По итогам сентября 2023 г. доля юаня в международных платежах, осуществляемых через систему SWIFT, составила уже 5,8 %, что позволило юаню впервые опередить евро²⁷. Показательно, что в марте 2023 г. Китай и Бразилия достигли соглашения о торговле в юанях, а также объявили о создании совместной клиринговой палаты (Бабаев, Сазонов, Александрова, 2023).

Способом интернационализации юаня является заключение в 2022 г. инициированного Народным банком Китая соглашения о создании пула ликвидности юаня, участником которого стал, в частности, Центральный банк Индонезии²⁸.

Republic of China. October 26, 2023. URL: https://english.www.gov.cn/news/202310/26/content_WS6539fb2fc6d0868f4e8e0b03.html (accessed: 20.06.2024).

²⁴ Nabar M., Tovar C. E. Renminbi Internationalization // International Monetary Fund. P. 252. URL: <https://www.elibrary.imf.org/downloadpdf/book/9781513539942/ch09.xml> (accessed: 02.06.2024).

²⁵ CIPS Accelerates the Internationalisation of the RMB // SWIFT. October 2016. URL: <https://www.swift.com/swift-resource/44986/download> (accessed: 28.02.2024).

²⁶ Stay Calm: Internationalise the RMB // Sibos Issues. October 15, 2015. P. 1. URL: https://www.sibos.com/sites/default/files/2019-01/SibosIssues_Thursday_Preview_2015.pdf (accessed: 22.04.2024).

²⁷ RMB Tracker // SWIFT. October 2023. P. 7. URL: <https://www.swift.com/swift-resource/252125/download> (accessed: 18.06.2024).

²⁸ China's Central Bank, BIS Set Up Renminbi Liquidity Arrangement // Reuters. June 25, 2022. URL:

В ноябре 2023 г. Народный банк Китая и Центральный банк ОАЭ продлили на 5 лет соглашение о валютных свопах на сумму 4,89 млрд долл. США, а также подписали меморандум о взаимопонимании для расширения сотрудничества по разработке цифровой валюты. Кроме того, фондовая биржа Дубайский финансовый рынок подписала с международной биржей *Nasdaq Dubai* и Шанхайской фондовой биржей меморандум о взаимопонимании, охватывающий различные области цифрового финансового сотрудничества. В ноябре 2023 г. Народный банк Китая и Национальный банк Саудовской Аравии подписали соглашение о валютном свопе на сумму 6,98 млрд долл. США сроком на 3 года с возможностью пролонгации по взаимному согласию²⁹.

Китай стремится расширить использование юаня на сырьевых рынках (Han & Qin, 2019). В апреле 2015 г. Центральный банк Катара и Промышленно-торговый банк Китая объявили об официальном запуске банковского центра расчетов в юанях³⁰. В 2018 г. для торговли сырьевыми товарами с поставщиками из таких стран, как, например, Иран, Китай создал Шанхайскую международную энергетическую биржу (Lv, Yang & Fang, 2020), на которой операции ведутся в юанях. Показательно, что в марте 2023 г. Китай совершил первую в истории закупку сжиженного природного газа (СПГ) в ОАЭ, оплаченную в юанях³¹. Таким образом, постепенно доля юаня в международных расчетах увеличивается.

<https://www.reuters.com/markets/currencies/chinas-central-bank-bis-set-up-renminbi-liquidity-arrangement-2022-06-25/> (accessed: 28.10.2023).

²⁹ Ali G. Chinese Yuan Gains Currency in the Gulf States // East Asia Forum. January 17, 2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/01/17/chinese-yuan-gains-currency-in-the-gulf-states/> (accessed: 20.06.2024).

³⁰ Qatar Launches First Chinese Yuan Clearing Hub in Middle East // Reuters. April 14, 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/business/qatar-launches-first-chinese-yuan-clearing-hub-in-middle-east-idUSL5N0XB2D2/> (accessed: 28.04.2024).

³¹ China's First Cross-Border LNG Shipment, Settled in Yuan, Completes Offloading // Global Times. May 16, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1290796.shtml> (accessed: 20.06.2024).

Объемы китайских инвестиций в экономики государств Глобального Юга, участвующих в инициативе «Пояс и путь», со временем могут претерпевать изменения, зависящие от внутривнутриполитической ситуации в данных странах, а также от складывающихся международных условий. Например, в 2000–2021 гг. крупнейшим получателем китайских инвестиций являлась Исламская Республика Пакистан³². Лишь начиная с 2022 г. на фоне политической нестабильности в Пакистане объемы китайских инвестиций в проекты КПЭК стали снижаться. В соответствии с ирано-китайским стратегическим договором 2021 г. Китай взял на себя обязательство инвестировать 400 млрд долл. США в экономику Ирана в течение 25 лет в обмен на непрерывные поставки иранской нефти (Madani, 2022). Вместе с тем Китай последовательно наращивает инвестиции в Королевство Саудовская Аравия. По итогам визита председателя КНР Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию в декабре 2022 г. были достигнуты договоренности о подписании инвестиционных соглашений на сумму около 50 млрд долл. США³³. Крупным получателем инвестиций КНР также является Египет, причем большая часть китайских финансов направляется в египетский промышленный сектор.

Целеполагание *энергетического измерения* геэкономической стратегии Китая традиционно связано с обеспечением диверсификации поставок энергоресурсов при одновременном наращивании собственных возможностей производства энергии. В связи с тем, что Саудовская Аравия и ОАЭ входят в число основных поставщиков нефти в Китай, следует учитывать особую значимость этих стран для КНР. С 2005 г. проводятся заседания высокого уровня энергетического диалога Китай — Организация стран —

³² Alam K. Pakistan Third Top Recipient of Chinese Finance: Study // Dawn. November 7, 2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1787102> (accessed: 18.06.2024).

³³ Saudi — China Relations Deepen: The Implications for Global Trade, Business and Geopolitics // Asia House. March 29, 2023. URL: https://asiahouse.org/research_posts/middle-east-pivot-to-asia-update-saudi-china-relations-deepen/ (accessed: 18.06.2024).

экспортеров нефти (ОПЕК)³⁴. В марте 2023 г. саудовская компания *Aramco* и китайская компания *NORINCO Group* заключили соглашение о начале строительства крупного интегрированного нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплекса на северо-востоке Китая³⁵. Иран также является значимым партнером КНР в сфере энергетики. На протяжении последнего десятилетия Китай покупал 90 % иранского нефтяного экспорта³⁶. Энергетический потенциал Исламской Республики Иран важен для Китая также с точки зрения возможностей Ирана обеспечить энергетическую безопасность Пакистана.

Значимость африканских стран в углеводородной сфере для Китая обусловлена тем, что в этих государствах преобладает нефть легкого типа, которую проще добывать и перерабатывать по сравнению с отдельными сортами ближневосточной нефти, такими как *Oman* и *Upperg Zakum* (ОАЭ). Вместе с тем Китай, продвигая повестку «зеленого» развития, активно содействует производству возобновляемой энергии в африканских государствах, уделяя особое внимание странам Африки южнее Сахары. Следует выделить участие компаний КНР в сооружении плотины «Возрождение» (*Grand Ethiopian Renaissance Dam*) в Эфиопии, строительстве гидроэлектростанций в Замбии, Уганде, Нигерии, а также реализации ветроэнергетических проектов в таких странах, как Эфиопия, Джибути, Кения, Танзания и ЮАР (Столетов, 2023).

Китай развивает сотрудничество с Бразилией в области разработки месторождений нефти и газа в этой стране. В частности, в 2023 г. китайская компания *China National*

Offshore Oil Corporation начала добычу нефти на крупном месторождении *Buzios* в Бразилии³⁷. Сотрудничество Китая с Бразилией в углеводородной сфере весьма значимо с учетом того, что, согласно данным Управления международной торговли США, к 2030 г. Бразилия способна стать пятым по величине экспортером нефти в мире³⁸.

В рамках *ресурсного измерения* геоэкономической стратегии Китай стремится обеспечить устойчивость своего положения на рынке черных металлов, так как является крупнейшим в мире производителем и потребителем стали, а также цветных металлов и редкоземельных элементов, необходимых ему для разработки новых материалов, развития энергетики, компьютерных и военных технологий (Wu et al., 2023). Бразилия и ЮАР входят в число крупнейших поставщиков железной руды в Китай, а основными поставщиками руд цветных металлов являются такие страны, как Бразилия, Гвинея, Перу, Чили, ЮАР и Индонезия (Растяжникова, 2022). Значимое место в китайском импорте цветных металлов занимают страны Африки южнее Сахары.

Стремясь к обеспечению ресурсной безопасности, Китай увеличивает собственное производство цветных металлов, повышая экологичность этого сектора промышленности (Petushkova, 2022), а также старается получить доступ к разработке месторождений этих ресурсов за рубежом. В частности, Китай в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» инвестировал 30 млрд долл. США в индонезийскую цепочку поставок никеля³⁹.

³⁴ Joint Statement of the 1st China — OPEC Energy Dialogue // Organization of the Petroleum Exporting Countries. December 22, 2005. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/1040.htm (accessed: 20.04.2024).

³⁵ Azam A. China Can Play Important Role in Saudi Arabia's Economic Diversification // China Daily. March 22, 2022. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202203/22/WS62398eaba310fd2b29e52938.html> (accessed: 28.03.2024).

³⁶ Is China a Winner from the Red Sea Attacks? // The Economist. February 1, 2024. URL: <https://www.economist.com/china/2024/02/01/is-china-a-winner-from-the-red-sea-attacks> (accessed: 19.06.2024).

³⁷ Chinese Firm Puts Project in Buzios Oilfield into Production in Brazil // Belt and Road Portal. June 1, 2023. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/321571.html> (accessed: 29.04.2024).

³⁸ Brazil — Country Commercial Guide // International Trade Administration. U.S. Department of Commerce. December 4, 2023. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/brazil-oil-and-gas> (accessed: 20.03.2024).

³⁹ Phua D., Edwards T., Koh K., Zhang Y. Indonesia's Nickel Rush — Riding the Waves of the EV Battery Revolution // King & Wood Mallesons. October 12, 2023. URL: <https://www.kwm.com/cn/en/insights/latest-thinking/indonesias-nickel-rush-riding-the-waves-of-the-ev-battery-revolution.html> (accessed: 19.06.2024).

В условиях энергетического перехода особое значение для Китая имеет литий, около 75 % известных мировых запасов которого приходится на государства Южной Америки, в особенности на страны «литиевого треугольника» — Боливию, Чили и Аргентину⁴⁰. Значимыми запасами лития в Латинской Америке также обладают Бразилия, Перу и Мексика. В 2023 г. Бразилия, на территории которой имеются запасы литиевой руды высокой степени чистоты, впервые начала поставлять в Китай так называемый «зеленый литий»⁴¹.

Заинтересованность КНР в расширении поставок лития из государств Глобального Юга обусловлена тем, что к началу 2024 г. около 55 % литиевого сырья продолжало импортироваться Китаем из Австралии⁴², проводящей политику, направленную на ограничение китайских инвестиций в разработку своих литиевых месторождений.

Китай реализует *транспортно-логистическую часть* своей геоэкономической стратегии прежде всего через систему экономических коридоров. С учетом того, что в сфере международной торговли Китай продолжает сильно зависеть от морской логистики, для реализации мегапроекта «Морской Шелковый путь XXI века» особую важность имеет развитие портовой инфраструктуры в Индо-океанском регионе. Стратегическое значение для Китая, в частности, имеют порты Читтагонг (Бангладеш), Хамбантога (Шри-Ланка), Гвадар (Пакистан), Джаск (Иран) и Джибути (Джибути). Кроме того, крайне важными для Китая являются египетские порты Порт-Саид и Айн-Сохна, расположенные в Экономической зоне Суэцкого канала (Gonen, 2023).

⁴⁰ Who Will Win the Lithium Race? // World Finance. URL: <https://www.worldfinance.com/markets/who-will-win-the-lithium-race> (accessed: 09.06.2024).

⁴¹ Latin America Energy Outlook // International Energy Agency. June 1, 2023. P. 126. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/11/latin-america-energy-outlook-2023_d1e97165/fd3a6daa-en.pdf (accessed: 19.06.2024).

⁴² Hu W. China — Australia Efforts Needed to Stabilize Lithium Sector Amid US ‘Decoupling’ // Global Times. January 30, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1306370.shtml> (accessed: 19.06.2024).

Развивая сотрудничество со странами Африки в транспортно-логистической сфере, Китай принимает во внимание заинтересованность крупных государств этого континента, не имеющих выхода к морю, в получении доступа к морской логистике, который способствовал бы созданию новых возможностей для международной торговли. Значимость Эфиопии в транспортно-логистических проектах Китая проявилась в строительстве железной дороги Аддис-Абеба — Джибути, введенной в эксплуатацию в январе 2018 г.⁴³ и оказавшей существенное влияние на развитие транспортной связанности в Восточной Африке.

С точки зрения развития логистики в Африке стратегическое значение для Китая приобретает Сахаро-Сахельский регион, находящийся на пересечении коридоров Восток — Запад, Север — Юг и соединяющий такие стратегические акватории, как Средиземное море, Гвинейский залив, Атлантический океан и Аденский залив⁴⁴.

В рамках транспортно-логистического измерения геоэкономической стратегии Китая особое значение имеют государства Ближнего и Среднего Востока, являющиеся «воротами» в Европу. Китай учитывает, что государства этого региона применительно к транспортно-логистической сфере находятся в конкурентных отношениях, и стремится укреплять сотрудничество с данными странами, опираясь на различные маршруты инициативы «Пояс и путь». Так, развитие сотрудничества Китайской Народной Республики с Турецкой Республикой в рамках сопряжения инициатив «Пояс и путь» и «Срединный коридор» (Şenol & Üçışık Erbilin, 2022) в значительной степени определяется перспективами раскрытия транспортно-логистического потенциала

⁴³ Addis Ababa — Djibouti Railway // Global Infrastructure Hub. November 30, 2020. URL: <https://www.gihub.org/connectivity-across-borders/case-studies/addis-ababa-djibouti-railway/> (accessed: 19.06.2024).

⁴⁴ Rajosefa L. The Future of Strategic Competition in the Sahel Region: Placing Partnership First // FAOA Journal of International Affairs. July 20, 2023. URL: <https://faoajournal.substack.com/p/the-future-of-strategic-competition> (accessed: 29.05.2024).

стран Центральной Азии и Южного Кавказа⁴⁵. Для решения этой задачи Китай использует Шанхайскую организацию сотрудничества. Показательно, что в рамках саммита ШОС 2022 г., проходившего в Самарканде (Узбекистан), между Китаем, Киргизией и Узбекистаном было заключено соглашение о сотрудничестве в строительстве железной дороги между этими странами (Лексютина, 2023). Предполагается, что новый железнодорожный маршрут станет южным ответвлением континентального моста Евразии и откроет доступ на рынки Юго-Восточной, Западной Азии и стран Ближнего Востока.

В условиях обострения противоречий со странами «коллективного Запада» происходит актуализация *научно-технологического измерения* геэкономической стратегии Китая применительно к странам Глобального Юга, в рамках которой акцент делается на ключевых направлениях научно-технологического развития, выделенных в 14-м пятилетнем плане национального экономического и социального развития и долгосрочных целей до 2035 г. К числу таких направлений отнесены новое поколение искусственного интеллекта; квантовые технологии; интегральные схемы; исследования мозга; генетика и биотехнологии; клиническая медицина и здравоохранение; исследования дальнего космоса, глубинного строения Земли, морских глубин, Арктики и Антарктиды⁴⁶.

В целях расширения научно-технологического сотрудничества со странами,

⁴⁵ Chang F. K. Central Asia's Middle Corridor Expansion: Opportunity for China and Iran // Foreign Policy Research Institute. January 16, 2024. URL: <https://www.fpri.org/article/2024/01/central-asias-middle-corridor-expansion-opportunity-for-china-and-iran/> (accessed: 17.02.2024).

⁴⁶ Zhong hua ren min gong he guo guo min jing ji he she hui fa zhan di shi si ge wu nian gui hua he 2035 nian yuan jing mu biao gang yao // Zhong hua ren min gong he guo zhong yang ren min zheng fu [14-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочных целей до 2035 года // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. 13.03.2021. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 14.06.2024).

участвующими в инициативе «Пояс и путь», в ноябре 2018 г. в КНР была учреждена Международная ассоциация научных организаций инициативы «Пояс и путь»⁴⁷. В ее состав вошли 36 научных учреждений⁴⁸, а к 2024 г. число ее членов увеличилось до 78 организаций⁴⁹.

Значимыми партнерами в области технологий искусственного интеллекта, полупроводников и суперкомпьютеров для Китая являются Саудовская Аравия и ОАЭ. Научно-технологический университет имени короля Абдаллы сотрудничает с Китайским университетом Гонконга и Шэньчжэньским научно-исследовательским институтом больших данных в создании системы искусственного интеллекта на арабском языке. Результатом этого сотрудничества стал запуск системы искусственного интеллекта *AceGPT*⁵⁰. С Ираном Китай развивает сотрудничество в сфере нанотехнологий. В 2015 г. в китайском городе Сучжоу начал работу первый филиал Иранского центра нанотехнологий в Китае (*Iran Nanotech China Center*), а в 2018 г. в китайском городе Гуанчжоу был открыт второй филиал этой структуры⁵¹.

Приоритетом для Китая является развитие научно-технологического сотрудничества со странами-партнерами в формате БРИКС. В сентябре 2023 г. в Шанхае прошел первый симпозиум БРИКС по нейробиологии⁵².

⁴⁷ The History of ANSO // ANSO. URL: <http://www.anso.org.cn/about/history/> (accessed: 17.02.2024).

⁴⁸ ANSO Update // ANSO. March 2019. No. 1. URL: <http://www.anso.org.cn/publications/update/201904/P020190429632242183804.pdf> (accessed: 17.02.2024).

⁴⁹ ANSO Members // ANSO. URL: <http://www.anso.org.cn/membersNetworks/members/> (accessed: 17.02.2024).

⁵⁰ Pessarlay W. Saudi Arabia Enters AI Race with AceGPT Launch // CoinGeek. October 14, 2023. URL: <https://coingeek.com/saudi-arabia-enters-ai-race-with-acegpt-launch/> (accessed: 17.02.2024).

⁵¹ Second Iran Nanotech China Center Opens in Guangzhou // Tehran Times. July 11, 2018. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/425286/Second-Iran-Nanotech-China-Center-opens-in-Guangzhou> (accessed: 17.02.2024).

⁵² News: 2023 Brazil — Russia — India — China — South Africa (BRICS) Neuroscience Symposium Held in Shanghai, China // Neuroscience Bulletin. 2023. URL:

В рамках саммита БРИКС в Йоханнесбурге в 2023 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил о намерении сформировать исследовательскую группу по искусственному интеллекту в странах — членах БРИКС⁵³. Кроме того, на этом саммите были озвучены планы Китая по созданию научно-технического инкубатора новой эры для стран БРИКС⁵⁴.

В рамках **цифрового измерения** геоэкономической стратегии Китай наращивает усилия, направленные на развитие глобальной интернет-инфраструктуры, формируя свою цифровую связанность со странами Глобального Юга. В ноябре 2018 г. был введен в эксплуатацию международный подводный оптоволоконный кабель *South Atlantic (SAIL)*, связывающий Криви (Камерун) и Форталезу (Бразилия), участие в сооружении которого принимала китайская компания *China Unicom*⁵⁵. Китайская сторона реализовала проект сооружения подводной оптоволоконной кабельной системы *Pakistan and East Africa Connecting Europe (PEACE)*, соединяющей страны Азии, Африки и Европы (Столетов, 2022). В 2022 г. в рамках системы PEACE были построены сегменты Пакистан — Египет — Кения и Египет — Франция. К системе PEACE также подключены Эфиопия и Джибути. Китайские технологические компании *China Telecommunications Corporation*, *China Mobile Limited* и *China United Network Communications Group Co. Ltd.* осуществляют проект по строительству подводного интернет-кабеля *Europe — Middle East — Asia (EMA)*, связывающего Гонконг (КНР), Сингапур, Пакистан, Саудовскую Аравию, Египет и Францию, который планируется завершить до конца 2025 г.⁵⁶

<https://link.springer.com/journal/12264/updates/26153994> (accessed: 17.02.2024).

⁵³ BRICS Announces Formation of AI Study Group // GIP Digital Watch. August 23, 2023. URL: <https://dig.watch/updates/brics-members-announcement-of-ai-study-group> (accessed: 17.02.2024).

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Project ID: 58439 // AidData. URL: <https://china.aiddata.org/projects/58439/> (accessed: 17.02.2024).

⁵⁶ Brock J. China Plans \$500 Million Subsea Internet Cable to Rival US-backed Project // Reuters. April 6, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-plans->

КНР длительное время развивает сотрудничество с Турцией в сфере технологий мобильной связи. Показательно, что китайская компания *Huawei* ведет свою работу в Турции с 2002 г., а с 2010 г. на турецкой территории функционирует научно-исследовательский центр *Huawei*⁵⁷. В 2022 г. *Huawei* и турецкая компания *Türk Telekom* подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в разработке технического стандарта 5G для широкополосных сетей сотовой связи в Турции⁵⁸. В 2023 г. *Huawei* запустил свой первый локализованный облачный сервис в Турции⁵⁹. В этом же году *Huawei* открыл облачный центр обработки данных в Эр-Рияде (Саудовская Аравия)⁶⁰. В рассматриваемых государствах Глобального Юга *Huawei* обладает облачными центрами обработки данных в Йоханнесбурге (ЮАР), Сан-Паулу (Бразилия), а также в Индонезии⁶¹.

В условиях ограничений свободы торговли на высокотехнологичных рынках, продвигаемых странами «коллективного Запада», Китай поддерживает сохранение открытой торговли в области крайне значимых для него полупроводниковых технологий. Для решения этой задачи в 2022 г. в китайском Шэньчжэне была создана компания

500-mln-subsea-internet-cable-rival-us-backed-project-2023-04-06/ (accessed: 17.02.2024).

⁵⁷ Huawei Opens Research, Development Center in Turkey // Technology Marketing Corporation. February 27, 2010. URL: <https://www.tmcnet.com/usubmit/2010/02/27/4646214.htm> (accessed: 17.02.2024).

⁵⁸ Huge Collaboration in 5G from Türk Telekom and Huawei // Huawei. March 12, 2021. URL: <https://www.tmcnet.com/usubmit/2010/02/27/4646214.htm> (accessed: 17.02.2024).

⁵⁹ HUAWEI CLOUD Summit 2023 Türkiye // Huawei. July 22, 2023. URL: <https://developer.huaweicloud.com/intl/en-us/forum/topic/0266125388982510278> (accessed: 17.02.2024).

⁶⁰ Swinhoe D. Huawei Launches Saudi Cloud Region in Riyadh // DCD. September 4, 2023. URL: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/huawei-launches-saudi-cloud-region-in-riyadh/> (accessed: 17.02.2024).

⁶¹ Swinhoe D. Huawei to Launch Indonesian Cloud Region Later This Year // DCD. October 5, 2022. URL: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/huawei-to-launch-indonesian-cloud-region-later-this-year/> (accessed: 17.02.2024).

«Международный торговый центр электронных компонентов и интегральных схем»⁶², призванная способствовать развитию торговли полупроводниками и микрочипами между китайскими и зарубежными компаниями.

Заключение

Таким образом, «пробуждение» Глобального Юга представляет собой процесс осознания ключевыми развивающимися странами повышения своей значимости в мировой политике, сопровождающийся ростом их международной активности и увеличением экономических возможностей. Данный процесс начался в конце 2000-х — начале 2010-х гг., развивался в течение 2010-х гг. и интенсифицировался в первой половине 2020-х гг. «Пробуждение» Глобального Юга характеризуется формированием новых институтов регионального и трансрегионального международного экономического и политического взаимодействия, которые призваны помочь развивающимся странам адаптироваться к фундаментальным экономическим, технологическим и демографическим изменениям, обуславливающим перестраивание существующей модели глобализации и формирование нового мирового порядка.

Китай, рассматривая себя в качестве важной части Глобального Юга, продвигает инклюзивный подход к сотрудничеству по линии Юг — Юг, что проявляется в поддерживаемой им логике развития ШОС и БРИКС. Геоэкономическая стратегия Китая, реализуемая в условиях «пробуждения» Глобального Юга, характеризуется высоким уровнем комплексности. Логика последовательной реализации Китаем своей стратегии показывает, что КНР, формируя новые

глобальные цепочки поставок, стремится изменить международные экономические процессы изнутри. Развивая отношения с широким кругом ключевых государств Глобального Юга, Китай пытается сформировать глобальную систему коммуникаций таким образом, чтобы самому находиться в центре основных торговых маршрутов, обеспечивающих ему прочные связи с различными регионами мира. Обширные связи с мировой экономикой необходимы Китаю для устойчивого обеспечения возможностей осуществлять экспорт и импорт, иметь доступ к ресурсам, капиталу и технологиям.

Геоэкономическая стратегия Китая осуществляется посредством параллельных форматов сотрудничества, реализующихся как на двусторонней, так и на многосторонней основе. КНР уделяет возрастающее внимание странам Ближнего и Среднего Востока, Африканского континента, а также Латинской Америки и Карибского бассейна.

В контексте реализации указанной стратегии Китай наблюдает рост амбиций ключевых государств Глобального Юга и протекающие на пространстве Глобального Юга процессы самоорганизации. Рассмотренные страны Глобального Юга видят в Китае источник экономического развития, альтернативный странам «коллективного Запада», и вместе с тем склонны, развивая сотрудничество с КНР, способствовать формированию ситуации, при которой государства Глобального Севера были бы больше в них заинтересованы и готовы учитывать их точку зрения и интересы.

Перспективы трансформации глобализации будут определяться дальнейшими шагами по реализации Китаем своей геоэкономической стратегии в условиях политики его сдерживания со стороны государств «коллективного Запада», а также особенностями развития ключевых государств Глобального Юга.

Поступила в редакцию / Received: 27.03.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 28.01.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

⁶² Kaur D. China: Shenzhen Has a New Trading Exchange for Semiconductors. Here's What It Does // Tech Wire Asia. 2023. URL: <https://techwireasia.com/2023/01/china-shenzhen-has-a-new-trading-exchange-for-semiconductors-heres-what-it-does/> (accessed: 17.02.2024).

Библиографический список

- Бабаев К. В., Сазонов С. Л., Александрова А. Д.* Сотрудничество Китая и стран ЛКА в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» // *Латинская Америка*. 2023. № 7. С. 23–39. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0026331-3>; EDN: QLQYVN
- Евстафьев Д. Г.* Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. Т. 16, № 6. С. 207–222. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222>; EDN: OTLDJK
- Лексютина Я. В.* Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2023. Т. 28, № 28. С. 77–87. EDN: LXMNOR
- Растяникова Е. В.* Китай на мировом рынке металлургических ресурсов и оборудования для горнодобывающей промышленности // *Ориенталистика*. 2022. Т. 5, № 4. С. 915–926. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-915-926>; EDN: АОРОСО
- Савичева Е. М., Бребдани А. М., Рыжов И. В.* Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1. С. 180–196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>; EDN: NMVDUL
- Столетов О. В.* Особенности международного взаимодействия в энергетической сфере в Африке южнее Сахары в условиях глобальной турбулентности // *Перестройка мировой энергетики в условиях экономического и политического кризиса / под ред. С. В. Жукова*. Москва : ИМЭМО РАН, 2023. С. 74–82. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0616-8>; EDN: NWIQGL
- Столетов О. В.* Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 221–237. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237>; EDN: SYEGYC
- Fernandez V. R., Jauregui J. G., Merino G. E.* Latin America and China's Belt and Road Initiative: Challenges and Proposals from a Latin American Perspective // *Austral: Brazilian Journal of Strategy and International Relations*. 2023. Vol. 12, no. 23. P. 105–134. <https://doi.org/10.22456/2238-6912.129527>
- Gonen E.* China and the Suez Canal — Politics, Economy, and Logistics // *The Suez Canal: Past Lessons and Future Challenges / ed. by C. Lutmar, Z. Rubinovitz*. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 27–41. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15670-0_2
- Han Qunqun, Qin Yang.* Shi you tian ran qi ren min bi zhan lue de shi shi lu jing tan suo // *Xi nan shi you da xue xue bao (she hui ke xue ban)* [Исследование китайской стратегии нефтегазового юаня // *Журнал Юго-Западного нефтяного университета (издание по общественным наукам)*]. 2019. Vol. 21, no. 6. P. 8–13. (На китайском языке).
- Lissovolik Y. D.* BRICS Expansion: New Geographies and Spheres of Cooperation. Editorial for Special Issue // *BRICS Journal of Economics*. 2024. Vol. 5, no. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e120071>
- Ly Fei, Yang Chen, Fang Libing.* Do The Crude Oil Futures of The Shanghai International Energy Exchange Improve Asset Allocation of Chinese Petrochemical-Related Stocks? // *International Review of Financial Analysis*. 2020. Vol. 71. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2020.101537>
- Madani S.* Beyond Geopolitics: A Geoeconomic Perspective of China — Iran Belt and Road Initiative Relations // *Uluslararası İlişkiler Dergisi*. 2022. Vol. 19, no. 74. P. 53–72. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.1121604>
- Mahmood S., Sun H., Abdein M. A., Qadri S. U., Iqbal A., et al.* Exploring the China — Pakistan Economic Corridor Project Performance During COVID-19 Pandemic // *Heliyon*. 2023. Vol. 9, no. 12. P. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e22835>
- Mo Bi, Zhenke Zhang, Guoen Wei, Binglin Liu.* On the Sino-Egyptian Geo-Relations in the Perspective of the Belt and Road — Based on Event Data Analysis // *Cogent Social Sciences*. 2023. Vol. 9, iss. 1. P. 1–21. <https://doi.org/10.1080/23311886.2022.2160535>
- Okoye A. C.* The Global South Awakening // *SIST Journal of Religion and Humanities*. 2023. Vol. 3, no. 2. P. 69–80.
- Peterson D.* China's Power Play in Indonesia: Infrastructure Investment and Territorial Incursions // *Moussons. Recherches en sciences humaines sur l'Asie du Sud-Est*. 2023. No. 41. P. 223–247. <https://doi.org/10.4000/moussons.10736>
- Petushkova V. V.* China's Experience and Prospects for Sustainable Development // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92, no. 2. P. 207–215. <https://doi.org/10.1134/S1019331622020095>; EDN: DXIMLI

- Şenol C., Üçişik Erbilien S. Analysis of the Impact of the Middle Corridor on Türkiye in Terms of Geopolitics and Economy in the OBOR Initiative // *Cografya Dergisi*. 2022. No. 45. P. 161–180. <https://doi.org/10.26650/JGEOG2022-1159338>
- Wu Yiding, Peng Zilong, Lai Dan, Zhao Shen, Wang Lu, et al. Xi tu chan ye lian quan qiu ge ju xian zhuang, qu shi yu pan ji ying dui zhan lue yan jiu // *Zhong guo ke xue yuan yuan kan* [Исследование текущей ситуации, прогнозирование тенденций и стратегии реагирования на глобальную структуру цепочки производства редкоземельных металлов // *Труды Китайской академии наук*]. 2023. Vol. 38, no. 2. P. 255–264. (На китайском языке). <http://dx.doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.20221026001>
- Zhang Chunyu. Lan se jing ji fu neng zhong fei “Hai shang si lu” gao zhi liang fa zhan: nei zai ji li yu shi jian lu jing // *Xi ya fei zhou* [Голубая экономика способствует высококачественному развитию китайско-африканского «Морского Шелкового пути XXI века»: неотъемлемый механизм и практический путь // *Западная Азия и Африка*]. 2021. Iss. 1. P. 73–96. (На китайском языке).

Сведения об авторе:

Столетов Олег Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 3949-8752; ORCID: 0000-0003-0479-7865; e-mail: oleg-stoletov1@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-345-357

EDN: ZHLZJZ

Научная статья / Research article

Проектирование «гибридной войны»: западная дискурсивная репрезентация китайской внешней политики

Г. Саймонс¹, А.В. Манойло², А.Р. Гончаренко³¹Международный университет Даффодил, Дакка, Бангладеш²МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерацияgregmons@yahoo.com

Аннотация. Китай — крупнейший государственный субъект международных отношений, который представляет серьезную угрозу продолжающейся однополярной гегемонии США. В этой связи против Китая ведется кампания обструктивной внешней политики посредством позиционирования Китая как злойшей угрозы и ненадежного субъекта, выступающего против «порядка, основанного на правилах». В надежде ограничить и сдержать глобальный подъем Китая Запад стремится подорвать потенциал «мягкой силы» Китая. Опираясь на интегративный вид обзора литературы, авторы рассматривают попытки «производства знаний» с использованием субъективных интерпретаций и представлений США и их союзников о современном типе геополитически обусловленных международных конфликтов — гибридной войне. В представлении западной общественности гибридная война — это политически заряженный и нагруженный термин, который предполагает злой умысел у зачинщика такого конфликта в отношении предполагаемой жертвы. По оценкам зарубежных экспертов, современная внешняя политика Китая носит гибридный характер. Страну публично обвиняют в проведении операций в экономическом, кибернетическом, географическом, геополитическом, психологическом, информационном и идеологическом пространствах. В настоящее время понятие «китайской гибридной войны» начинает становиться все более популярным в средствах массовой информации. Однако обострение китайско-американских отношений на фоне конфликта в Южно-Китайском море и тайваньской проблемы дает нам возможность прогнозировать, что Китай будет все чаще позиционироваться как опасный источник гибридной угрозы в западнцентристском дискурсе, чтобы по умолчанию попытаться сохранить гегемонию США и сдержать глобальный рост КНР посредством негативной информационной кампании.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, КНР, неограниченная война, международные отношения, гибридные угрозы, информационная война, сдерживание, США

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Саймонс Г., Манойло А. В., Гончаренко А. Р. Проектирование «гибридной войны»: западная дискурсивная репрезентация китайской внешней политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 345–357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-345-357>

© Саймонс Г., Манойло А.В., Гончаренко А.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Projecting 'Hybrid Warfare': Western Discursive Representation of Chinese Foreign Policy

Greg Simons¹ , Andrei V. Manoilo² , Anna R. Goncharenko³

¹Daffodil International University, Dhaka, Bangladesh

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 gregmons@yahoo.com

Abstract. China is the single largest state-based international actor that is a major threat to the continued hegemony of the United States' unipolar order. As such, a campaign of obstructive foreign policy is being waged against China through the obstructive marketing of China as a sinister threat and unreliable actor against the 'rules-based order.' By attempting to undermine China's soft power potential, it is hoped that China's global rise can be constrained and contained. Drawing on an integrative type of literature review, this article examines attempts at 'knowledge production' through geopolitically subjective interpretations and representations by the U.S. and its allies of the modern type of geopolitically-influenced international conflicts — hybrid warfare. In the English language imagination, hybrid warfare is a politically charged and loaded term that assumes ill intent by the user upon the intended victim. According to the research estimates by foreign experts, the current foreign policy of international activities by China displays a hybrid character. The country is publicly accused of carrying out operations in the economic, cybernetic, geographical, geopolitical, psychological, information and ideological spaces. Currently, the notion of "Chinese hybrid warfare" is starting to become an increasingly popular mass communicated trope. However, the aggravation of Sino-American relations against the backdrop of the South China Sea, the Taiwan issue and the Russian special military operation gives us an opportunity to predict that China will increasingly be projected as an increasingly dangerous source of hybrid threat in the Western-centric discourse to contain its global rise and by default to try to preserve US global hegemony through a negative information campaign.

Key words: People's Republic of China, PRC, unrestricted warfare, international relations, hybrid threats, information warfare, containment, United States

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Simons, G., Manoilo, A. V., & Goncharenko, A. R. (2024). Projecting 'hybrid warfare': Western discursive representation of Chinese foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 345–357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-345-357>

Введение

В современную эпоху трансформации гегемонии геополитика рассматривает события и тенденции в сфере международных отношений не только посредством теорий, таких как реализм, конструктивизм, либерализм и т. д., но и сквозь призму информационного пространства, в рамках которого происходит конструирование восприятия актуальных международных процессов с целью вызвать нужную реакцию на эти сконструированные представления (Flint, 2016; Simons, 2022). В настоящее время на Западе широко распространено мнение, что Российская Федерация

ведет масштабную гибридную войну против демократических стран¹. Однако в последнее время стали все чаще звучать мнения, что Китайская Народная Республика (КНР) также прибегает к гибридным инструментам

¹ См.: Clark M. Russian Hybrid Warfare // The Institute for the Study of War. September 2020. URL: [http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russia n%20Hybrid%20Warfare%20ISW%20Report%202020.pdf](http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russia%20Hybrid%20Warfare%20ISW%20Report%202020.pdf) (accessed: 01.03.2021); Peter L. Is Russia Going to War with Ukraine and Other Questions // BBC. April 13, 2021. <https://web.archive.org/web/20210908084651/https://www.bbc.com/news/world-europe-56720589> (accessed: 01.09.2021). См. также: (Lanoszka, 2016).

для укрепления статуса мировой державы (Simons, 2022).

В статье анализируются попытки западноцентричных производителей знаний сформировать систему устоявшихся представлений в области международных отношений² посредством геополитически удобных и субъективных интерпретаций и репрезентаций проецируемой угрозы, которую Китай представляет для однополярного порядка во главе с США. Производители знаний, исследователи и эксперты выполняют важную функцию, создавая материалы, используемые в массовой коммуникации с различными аудиториями, чтобы убеждать и влиять на них, формируя восприятие и мнение по разным вопросам (Simons, 2014).

Знание необязательно должно быть истинным, но оно должно быть достоверным и правдоподобным, чтобы когнитивная манипуляция была успешной. В этой работе исследуются несколько различных категорий, которые фигурируют в дискурсе о западноцентричных угрозах. К ним относятся ведение гибридной войны в экономическом, кибернетическом, географическом, геополитическом, психологическом, информационном и идеологическом пространствах. Западная обструктивная внешняя политика³ реализуется через информационную сферу (важно, что информация и знания выступают пятым измерением для ведения боевых действий, помимо земли, воды, воздуха и космоса) с целью повлиять на когнитивную сферу, изменяя воспринимаемые, сконструированные

и проецируемые реальности для различных глобальных заинтересованных сторон в той степени, в которой это влияет на события и процессы в физическом мире. Таким образом, как словосочетание «гибридная война», так и сама эта концепция имеют негативный и зловещий оттенок в сознании западной аудитории после многих лет когнитивной обработки со стороны правительств стран Запада, стремящихся формировать восприятие своих граждан и, как следствие, получить их согласие на все более агрессивные действия и безрассудную внешнюю политику.

В статье изложены некоторые западноцентричные аргументы из обзора литературы о китайских гибридных операциях, ведущихся в шести оперативных средах, а в заключении приведены некоторые наблюдения о мотивах, возможностях и результатах участия в такой форме обструктивной внешней политики, направленной на лишение оппонента возможности достижения своих внешнеполитических целей и задач. Цель заявления о том, что Китай участвует в гибридной войне — атака на его международный авторитет и репутацию, снижение привлекательности страны для сотрудничества, благодаря чему появляется возможность для продления гегемонии США и сохранения однополярного миропорядка.

Гибридная война: определения и характеристики

Язык геополитики с точки зрения его риторики и избирательного использования ярлыков и определений важен для достижения консенсуса среди различных групп в отношении интерпретаций и представлений о сконструированной реальности. Это означает, что заинтересованные группы могут использовать идеи и концепции, такие как гибридная война, в качестве политического инструмента для повышения своего влияния и придания легитимности государственной политике.

Существуют различные определения гибридной войны. Фрэнк Хоффман (Hoffman, 2009), которому приписывают создание этой концепции, предсказал конвергенцию

² Simons G. *International Relations in the Age of US Decline: Orthodoxy of Knowledge and Obstructive Foreign Policy // Russia in Global Affairs*. August 2, 2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/us-orthodoxy-of-knowledge/> (accessed: 20.04.2022).

³ См.: Simons G. *International Relations in the Age of US Decline: Orthodoxy of Knowledge and Obstructive Foreign Policy // Russia in Global Affairs*. August 2, 2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/us-orthodoxy-of-knowledge/> (accessed: 20.04.2022); Simons G. *Modern Diplomacy in an Unstable Global Order: Emotions, Obstruction and Coercion // Valdai Club*. February 7, 2022. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/modern-diplomacy-in-an-unstable-global-order/> (accessed: 29.06.2022).

будущих войн, в которых соперники будут участвовать в мультимодальной войне, сочетающей в себе организацию и средства межгосударственного конфликта и особенности нерегулярных войн. Следует отметить, что еще до Ф. Хоффмана офицеры Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Цяо Лян и Ван Сянсуэй опубликовали работу, в которой выделили отличительные черты неограниченных войн (Qiao & Wang, 1999), хотя в целом основные положения китайской (неограниченная война) и американской (гибридная война) концепций схожи.

Более современное толкование термина «гибридная война» представляется очень расплывчатым: «Гибридная война и поддерживающая ее тактика могут включать широкие, сложные, адаптивные, оппортунистические и часто интегрированные комбинации традиционных и нетрадиционных методов. Эта деятельность может быть открытой или скрытой, с участием военных, парамилитарных формирований, организованных преступных сетей и гражданских лиц»⁴.

В определении гибридной войны, данном Организацией Североатлантического договора (НАТО), наблюдается недостаток концептуальной ясности. М. Калискан отмечает, что «альтернативные издержки неправильной концепции слишком высоки, поскольку она создает путаницу и затемняет стратегическую мысль» (Caliskan, 2019, p. 40). Однако отсутствие ясности действительно приносит потенциальные политические выгоды. О. Фридман (Fridman, 2017) заявляет, что в таком случае создается ситуация, в которой одной стороне затруднительно обвинять другую в неправомерных действиях, одновременно отражая критику в свою сторону и пытаясь получить общественную поддержку на национальном и международном уровнях. Все это согласуется с точкой зрения Р. Джонсона (Johnson, 2018), который предполагает, что в век информации сила СМИ, воздействие,

доступность и дезориентация, которую они создают, влияют на то, как интерпретируется полученная информация. Следовательно, беспокойство порождается «угрозой» гибридных методов, которые эксплуатируют предрасположенность западных СМИ к недостоверным и сенсационным историям или подрывают общепринятые нормы ведения войны. Конечным результатом является создание у аудитории чувства дезориентации и острого желания оперативно все исправить. Таким образом, гибридная война — это не только концепция, включающая скрытые военные операции с точки зрения академического и политического понимания, но также и инструмент утверждения своей повестки и обвинения оппонента.

Методология

Эта статья включает в себя изучение тематической литературы, которая интерпретирует вводящий в заблуждение западнотрицентричный дискурс о том, что китайские гибридные операции представляют угрозу безопасности Запада. Несмотря на то, что рассмотренные материалы по-разному трактуют действия КНР, они раскрывают некоторые важные концептуальные и практические аспекты того, как эти нарративы задумывались и использовались политиками и практиками.

Чтобы охватить вышеупомянутые переменные, представляющие интерес для данной статьи, был проведен обзор литературы. Его цель — дать более широкий и всесторонний анализ рассматриваемой темы, чтобы прояснить проблемы, связанные с предметом исследования (Pati & Lorusso, 2018; Conz & Magnani, 2020). Существует несколько различных видов обзоров литературы — систематический, полусистематический и интегративный (Snyder, 2019, pp. 334–336). Авторы придерживаются интегративного (критического) типа, который помогает «оценить, подвергнуть критике и обобщить литературу по теме исследования таким образом, чтобы появились новые теоретические основы и перспективы» (Snyder, 2019, p. 335). Обзор литературы должен носить диалогический

⁴ White Paper Next Steps in NATO's Transformation: To the Warsaw Summit and Beyond // The Atlantic Council. 2015. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2015/05/NATO_NTS_2015_White_Paper_Final.pdf (accessed: 29.06.2022).

характер, а не быть простым повторением работ и мыслей других исследователей. Следовательно, если исследование основано на более ранних работах, то отобранные источники должны соответствовать поставленной научной задаче (Silverman, 2020, pp. 50–51).

Выборка источников для обзора была сделана посредством поисковых запросов в Интернете, включающих термины «Китай» и «гибридная война». Из массива источников отбирались академические и аналитические работы, авторами которых являлись исследователи из США и стран-союзниц, рассматривавшие в своих работах китайские гибридные операции и Китай как угрозу. В выборку вошли только работы, опубликованные после 2011 г., так как в этот год администрация Б. Обамы провозгласила «азиатский поворот», в рамках которого была публично обозначена дискурсивная позиция, в которой Китай рассматривался как угроза, которую необходимо сдерживать. Особый интерес и актуальность представляют следующие контекстуальные факторы: информационная мощь, когнитивное влияние, восприятие/проецирование риска и угрозы как ключевые элементы возглавляемого США западноцентричного дискурса об угрозе безопасности со стороны Китая.

В результате проведенного обзора литературы было выявлено несколько общих тем из выборки: кибернетическое пространство (цифровая гибридная угроза), экономическое пространство (экономическая гибридная угроза), психологическое пространство (психологическая гибридная угроза), геополитическое пространство (геополитическая гибридная угроза) и географическое пространство (географическая гибридная угроза). Такими различными классификациями восприятия и репрезентации угрозы китайской гибридной войны западными авторами.

Обзор литературы: типологии угроз и ответных мер

Каждая из категорий и типологий (кибернетическое, экономическое, психологическое, геополитическое, информационно-идеологическое и географическое пространства)

представлена по очереди, с кратким и сжатым изложением основных положений рассмотренной литературы.

Кибернетическое пространство

Цифровая среда является не только потенциальным источником силы и влияния, но также источником слабости и уязвимости. Она становится сферой соперничества государств посредством операций в компьютерных сетях (*Computer Network Operations, CNO*), которые подразделяются на атаку компьютерных сетей (*Computer Network Attack, CNA*) и защиту компьютерных сетей (*Computer Network Defence, CND*).

В рамках Сил стратегического обеспечения НОАК функционирует Департамент сетевых систем. В его зону ответственности входят информационные, психологические и кибероперации, техническая разведка и радиоэлектронная борьба. По мнению американского оборонного ведомства, основная цель Департамента — борьба с США⁵. Этот тезис объясняется через призму гибридной войны, которая представляет собой скрытое средство подрыва национальной безопасности, требующее жесткой политики для противодействия заявленным рискам и угрозам.

Китай имеет свой комплексный подход к кибервойне⁶. Ведение боевых действий в киберпространстве согласуется с двумя основополагающими для Китая стратегическими принципами: доктриной народной войны, согласно которой мобилизации подлежат широкие слои населения, причем значимая роль отводится идеологическому фактору, и военно-гражданским слиянием (привлечение гражданского населения и компаний в военную сферу). Пример практической

⁵ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 61. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

⁶ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

реализации данных принципов — отряды кибервоинов, состоящих из гражданских лиц⁷.

Искусственный интеллект (ИИ) и биотехнологии также рассматриваются НОАК в качестве инструментов ведения боевых действий, что становится предметом исследования западных специалистов (Каня, 2019). Прогнозируется, что применение таких технологий приведет к интеграции мозга и машины, что выведет военные операции на новый уровень⁸. Американский аналитик Т. Томас считает, что ИИ оказывает все более значимое влияние на подход Китая к войне, так как в обозримом будущем военные операции будут представлять собой битву алгоритмов⁹, а «достижения в области когнитивных технологий приведут к появлению когнитивного поля войны»¹⁰.

Опасения у экспертов вызывают и технологические компании КНР. Например, закон о национальной разведке КНР обязывает частные компании сотрудничать с китайскими спецслужбами, поэтому индийские исследователи призывают власти своей страны ограничить участие таких компаний в работе над инфраструктурой 5G (Nandan & Chauhan, 2021, p. 132). Они упоминают китайскую компанию *Zhenhua Data Information Technology*, которая собирала личную информацию о миллионах людей, в том числе высокопоставленных гражданах Индии (Nandan & Chauhan, 2021, pp. 131, 133).

⁷ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

⁸ Xian qi xin de jun shi ge ming? Liu da guan jian ci jie du zhi neng hua zuo zhan // Jie fang jun xin wen chuan bo zhong xin [Начало новой военной революции? Расшифровка шести ключевых слов интеллектуальной войны // China Military Network]. 01.03.2018. (На китайском языке). URL: https://web.archive.org/web/20180301133434/http://www.81.cn/theory/2018-03/01/content_7956455.htm (accessed: 03.09.2021).

⁹ Thomas T. L. The Chinese Way of War: How Has It Changed // The MITRE Corporation. 2020 (June). P. 2, 29, 31–38. URL: https://community.apan.org/cfs-file/_key/docpreview-s/00-00-16-68-30/20200611-China-Way-of-War_2800_Timothy-Thomas_2900_.pdf (accessed: 25.09.2021).

¹⁰ Ibid. P. 33.

Экономическое пространство

Экономика является потенциальным источником национальной мощи и влияния для акторов мировой политики. Когда акторы конкурируют и сталкиваются в международных отношениях, геоэкономика используется как средство поддержки геополитической стратегии.

В доктринальных документах США Китай рассматривается как основной источник гибридной агрессии: Пекин обвиняется в том, что для противодействия США он сочетает дипломатические и экономические инструменты, не прибегая к прямому вооруженному столкновению и разрушению союзов¹¹.

Эксперты Брукингского института считают, что Китай разработал комплексную стратегию по расширению и укреплению своего глобального экономического влияния¹². Примером такой деятельности являются инвестиции КНР в портовую инфраструктуру Индо-Тихоокеанского региона (Cooper & Shearer, 2017, p. 309): порты Гвадар (Пакистан)¹³, Читтагонг (Бангладеш)¹⁴, Хамбантота (Шри-Ланка)¹⁵ и др., а также выделение средств для банковского сектора регионов,

¹¹ The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 // U.S. Army Training and Doctrine Command. December 6, 2018. URL: <https://info.publicintelligence.net/USArmy-MultidomainOps2028.pdf> (accessed: 25.09.2021).

¹² Marc A., Jones B. The New Geopolitics of Fragility: Russia, China, and the Mounting Challenge for Peacebuilding // The Brookings Institution. October 2021. P. 15. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/10/FP_20211015_new_geopolitics_fragility_marc_jones_v2.pdf (accessed: 25.09.2021).

¹³ Пакистан передал под контроль китайской компании порт Гвадар на побережье Аравийского моря // ТАСС. 12.11.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2428503> (дата обращения: 11.09.2021).

¹⁴ Bhattacharjee J. China — Bangladesh Strategic Linkages // Observer Research Foundation. May 11, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-bangladesh-strategic-linkages/> (accessed: 11.09.2021).

¹⁵ Куприянов А. В. Китай взял в долгосрочную аренду глубоководный порт Хамбантота на Шри-Ланке // ИМЭМО РАН. 20.12.2017. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-vzval-v-dolgosrochnuyu-arendu-glubokovodnyy-port-hambantotana-shri-lanke?ret=640> (дата обращения: 11.09.2021).

представляющих интерес для Китая¹⁶ (например, 2 млрд долл. США были предоставлены Фонду «Африка растет вместе»¹⁷).

Инициатива «Пояс и путь» также воспринимается западными исследователями как источник гибридной агрессии: страны, участвующие в реализации китайского проекта, не только попадают в зависимость от КНР, но и потенциально могут стать территориями, откуда будут вестись китайские гибридные операции¹⁸. По мнению американских экспертов, из-за того, что стремление к извлечению выгод и бизнес-интересы ставятся представителями западной элиты выше национальной безопасности и интересов собственной страны, Запад не смог своевременно предотвратить появление китайской угрозы в регионе¹⁹. Предполагается, что экономическая конкуренция станет более значимой, чем военная²⁰.

¹⁶ Chen Y., Calabrese L., Willitts-King B. How China's New White Paper Defines a Decade of Development Cooperation // Overseas Development Institute. January 20, 2021. URL: <https://odi.org/en/insights/how-chinas-new-white-paper-defines-a-decade-of-development-cooperation/> (accessed: 20.08.2021).

¹⁷ Remarks Delivered by AfDB President Akinwumi Adesina at Signing Ceremony of Sharm El-Sheikh Airport Development Project Loan Facility with the Government of Egypt // African Development Bank. October 12, 2015. URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/remarks-delivered-by-afdb-president-akinwumi-adesina-at-signing-ceremony-of-sharm-el-sheikh-airport-development-project-loan-facility-with-the-government-of-egypt-14808> (accessed: 23.09.2021).

¹⁸ Babbage R. Stealing a March: Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defence Planners. Volume II: Case Studies // Centre for Strategic and Budgetary Assessments. July 24, 2019. P. 32. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2> (accessed: 20.09.2021).

¹⁹ Ibid. P. 49

²⁰ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 4. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

Психологическое пространство

Данная сфера затрагивает воздействие коммуникационной деятельности в информационной сфере и посредством нее — на процессы и результаты в когнитивной сфере отдельных людей и групп. Задачи операций на этом направлении — установление контроля над противником и подавление его воли к сопротивлению посредством внедрения в механизм принятия решений противника, создания хаоса и поддержки антиправительственных настроений. Психологическое воздействие ускоряет распространение слухов и фейковой информации, что может подтолкнуть граждан к поиску назначенных заранее организатором операции «виновников» и созданию атмосферы страха (Nandan & Chauhan, 2021, p. 131). Согласно Принципам организации политической работы в НОАК, проведение психологических операций является одним из трех ключевых компонентов современной военной стратегии страны²¹.

В структуру НОАК входит Главное политическое управление, в котором функционируют несколько бюро, отвечающих за проведение психологических операций²². Известно о Базе 311, расположенной в г. Фучжоу, которая функционирует под контролем этого управления²³. Она занимается трансляцией на Тайвань посредством радиостанции «Голос Тайваньского пролива» и социальных сетей. Необходимо упомянуть

²¹ Kania E. The PLA's Latest Strategic Thinking on the Three Warfares // The Jamestown Foundation China Brief. Vol. 16, no. 13. URL: <https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/> (accessed: 01.12.2021).

²² Stokes M., Hsiao R. The People's Liberation Army General Political Department: Political Warfare with Chinese Characteristics // Project 2049 Institute. October 14, 2013. P. 22. URL: <https://project2049.net/2013/10/14/the-peoples-liberation-army-general-political-department-political-warfare-with-chinese-characteristics/> (accessed: 01.12.2021).

²³ Kania E.B. The Role of PLA Base 311 in Political Warfare Against Taiwan (part 3) // Global Taiwan Institute. February 15, 2017. URL: <https://globaltaiwan.org/2017/02/the-role-of-pla-base-311-in-political-warfare-against-taiwan-part-3/> (accessed: 01.12.2021).

и специальные организации, продвигающие китайскую культуру за рубежом: Ассоциация по продвижению китайской культуры, Китайская ассоциация международных дружественных контактов, Фонд по культурному обмену между Китаем и США и проч.²⁴ Военные специалисты из США также упоминают Силы стратегического обеспечения НОАК, которые вовлечены в психологическую борьбу, а также в информационное противоборство, проведение информационных и кибератак, осуществление технической разведки и радиоэлектронную борьбу²⁵.

В целом зарубежные специалисты отводят заметную роль психологическому пространству. Высказывается предположение, что «мощный психологический элемент» в случае обострения отношений с Японией сможет переломить ситуацию в пользу Китая²⁶. По мнению некоторых экспертов, в отношении Индии используется особая стратегия, важным элементом которой являются психологические операции (Qureshi, 2020; Nandan & Chauhan, 2021, p. 130). В случае обострения тайваньского вопроса еще активнее будет задействована упомянутая выше База 311 для планирования и проведения политических и психологических операций²⁷.

²⁴ Raska M. Hybrid Warfare with Chinese Characteristics // RSIS Commentary. 2015 (December 2). No. 262. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/12/CO15262.pdf> (accessed: 20.09.2021).

²⁵ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 61. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

²⁶ Babbage R. Stealing a March: Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defence Planners. Volume II: Case Studies // Centre for Strategic and Budgetary Assessments. July 24, 2019. P. 33. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2> (accessed: 20.09.2021).

²⁷ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 118. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

Геополитическое пространство

В фокусе внимания находится проецируемая идея «подрывной» китайской геополитической деятельности как части геостратегии КНР, направленной на продолжение роста за счет США и западноцентричного глобального порядка.

Американские исследователи озабочены масштабными целями, озвученными Коммунистической партией Китая: «Сделать Китай самой могущественной страной мира к 2050 году»²⁸, обеспечить мировое лидерство²⁹, обрести статус морской державы³⁰, что приведет к снижению мирового влияния Соединенных Штатов (Doshi, 2021, p. 302). По сути, это прямая угроза глобальной гегемонии США.

Эксперты Брукингского института выделили несколько направлений внешнеполитического курса Китая, развитие которых угрожает нынешнему порядку: помощь странам третьего мира (инфраструктура, инвестиции, прямая помощь населению) и непрозрачная для мирового сообщества и международных финансовых институтов система финансирования проектов в других государствах³¹.

Китай также обвиняется в ведении «правовой войны», направленной на оправдание и юридическое оформление результатов политики перед мировым сообществом (Jash, 2019, pp. 102–103).

²⁸ Lucas E. A China Strategy // Center for European Policy Analysis. December 7, 2020. P. 2. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/a-china-strategy/> (accessed: 01.12.2021).

²⁹ Mattis P. The Party Congress Test: A Minimum Standard for Analysing Beijing's Intentions // War on the Rocks. January 8, 2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/01/the-party-congress-test-a-minimum-standard-for-analyzing-beijings-intentions/> (accessed: 03.10.2021).

³⁰ McDevitt M. Becoming a Great "Maritime Power": A Chinese Dream // Centre for Naval Analyses. June 1, 2016. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/irm-2016-u-013646.pdf (accessed: 03.10.2021).

³¹ Marc A., Jones B. The New Geopolitics of Fragility: Russia, China, and the Mounting Challenge for Peacebuilding // The Brookings Institution. October 2021. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/10/FP_20211015_new_geopolitics_fragility_marc_jones_v2.pdf (accessed: 25.09.2021).

Стратегия сдерживания Китая под руководством США, судя по всему, основана на препятствовании подъему КНР путем оттеснения от него потенциальных партнеров и создания региональных альянсов, цель которых — ограничение источников потенциального роста и влияния Китая. Чтобы обеспечить себе глобальное положение, как США, так и КНР ведут активную работу на информационном и идеологическом фронте.

Информационно-идеологическое пространство

В рамках данной категории рассматривается распространение китайской идеологии, которая воспринимается как угроза успешному продвижению пропаганды США и, следовательно, жизнеспособности продолжающейся глобальной американской гегемонии.

Оказание влияния на общественное мнение через средства массовой информации — одна из трех основных задач, провозглашенных в Принципах организации политической работы в НОАК (Nandan & Chauhan, 2021, p. 131). Главное политическое управление НОАК занимается проведением информационных операций, продвигая определенные нарративы о стабильности, экономическом процветании и межнациональном мире в целях повышения авторитета и доверия к Китаю³². Важными инструментами для реализации таких операций являются Информационное агентство Синьхуа и Центральное телевидение Китая (Nandan & Chauhan, 2021, p. 131). Для повышения их эффективности Китай занимается сбором информации, что вызывает много опасений на Западе³³.

По мнению Э. Кордсмана, ярким примером является крупная китайская дезинформационная кампания в марте 2020 г., связанная с

³² Raska M. Hybrid Warfare with Chinese Characteristics // RSIS Commentary. 2015 (December 2). No. 262. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/12/CO15262.pdf> (accessed: 20.09.2021).

³³ Lucas E. A China Strategy // Center for European Policy Analysis. December 7, 2020. P. 6. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/a-china-strategy/> (accessed: 01.12.2021).

пандемией коронавируса³⁴. Один из китайских дипломатов в *Twitter* (ныне — *X*) высказал предположение, что вирус мог быть привезен в страну американскими военнослужащими. В свою очередь тайваньские власти утверждали, что китайская сторона использовала ботов для распространения недостоверной информации о COVID-19 в соцсетях (Cooper & Shearer, 2017).

Можно ожидать, что информационные операции станут ключевым инструментом в контексте решения вопросов, связанных с Тайванем³⁵, в то время как западные СМИ и политические лидеры пытаются, наоборот, накалить ситуацию вокруг Китая в информационном пространстве (Simons, 2022).

Географическое пространство

Эта категория связана с «оборонительным» (гео)политическим ответом США на так называемую «китайскую угрозу», который, по сути, является призывом узаконить потенциально рискованные политические действия, направленные на решение геополитического вызова американской гегемонии. Таким образом, географическое пространство, в отличие от геополитического пространства, затрагивает представления о «китайской угрозе», а не реакцию США, направленную на сдерживание роста Китая.

В докладе, подготовленном Министерством обороны США, были выделены зоны интересов Китая, в которых он реализует операции влияния. Фактически они

³⁴ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 4. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

³⁵ См.: Ying Y. L. China's Hybrid Warfare and Taiwan // *The Diplomat*. January 13, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/chinas-hybrid-warfare-and-taiwan/> (accessed: 27.08.2021); Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 113–114. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

охватывают всю территорию Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)³⁶.

Одна из главных геостратегических задач США — оказание поддержки Тайваню, который, как считается, подвергается агрессии со стороны Китая³⁷. Американские власти подчеркивают важность помощи Китайской Республике, исходя из необходимости обеспечения мирной обстановки в Тайваньском проливе и АТР³⁸. Так как воссоединение с островом является одним из ключевых факторов для реализации плана о китайском национальном возрождении³⁹, ситуация вокруг Тайваня рассматривается как «наиболее вероятный повод для потенциально катастрофической войны между США и Китаем»⁴⁰. Статус острова — одна из основных причин американо-китайской напряженности, что подтверждается частыми военными демонстрациями у его берегов⁴¹. На период 2020–2025 гг. предсказывалось объединение Тайваня

с материковым Китаем, которое будет проходить с применением военной силы⁴². Эксперты обвиняют китайское правительство в использовании военных и невоенных методов для укрепления собственной мощи⁴³, оказания давления на власти острова⁴⁴ и делегитимизации статуса Тайваня⁴⁵, а также реализации стратегии «трех войн» (психологической, информационной и правовой)⁴⁶.

Расширение китайского влияния в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях создает плацдарм для последующего применения силы и в других регионах⁴⁷. Политика Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях описывается как ненасильственная экспансия с использованием военных и невоенных инструментов, направленная на изменение регионального и международного порядка и увеличение зоны влияния (Heath, 2016, pp. 26–27).

Дипломатическое давление и угрозы военной силой также используются для отстаивания своих претензий на острова, морское

³⁶ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

³⁷ Segal S., Reynolds M., Roberts B. Degrees of Separation: A Targeted Approach to US — China Decoupling. Interim Report // Centre for Strategic and International Studies. October 21, 2021. P. 12–13. URL: <https://www.csis.org/analysis/degrees-separation-targeted-approach-us-china-decoupling-interim-report> (accessed: 03.11.2021).

³⁸ Price N. Increasing People's Republic of China Military Pressure Against Taiwan Undermines Regional Peace and Stability // The U.S. Department of State. October 3, 2021. URL: <https://www.state.gov/increasing-peoples-republic-of-china-military-pressure-against-taiwan-undermines-regional-peace-and-stability/> (accessed: 03.11.2021).

³⁹ US Military Cites Rising Risk of Chinese Move Against Taiwan // The Associated Press. April 8, 2021. URL: <https://apnews.com/article/us-military-risk-china-move-against-taiwan-788c254952dc47de78745b8e2a5c3000> (accessed: 21.08.2021).

⁴⁰ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 15. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

⁴¹ Ibid. P. 27–29, 32–33.

⁴² Zhong guo wei lai 50 nian li bi da de liu chang zhan zheng // Wen hui bao [Шесть войн, которые предстоит вести Китаю в ближайшие 50 лет // Wen Wei Po]. 08.07.2013. (На китайском языке). URL: <https://web.archive.org/web/20130919044555/http://info.wenweipo.com/index.php?action-viewnews-itemid-62404> (accessed: 10.11.2021).

⁴³ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020: Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defence. 2020. P. 70. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF> (accessed: 20.09.2021).

⁴⁴ Ibid. P. 76.

⁴⁵ Raska M. Hybrid Warfare with Chinese Characteristics // RSIS Commentary. 2015 (December 2). No. 262. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/12/CO15262.pdf> (accessed: 20.09.2021).

⁴⁶ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

⁴⁷ Li N. The Southern Theatre Command and China's Maritime Strategy // The Jamestown Foundation China Brief. 2017 (June 9). Vol. 17, no. 8. P. 8. URL: <https://jamestown.org/program/southern-theater-command-chinas-maritime-strategy/> (accessed: 01.12.2021). См. также: (Cooper & Shearer, 2017, p. 305).

и воздушное пространство⁴⁸. Взятие Китаем под контроль отмелей, островов и рифов в Южно-Китайском море⁴⁹ и возведение там насыпных островов и инфраструктуры⁵⁰ воспринимается как угроза для суверенитета государств АТР и судоходства. По мнению американского адмирала Д. Ставридиса, Китай таким образом реализует операции гибридной войны⁵¹. Примечательно, что другие государства, омываемые этим морем, создают аналогичные объекты и стремятся контролировать участки суши⁵², однако это не вызывает такой же острой реакции у зарубежных экспертов.

Авторитет США в западной части Тихого океана, как и доверие к ним со стороны региональных игроков, заметно снизились⁵³, в связи с чем возвращение в Южно-Китайское море и получение доверия держав региона — серьезные и значимые задачи для США в настоящее время (Cooper & Shearer, 2017, pp. 308–309). Учитывая очевидный упадок гегемонии и мощи США, формирование антикитайских альянсов из числа азиатских стран является сложной задачей для Вашингтона.

Еще одним инструментом Китая на этом направлении являются «синие человечки».

⁴⁸ Cordesman A. H., Hwang G. Chronology of Possible Chinese Gray Area and Hybrid Warfare Operations // Centre for Strategic and International Studies. July 2, 2020. P. 13. URL: <https://www.csis.org/analysis/chronology-possible-chinese-gray-area-and-hybrid-warfare-operations> (accessed: 01.12.2021).

⁴⁹ Ibid. P. 2.

⁵⁰ Miracola S. Chinese Hybrid Warfare // Italian Institute for International Political Studies. December 21, 2019. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/chinese-hybrid-warfare-21853> (accessed: 03.11.2021).

⁵¹ Stavridis J. Maritime Hybrid Warfare Is Coming // U.S. Naval Institute Proceedings. 2016 (December). Vol. 142. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2016/december/maritime-hybrid-warfare-coming> (accessed: 01.12.2021).

⁵² Occupation and Island Building // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies. URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/> (accessed: 01.12.2021).

⁵³ Lucas E. A China Strategy // Center for European Policy Analysis. December 7, 2020. P. 6. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/a-china-strategy/> (accessed: 01.12.2021).

Так на Западе называют китайских рыбаков, которые подготовлены и подконтрольны армии КНР. Они составляют военно-морское ополчение, осуществляющее военные и невоенные операции (сопровождение судов в морских водах Китая, создание препятствий для американских военных кораблей, контроль за объектами и т. д.) (Chakravorty, 2019, p. 87). Их деятельность не нарушает нормы международного права, а сами они юридически являются гражданскими лицами.

Присутствие США в АТР, таким образом, преподносится как средство для сдерживания Китая. Так, совместно с другими государствами США реализуют операции по поддержанию свободы судоходства (*freedom of navigation operations*, FONOP)⁵⁴, а американские военные корабли патрулируют район Парасельских о-вов и о-вов Спратли, считая эти воды международными и демонстрируя отрицание китайских претензий на них.

Заключение

Несмотря на то, что концепция гибридной войны не является неотъемлемой частью китайской внешней политики, она широко представлена в западном дискурсе о современных международных отношениях. Мы наблюдаем, как под руководством США ведется обструктивная внешняя политика, направленная против глобального роста Китая. Информационное пространство является сферой соперничества, которая также используется для воспрепятствования росту мощи и влияния Китая в рамках одной из форм информационной войны.

Совокупность операций в кибернетическом, экономическом, психологическом, геополитическом, информационном, идеологическом и географическом пространствах, описанных иностранными исследователями, позволяет говорить о «китайской гибридной

⁵⁴ LaGrone S. China Says PLA Scrambled Aircraft, Ships to 'Expel' U.S. Warship from South China Sea Island Chain // USNI News. 2020. URL: <https://news.usni.org/2020/04/28/china-says-pla-scrambled-aircraft-ships-to-expel-u-s-warship-from-south-china-sea-island-chain> (accessed: 01.12.2021).

войне» и ставить ее в информационную повестку дня. Однако о ней эксперты НАТО пока не заявляют так же громко, как о российской «гибридной войне», так как китайский дискурс находится лишь в процессе внедрения. В этом отношении утверждение о том, что Китай ведет гибридную войну, является не объективным описанием факта, а скорее субъективным ярлыком, вызывающим негативные ассоциации. Этот процесс, по видимому, направлен на расшатывание системы отношений Китая с заинтересованными в сотрудничестве странами (особенно в контексте инициативы «Пояс и путь») и одновременно на укрепление и расширение системы сетей и альянсов США.

Очевидная цель состоит в том, чтобы сформировать на Западе общественное мнение о легитимности более жесткой,

основанной на ложном представлении об агрессивном Китае внешней политики в отношении КНР, стремящейся разрушить так называемый «порядок, основанный на правилах» посредством подрывных действий и обмана. Политическая легитимность при таком сценарии базировалась бы на чувстве страха в обществе: западный образ жизни находится под угрозой, поэтому принимаются решения, которые направлены на сохранение однополярного порядка США, остановку роста Китая и недопущение перехода к многополярному миру. Однако многочисленные противоречия, слабости и дилеммы американского однополярного миропорядка свидетельствуют о том, что он уже не может быть устойчивым и спасительным в современных реалиях.

Поступила в редакцию / Received: 05.09.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 03.04.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Caliskan M.* Hybrid Warfare Through the Lens of Strategic Theory // *Defence & Security Analysis*. 2019. Vol. 35, no. 1. P. 40–58. <https://doi.org/10.1080/14751798.2019.1565364>
- Chakravorty P. K.* Hybrid Warfare in the Sino-Indian Context // *CLAWS Journal*. 2019. Vol. 12, no. 2. P. 80–95. URL: <https://www.claws.in/static/PK-Chakravorty.pdf> (accessed: 01.09.2022).
- Conz E., Magnani G.* A Dynamic Perspective on the Resilience of Firms: A Systematic Literature Review and a Framework for Future Research // *European Management Journal*. 2020. Vol. 38, no. 3. P. 400–412. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2019.12.004>
- Cooper Z., Shearer A.* Thinking Clearly About China's Layered Indo-Pacific Strategy // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2017. Vol. 73, no. 5. P. 305–311. <https://doi.org/10.1080/00963402.2017.1364005>
- Doshi R.* The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order. New York : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197527917.001.0001>
- Flint C.* Introduction to Geopolitics. New York : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315640044>
- Fridman O.* Hybrid Warfare or Gibrindnaya Voyna? Similar, But Different // *The RUSI Journal*. 2017. Vol. 162, no. 1. P. 42–49. <https://doi.org/10.1080/03071847.2016.1253370>
- Heath T. R.* An Overview of China's National Military Strategy // *China's Evolving Military Strategy* / ed. by J. McReynolds. Washington, DC : The Jamestown Foundation, 2016. P. 1–39.
- Hoffman F. G.* Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Force Quarterly*. 2009. No. 52. P. 34–48.
- Jash A.* Fight and Win Without Waging a War: How China Fights Hybrid Warfare // *CLAWS Journal*. 2019. Vol. 12, no. 2. P. 96–109. URL: <https://www.claws.in/static/Amrita-Jash.pdf> (accessed: 02.09.2022).
- Johnson R.* Hybrid War and Its Countermeasures: A Critique of the Literature // *Small Wars and Insurgencies*. 2018. Vol. 29, no. 1. P. 141–163. <https://doi.org/10.1080/09592318.2018.1404770>
- Kania E. B.* Minds at War: China's Pursuit of Military Advantage Through Cognitive Science and Biotechnology // *Prism*. 2019. Vol. 8, no. 3. P. 82–101. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/prism/prism_8-3/prism_8-3_Kania_82-101.pdf (accessed: 11.08.2022).
- Lanoszka A.* Russian Hybrid Warfare and Extended Deterrence in Eastern Europe // *International Affairs*. 2016. Vol. 92, no. 1. P. 175–195. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12509>
- Nandan D., Chauhan B.* Chinese Hybrid Warfare Strategy: A Threat to India's National Security // *The Journal of Indian Art History Congress*. 2021. Vol. 27, no. 1. P. 129–137. URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/351660031_CHINESE_HYBRID_WARFARE_STRATEGY_A_THREAT_TO_INDIA'S_NATIONAL_SECURITY (accessed: 08.09.2022).

Pati D., Lorusso L. N. How to Write a Systematic Review of the Literature // *HERD: Health Environments Research & Design Journal*. 2018. Vol. 11, no. 1. P. 15–30. <https://doi.org/10.1177/1937586717747384>

Qiao Liang, Wang Xiangsui. *Unrestricted Warfare*. Beijing : PLA Literature and Arts Publishing House, 1999.

Qureshi W. A. The Rise of Hybrid Warfare // *Notre Dame Journal of International Comparative Law*. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 173–208. URL: <https://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1124&context=ndjicl> (accessed: 01.09.2022).

Silverman D. *Interpreting Qualitative Data*. London; Thousand Oaks, CA : SAGE Publications Ltd, 2020.

Simons G. “Inevitable” and “Imminent” Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories // *Journal of International Analytics*. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 43–58. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-43-58>; EDN: DWJBFK

Simons G. The International Crisis Group and the Manufacturing and Communicating of Crises // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35, no. 4. P. 581–597. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.924062>

Snyder H. Literature Review as a Research Methodology: An Overview and Guidelines // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 104. P. 333–339. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.07.039>

Сведения об авторах:

Саймонс Грег — внештатный сотрудник кафедры журналистики, медиа и коммуникаций, Международный университет Даффодил; eLibrary SPIN-код: 2833-6515; ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com

Манойло Андрей Викторович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 9867-9958; ORCID: 0000-0002-8142-9110; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Гончаренко Анна Романовна — аспирант, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 4244-3486; ORCID: 0009-0000-5310-0505; e-mail: annagoncharenko3@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370

EDN: ZIMOCW

Научная статья / Research article

Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов

Э.З. Галимуллин ✉, В.Б. Кашин , А.С. Крамаренко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
✉egalimullin@hse.ru

Аннотация. Резкое обострение отношений между Россией и странами Запада, начавшееся в феврале 2022 г., стало серьезным вызовом арктическому сотрудничеству, которое на протяжении нескольких последних десятилетий становилось все более интенсивным, плодотворным и в немалой степени взаимовыгодным для его участников. Китай, успевший продемонстрировать всему миру наличие у него амбиций в Арктическом регионе, находится перед лицом непростых вызовов. Ряд исследовательских вопросов, связанных с арктической стратегией Пекина, в этой связи требует уточнения. Не навредит ли укрепление сотрудничества с Россией выстраиванию взаимодействия с остальными арктическими государствами? В какой мере кризис безопасности и постепенная трансформация сложившейся системы международного сотрудничества в Арктике повлияет на планы Китая по интеграции региона в глобальные стратегические проекты Пекина? Какое место может быть отведено Китаю в будущей системе управления Арктикой? Цель исследования — выявление изменений, происходящих в настоящее время в китайской арктической политике. Методологическую основу исследования составляет теория комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вейвера. Установлено, что политика выстраивания арктической идентичности, одной из ключевых составляющих которой выступает секьюритизация климатического дискурса, встречает все большее сопротивление со стороны западных стран. В условиях современного кризиса Пекин также вынужден поддерживать баланс двусторонних отношений с Россией и государствами Северной Европы. Эрозия сложившейся системы международного арктического сотрудничества для Китая представляется крайне нежелательной, поскольку эта система вопреки нормативно-правовым режимам полного господства арктических стран (секторальный подход) позволяла Пекину на законных основаниях принимать ограниченное участие в управлении регионом. Вместе с тем на доктринальном уровне отмечается смещение фокуса арктической политики Китая на более глобальное видение развития региона. Внешнеполитические трансформации вызваны рядом сторонних факторов, среди которых можно выделить последствия пандемии коронавируса и усиливающееся китайско-американское стратегическое противостояние.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, КНР, Арктический регион, идентичность, международное сотрудничество, кризис, Россия, Арктический совет

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Галимуллин Э. З., Кашин В. Б., Крамаренко А. С. Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 358–370. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370>

Snow Dragon: China's Arctic Policy Facing New Challenges

Eduard Z. Galimullin , Vasily B. Kashin , Anastasia S. Kramarenko

HSE University, Moscow, Russian Federation

egalimullin@hse.ru

Abstract. The sharp deterioration between Russia and the West that began in February 2022 has posed a serious challenge to the advancement of Arctic cooperation, which has become increasingly intense, fruitful, and, to a large extent, mutually beneficial for its participants over the past several decades. China, which has demonstrated to the world that it has ambitions in the region, is facing difficult challenges. In this regard, some research questions about Beijing's Arctic strategy need to be addressed. Will the strengthening of cooperation with Russia harm the building of interaction with the other Arctic states? To what extent will the security crisis and the gradual transformation of the established system of international cooperation in the Arctic affect China's plans to integrate the region into its global strategic projects? What role can China play in the future Arctic governance system? The objective of this study is to provide a comprehensive analysis of the changes currently taking place in China's Arctic policy. The methodological foundation of the study is the theory of regional security complexes by B. Buzan and O. Wæver. It has been determined that the policy of building an Arctic identity, one of the key components of which is the securitization of the climate discourse, is meeting increasing resistance from Western countries. In the context of the current crisis, Beijing is also forced to balance its bilateral relations with Russia and the states of Northern Europe. The erosion of the existing international Arctic cooperation framework is highly undesirable for China, as it allowed Beijing to legitimately take a limited role in the governance of the region, as opposed to the regulatory regimes of total domination of the Arctic states (sectoral approach). However, at the doctrinal level, there has been a shift in the focus in China's Arctic policy toward a more global vision of the region's development. The foreign policy shift has been driven by a number of external factors, including the aftermath of the coronavirus pandemic and the intensifying Sino-American strategic confrontation.

Key words: People's Republic of China, PRC, Arctic region, identity, international cooperation, crisis, Russia, Arctic Council

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Galimullin, E. Z., Kashin, V. B., & Kramarenko, A. S. (2024). Snow Dragon: China's Arctic policy facing new challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 358–370. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370>

Введение

В последние десятилетия внимание мира к Арктике неуклонно возрастало. Среди основных причин стремительно растущего интереса к Арктическому региону исследователями чаще всего упоминались климатические изменения (Koivurova, 2012; Nuttall, 2012), крупные запасы природных ископаемых¹, а

также потенциальное круглогодичное судоходство по маршрутам, которые в перспективе могут выступить в качестве альтернативы традиционным (Østreng et al., 2013; The Northern Sea Route..., 2015). Эксперты представляли Арктику как пример взаимовыгодного сотрудничества государств (Heininen,

States) // U.S. Geological Survey Open-File Report. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/publication/ofr20071404> (accessed: 25.03.2024). См. также: (Zellen, 2009).

¹ Charpentier R., Klett T., Attanasi E. Database for Assessment Unit-Scale Analogs (Exclusive of the United

2019; Steinveg, 2021), образец мирного урегулирования конфликтов в рамках норм международного права (Stokke, 2011; Byers, 2013; Bertelsen, 2019), а тренд на вовлечение в региональное управление неарктических стран рассматривали сквозь призму поэтапной и мирной эволюции межгосударственных структур, в частности Арктического совета (Wiseman, 2020).

В настоящее время в контексте обострения отношений между Россией и странами Запада, угрожающего международному сотрудничеству в Арктике, Китай сталкивается с рядом проблем, которые могут затруднить реализацию его амбиций, касающихся участия в управлении регионом. Москва традиционно является основным проводником для Пекина в полярные широты, в частности по вопросу использования Северного морского пути (СМП). Однако Китай также активно сотрудничает с Гренландией и Исландией². Не навредит ли укрепление сотрудничества с Россией выстраиванию взаимодействия с остальными арктическими государствами?

Кроме того, набирающая обороты милитаризация потенциально сужает простор для участия в управлении Арктикой не только негосударственных структур, но также государств, не являющихся арктическими, за счет снижения потенциала для научного и экономического сотрудничества. В какой мере кризис безопасности и постепенная трансформация сложившейся системы международного сотрудничества в Арктике повлияет на планы Китая по интеграции региона в его глобальные стратегические проекты? Отразится ли на китайской политике в Арктике соперничество с Вашингтоном³? И, если да, то как?

² Dams T., van Schaik L., Stoetman A. Presence Before Power: China's Arctic Strategy in Iceland and Greenland // Clingendael Report. June 2020. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2020/presence-before-power/> (accessed: 25.03.2024).

³ См.: Wishnick E. China's Interests and Goals in the Arctic: Implications for the United States // US Army War College Strategic Studies Institute. March 1, 2017. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11274> (accessed: 03.04.2024); Patey L. Managing US — China Rivalry in the Arctic: Small States Can Be Players in Great Power Competition // Danish Institute for International Studies.

В годы, предшествующие текущему кризису, набирало популярность мнение о необходимости реформы международных институтов вроде Арктического совета (Nord, 2016; Young, 2016). Вне зависимости от своей конфигурации будущей формат взаимодействия государств в Арктике неизбежно должен учесть ожидания и требования изначально неарктических игроков. Какое место может быть отведено Китаю в будущей системе управления Арктикой в условиях «новой нормальности»?

В статье рассматриваются происходящие в Арктике и в китайской арктической политике изменения в рамках теории комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вейвера (Buzan & Wæver, 2003). Многие авторитетные исследователи международных отношений апробировали данный подход в изучении региона (Lanteigne, 2020), в том числе после событий февраля 2022 г. (Stackhouse, 2023). Несмотря на серьезные изменения в геополитическом ландшафте Арктики, конструктивизм, в отличие от реализма и его разновидностей, представляется более адекватным аналитическим инструментом, способным ответить на насущные вопросы применительно к управлению Арктикой. Так, в случае Китая актуальным остается анализ его политики по выстраиванию арктической идентичности (Lanteigne, 2015), реализуемой посредством секьюритизации климатической повестки (Акимов, 2023; Conger & Sikorsky, 2023), а также формирование потенциала для управления процессом принятия решений (*norm entrepreneurship*)⁴.

October 9, 2020. URL: <https://www.diis.dk/en/research/managing-us-china-rivalry-in-the-arctic> (accessed: 03.04.2024); Anthony I., Su F. A Strategic Triangle in the Arctic? Implications of China — Russia — United States Power Dynamics for Regional Security // Stockholm International Peace Research Institute. March 2021. <https://www.sipri.org/publications/2021/sipri-insights-peace-and-security/strategic-triangle-arctic-implications-china-russia-united-states-power-dynamics-regional-security> (accessed: 03.04.2024).

⁴ Pelaudeix C. Along the Road: China in the Arctic // European Union Institute for Security Studies (EUISS). December 1, 2018. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep21468> (accessed: 09.02.2024).

Арктическое управление и региональная безопасность сквозь призму конструктивизма

Изменение сущности и масштабов угроз, вызванных не только объективными материальными, но и социально-сконструированными факторами и явлениями, стимулировало расширение сфер, включенных в проблематику безопасности, а также увеличение числа референтных объектов, которые обозначаются как требующие защиты: экология, климат, культура и идентичность, отдельные социальные группы и индивид. В этом контексте классические рационалистические подходы к трактовке безопасности, прежде всего политический реализм и различные его ответвления, обладают ограниченным объяснительным потенциалом. Они сужают социально-политическую реальность, трактуя международные отношения как бесконечное военно-политическое соперничество и череду неизбежных насильственных конфликтов между главными их субъектами — государствами (Mearsheimer, 2001, pp. 17–18). Безопасность же понимается как отсутствие политических и военных угроз суверенитету, стабильности и национальным интересам государства, которое вынуждено наращивать средства для обеспечения безопасности в мире «самопомощи» (*self-help world*) и анархии международных отношений (Mearsheimer, 2001, p. 19).

Исследования сформировавшейся в Арктическом регионе структуры безопасности и ее современной трансформации, а также анализа места и роли китайской политики в этой структуре требуют использования когнитивной оптики, расширяющей спектр референтных объектов безопасности. Такой оптикой обладают конструктивистские теории, актуализированные после окончания холодной войны и интенсивного развития глобализационных тенденций. Речь идет, в частности, о теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ) Б. Бузана и О. Вейвера. Это обусловлено не только фокусировкой ТКРБ на проблематике выстраивания систем безопасности в конкретных регионах,

но и тем, что она предоставляет инструментарий для учета уникальной роли Арктики в мире. В основе данной теории — региональные структуры безопасности, под которыми понимаются комплексы государств и других референтных объектов секьюритизации, настолько взаимосвязанных, что вопросы обеспечения безопасности в регионе, к которому они принадлежат, не могут быть разрешены автономно (Buzan & Wæver, 2003, p. 44). Мы полагаем, что Арктика — именно такой комплекс, являющийся точкой пересечения интересов как основных приарктических государств, так и неарктических, в том числе Китая, а также разнообразных коммерческих и некоммерческих стейкхолдеров, уже ставших частью системы взаимоотношений в регионе.

В таких комплексах или кластерах протекает значительная доля международных процессов секьюритизации и десекуритизации высокой интенсивности, а динамика этих процессов зависит от взаимодействия референтных объектов. Глобальная же структура безопасности представляет собой совокупность региональных комплексов, между частями которых международные процессы в сфере безопасности менее интенсивны, а взаимосвязи — слабее. Это обусловлено тем, что угрозы безопасности с большей вероятностью распространяются на короткие расстояния, соответственно, риск конфликта возрастает именно между единицами, расположенными в непосредственной географической близости друг от друга (Buzan, 2003, p. 141).

Фактор географической близости подразумевает существование между единицами регионального комплекса безопасности политико-социальных, экономических, и культурных связей, что предопределяет необходимость совместного решения проблем обеспечения безопасности и купирования рисков. В этой связи важна способность акторов договариваться о том, что именно является экзистенциальной угрозой, требующей экстренных мер реагирования (Buzan, 2003, p. 141). Этот процесс определяется Б. Бузаном и О. Вейвером как крайняя версия политизации, или секьюритизация — речевой акт,

призванный убедить целевую аудиторию в том, что то или иное событие, феномен или субъект ставят под вопрос выживаемость референтного объекта безопасности, например государства, человека, народа, культуры, окружающей среды и т. д. (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998, pp. 24–25). При этом проблема секьюритизируется только тогда, когда целевая аудитория принимает ее как таковую. Если агент секьюритизации достиг своей цели, то это легитимизирует применение всех необходимых средств для нейтрализации этой опасности, выходящих за пределы стандартных политических процедур.

Необходимо отметить, что и референтный объект, и экзистенциальная угроза могут располагаться в военном, политическом, экономическом, социальном и экологическом секторах (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998, pp. 22–23). Поскольку Арктика является уникальным регионом со сложным комплексом отношений и концентрацией интересов различных акторов, для него характерна мультисекторальная среда безопасности (Buzan, 2003, p. 157). Это означает, что угроза, возникающая в одном секторе, неизбежно затрагивает и распространяется на другие. Поэтому только комплексный анализ динамики секьюритизации/десекуритизации позволит дать объективную оценку структуры безопасности, сформировавшейся в Арктике на сегодняшний день.

Таким образом, экзистенциальная угроза необязательно реально существует, а может быть социально сконструирована и встроена в дискурс секьюритизации регионального кластера, в результате чего проблемой безопасности становится именно то, что определено и принято в качестве таковой. Однако это не подразумевает, что все проблемы безопасности — исключительно коммуникативные конструкторы. Более того, многие из них могут быть не политизированы и не являться объектом интереса государства или общества в конкретную единицу времени либо политизированы и встроены в рамки государственной политики или другой формы социального управления, и под давлением разнообразных событий или обстоятельств

с помощью актов коммуникации способны секьюритизироваться, то есть трансформироваться в проблему экзистенциальной опасности. Такая метаморфоза в конце XX — начале XXI столетия произошла, например, с проблематикой защиты окружающей среды и преодоления климатических изменений в Арктике. Сегодня экологические нарративы активно используются Китаем в секьюритизирующем дискурсе для продвижения собственных интересов в регионе.

Выстраивание арктической идентичности Китая

Стремительный экономический рост Китайской Народной Республики (КНР) в последние несколько десятилетий способствовал превращению Пекина в одного из ведущих игроков на мировой арене, внешнеполитические интересы которого присутствуют практически во всех частях земного шара (Mladenov, 2021, pp. 97–142). Арктический регион с его разведанным и прогнозным ресурсным потенциалом, а также перспективными транспортными возможностями не является исключением. Однако если повсеместно китайская внешнеэкономическая экспансия подразумевала рост политического влияния в отдельных странах и регионах (Разумнова, Мигалева, 2019), то ситуация в Арктике характеризуется некоторыми отличительными особенностями. Так называемый «режим управления Арктикой» (Young, 2012), сложившийся в результате создания в 1996 г. Арктического совета, представляет собой систему управления регионом (*Arctic governance*), привилегированными участниками которой выступают в более узком смысле 5 прибрежных государств (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания), а в более широком — 8 арктических государств — постоянных членов Арктического совета (вышеперечисленные страны плюс Финляндия, Исландия и Швеция), обладающих суверенитетом над сухопутными территориями в пределах Северного полярного круга.

Китай вкладывал значительные средства в различные проекты перечисленных

арктических государств⁵. Широко известно об активном сотрудничестве именно со скандинавскими странами (Serova & Skripka, 2022), а Исландия и вовсе стала первой европейской страной, подписавшей с КНР соглашение о свободной торговле в 2013 г.⁶ Отдельно необходимо отметить и укрепление китайско-российского регионального сотрудничества, в особенности после введения санкций в отношении Российской Федерации. Помимо ряда крупных проектов по добыче природных ресурсов широкую известность в 2017–2018 гг. получила концепция Ледового Шелкового пути (*Ice Silk Road*), подразумевающая использование СМП в качестве транспортно-логистической магистрали и являющаяся частью китайской инициативы «Пояс и путь» (Михайличенко, 2019).

Однако, несмотря на принимаемые меры по развитию двусторонних отношений, в связи с присутствием институциональных барьеров Китай как неарктическое государство имел весьма ограниченное влияние на управление регионом. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. Пекин начал проводить в отношении Арктики иную политику, последовательно осуществив ряд шагов с целью вовлечения в круг участников арктического управления, а также формирования потенциала для управления процессом принятия решений. Эта политика является частью более широкой стратегии использования дискурсивной власти и глобального продвижения китайских нарративов в целях трансформации существующей международной системы (Вос, 2015; Yang, 2021). Суть этой политики в отношении Арктики заключалась в выстраивании региональной идентичности посредством, главным образом, секьюритизации повестки, связанной с последствиями

изменения климата. В этом смысле вступление КНР в Арктический совет в качестве государства-наблюдателя в 2013 г. стало отправной точкой практической реализации данной политики, позволив Пекину получить некоторые формальные основания для обоснованного выражения своих взглядов на управление Арктикой.

Белая книга «Арктическая политика Китая»⁷, опубликованная пресс-канцелярией Госсовета КНР в 2018 г., стала первым официальным документом, в котором нашли отражение основные принципы, цели, задачи и направления китайской арктической политики. Хотя значительная часть из содержимого документа к тому времени уже была озвучена китайскими дипломатами в ходе выступлений на региональных площадках и форумах⁸, публикация стала важнейшим событием, подтвердившим намерения Пекина по позиционированию себя в качестве «арктической заинтересованной стороны»⁹. Так, уже во введении документа отмечается, что в связи с происходящими в Арктике изменениями, в первую очередь климатическими, регион отныне представляет интерес не только для арктических государств, но и для международного сообщества в целом.

Вслед за краткой физико-географической характеристикой Арктики, а также перечислением существующих там на сегодняшний день вызовов и возможностей Китай называет себя «околоарктическим» государством (*near-Arctic state*). В качестве обоснования для подобной характеристики используется

⁷ China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 11.02.2024).

⁸ Keynote Speech by Vice Foreign Minister Zhang Ming at the China Country Session of the Third Arctic Circle Assembly // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. October 17, 2015. URL: http://is.china-embassy.gov.cn/eng/zbgx/kjll/201510/t20151018_3164910.htm (accessed: 11.02.2024).

⁹ China Defines Itself as a 'Near-Arctic State', Says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute. May 10, 2012. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2012/china-defines-itself-near-arctic-state-says-sipri> (accessed: 20.02.2024).

⁵ Sengupta S., Myers S.-L. Latest Arena for China's Growing Global Ambitions: The Arctic // *The New York Times*. May 24, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/24/climate/china-arctic.html> (accessed: 09.02.2024).

⁶ Valdimarsson O. R. Iceland Is First in Europe to Sign Free Trade Pact with China // *Bloomberg*. April 15, 2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-15/iceland-is-first-in-europe-to-sign-free-trade-pact-with-china> (accessed: 09.02.2024).

тезис о непосредственном влиянии происходящих климатических изменений, в эпицентре которых находится Арктика, на экономические интересы КНР в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, морской индустрии и других отраслях. Несмотря на данные о существовании взаимосвязи между сокращением площади ледовой поверхности в акватории Северного Ледовитого океана и таяния ледников Гренландии с повышением общемировой температуры (Dethloff et al., 2006), американскими официальными лицами данное самопровозглашение было воспринято крайне негативно¹⁰, а западные эксперты охарактеризовали этот шаг Пекина как попытку «внедрить себя в семантику арктической темы»¹¹.

Другой важной составляющей нарратива об арктической идентичности является историческая интерпретация временных рамок китайского присутствия в регионе. В 1925 г. Китай действительно присоединился к Договору о Шпицбергене от 1920 г. — первому многостороннему соглашению в Арктике, в связи с чем арктическая история Китая насчитывает практически целый век, что определенно усиливает обоснованность китайского участия в региональном управлении. Вместе с тем Лю Нэнъе (Liu, 2021) утверждает, что Китай не принимал участия в процессе принятия решения о заключении Шпицбергенского договора, а приглашение присоединиться к Договору в адрес КНР со стороны Франции было обусловлено соперничеством последней с усиливающимися свое влияние в мире Соединенными Штатами Америки. Таким образом, участие Китая в Договоре скорее было частью обустройства международного порядка после Первой мировой войны, а не собственно арктическим вопросом. Лишь с 1990-х гг. можно начинать отсчет

формирования арктической политики Китая. Свою первую арктическую экспедицию китайцы предприняли в 1999 г., а первую полярную станцию (*Yellow River*) на Шпицбергене открыли лишь в 2004 г.¹²

Последовательно вопросы, касающиеся арктической политики, находили отражение и в более серьезных стратегических документах КНР. Так, 14-й пятилетний план Китая (2021–2025 гг.) впервые содержал упоминание именно Арктики, а не в целом полярных регионов. В ст. 33 говорится о намерении участвовать в прагматичном сотрудничестве в Арктике и строить «Ледяной шелковый путь». Некоторые исследователи характеризовали этот проект как альтернативу региональному статус-кво, сосредоточенному вокруг Арктического совета (Ушакова, 2021; Yang & Zhao, 2019). Также отмечается, что если в 13-м пятилетнем плане (2016–2020 гг.) вопросы, касающиеся морской политики, упоминались в основном в контексте защиты интересов Китая в близлежащих водах, то текст документов последней «пятилетки» в гораздо большей степени ориентирован на внешний мир и подчеркивает роль Китая в формировании глобального управления океаном¹³. В дополнение к этому можно отметить и упоминание Северного Ледовитого океана в одном из важнейших стратегических документов — Национальном плане развития транспортной системы, определяющем развитие транспортной системы в Китае с периодом планирования с 2021 по 2035 г. Полярный маршрут впервые представлен там как часть стратегии по диверсификации доступа к глобальным транспортным коридорам¹⁴.

¹² Kopra S. China and Its Arctic Trajectories: The Arctic Institute's China Series 2020 // The Arctic Institute. April 24, 2020. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-trajectories-the-arctic-institute-china-series-2020/> (accessed: 23.02.2024).

¹³ Eiterjord T. What the 14th Five-Year Plan Says About China's Arctic Interests // The Arctic Institute. November 23, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/14th-five-year-plan-chinas-arctic-interests/> (accessed: 05.03.2024).

¹⁴ Ibold S., Yun X. National Comprehensive Three-dimensional Transportation Network Planning Outline // GIZ. February 24, 2021. URL: <https://transition->

¹⁰ Fang A. US Rejects China's 'Near-Arctic State' Claim in New Cold War // Nikkei Asia. April 24, 2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-rejects-China-s-near-Arctic-state-claim-in-new-cold-war> (accessed: 23.02.2024).

¹¹ Durkee J. China: The New "Near-Arctic State" // Wilson Center. February 6, 2018. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/china-the-new-near-arctic-state> (accessed: 23.02.2024).

Кризис международного сотрудничества в Арктике: последствия для Пекина

В результате обострения российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. большинство региональных институтов, а также все 7 арктических стран кардинально сократили взаимодействие с Россией¹⁵. В отношении Москвы был введен целый ряд дополнительных санкционных ограничений, в частности направленных на дальнейшее сокращение финансовых и технологических возможностей освоения ресурсов континентального шельфа Арктики. Кроме того, вступление Финляндии и Швеции в Организацию Североатлантического договора (НАТО) стало проявлением стремительных изменений геополитического ландшафта в регионе и его превращения в арену для стратегического противостояния¹⁶.

На первый взгляд, эти и другие последствия кризиса сотрудничества для КНР можно оценить двояко. Так, в условиях эрозии системы управления регионом и разобщенности арктических государств Пекину теоретически могло бы быть проще качественно усилить свои позиции как крупного арктического стейкхолдера. Однако, во-первых, серьезные разногласия среди арктических стран присутствуют только по линии «Россия — западные страны». В этих условиях происходит еще большее сплочение альянса арктических государств Северной Европы с Канадой и США, в том числе и вокруг антикитайской повестки¹⁷. При подобном раскладе логичнее

china.org/wp-content/uploads/2021/03/Outline-of-the-National-Comprehensive-TDT-network.pdf (accessed: 05.03.2024).

¹⁵ Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine // IARPC Collaborations. March 3, 2022. URL: <https://www.iarpcollaborations.org/updates/22591> (accessed: 09.03.2024).

¹⁶ Paul M. U.S. Arctic Security Policy: North American Arctic Strategies, Russian Hubris and Chinese Ambitions // SWP Comment. 2023 (July 18). No. 40. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C40/> (accessed: 03.04.2024).

¹⁷ Peiqing G., Huiwen C. Chinese Perspective on the Arctic and Its Implication for Nordic Countries // The Arctic Institute. June 20, 2023. URL:

предположить необходимость для Пекина балансировать между противоборствующими сторонами, поскольку очевидно существование рисков от укрепления регионального взаимодействия с Москвой и потенциальных контрмер со стороны других арктических государств¹⁸. Несмотря на широкие возможности, открываемые российской политикой «поворота на Восток»¹⁹, Китай крайне внимательно оценивает собственные риски от усиливающихся антироссийских санкций, примером чему могут служить возникшие сложности с реализацией ряда крупных проектов, в которых задействованы китайские акционеры, например проект по производству сжиженного природного газа (СПГ) Арктик СПГ-2²⁰.

Во-вторых, сформировавшаяся система арктического управления пусть и была достаточно ригидной, однако все же предоставляла Пекину возможности для постепенной интеграции на совершенно формальных основаниях. Неслучайно на форуме Арктического круга в октябре 2022 г. китайский поверенный по делам Арктики призвал к скорейшему возобновлению сотрудничества²¹. Кроме

<https://www.thearcticinstitute.org/chinese-perspective-arctic-implication-nordic-countries/> (accessed: 15.03.2024).

¹⁸ Chen C. China — Russia Arctic Cooperation in the Context of a Divided Arctic // The Arctic Institute. April 4, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-russia-arctic-cooperation-context-divided-arctic/> (accessed: 15.03.2024).

¹⁹ См.: ГК «РУСТИТАН» и «Китайская компания коммуникаций и строительства» обсудили проект освоения Пижемского месторождения в Республике Коми // Российский союз промышленников и предпринимателей. 20.01.2023. URL: <https://rspp.ru/events/news/gk-rustitan-i-kitayskaya-kompaniya-kommunikatsiy-i-stroitelstva-obsudili-proekt-osvoeniya-pizhemsckogo-mestorozhdeniya-v-respublike-komi-63ce39f4e1909/> (дата обращения: 15.03.2024); НОВАТЭК и «Совкомфлот» создали СП для обеспечения круглогодичных поставок с СПГ-проектов // Коммерсантъ. 04.09.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4081158> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁰ «Арктик СПГ-2» теперь сам по себе // Коммерсантъ. 25.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6425739> (дата обращения: 15.03.2024).

²¹ Schreiber M. China Will Not Recognize an Arctic Council Without Russia, Envoy Says // Arctic Today. October 17, 2022. URL: <https://www.arctictoday.com/>

того, после вступления Китая в Арктический совет и активизации его арктической политики в исследовательских публикациях все чаще стал подниматься вопрос о необходимости реформирования организации с учетом новых реалий (Young, 2016; Knecht & Keil, 2017; Wiseman, 2020). Вполне логично было бы предположить если не расширение числа постоянных членов Арктического совета, то укрепление в правах государств-наблюдателей. Пекин попутно увеличивал свое присутствие на иных, менее институционализированных региональных площадках наподобие созданной в 2013 г. Ассамблеи Полярного круга (*Arctic Circle Forum*)²². Для КНР также крайне выгоден существующий нормативно-правовой режим Северного Ледовитого океана и арктических морей, регулируемый Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и рядом других международных договоров, в соответствии с которыми неарктическим странам разрешается широкий набор действий в открытом море (за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ)), включая разведку и добычу природных ресурсов (Bennett, 2015). Существовавший ранее секторальный подход полностью исключал допуск к управлению океаническими пространствами Арктики государств, не являющихся прибрежными.

Впрочем, ряд современных исследований позволяет утверждать, что содержательные изменения в арктической политике КНР происходят в том числе под влиянием факторов, касающихся последствий пандемии коронавируса и усиливающейся конкуренции с Вашингтоном (Ferchen, 2023; Zhou, 2023, pp. 77–105). Так, экономические трудности оказали негативное влияние на возможности Китая финансировать инфраструктурные проекты по всему миру в рамках своих глобальных инициатив, а конфронтационная

china-will-not-recognize-an-arctic-council-without-russia-envoy-says/ (accessed: 15.03.2024).

²² Китай направит свою делегацию на 3-ю Ассамблею Форума Северного полярного круга // Жэньминь жибао. 15.10.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1015/c31516-8962377.html> (дата обращения: 15.03.2024).

политика администрации Дональда Трампа вызвала усиление обеспокоенности среди западных стран относительно возможной милитаризации региона со стороны Пекина. Следует отдельно отметить, что скептицизм западных стран в отношении мирной арктической риторики Китая в значительной степени связан с растущими возможностями КНР как крупной морской державы. Так, в 2019 г. на мероприятии по случаю 70-й годовщины основания Военно-морского флота Народно-освободительной армии Китая Си Цзиньпин официально представил концепцию морского сообщества единой судьбы как решение для глобального управления океаном, выражающую готовность КНР «обсуждать больше и обсуждать все» (Wang, 2023). Также необходимо отметить, что активизация НАТО в Арктике за последнее десятилетие была связана и с растущим вниманием Китая к региону²³. В официальном коммюнике Брюссельского саммита в 2021 г. было прямо заявлено, что амбиции и напористое поведение Китая создают системные вызовы для основанного на правилах международного порядка, а также непосредственно для безопасности Североатлантического альянса²⁴.

Сегодня опасения западных стран усиливает военно-политическое взаимодействие Пекина с Москвой. Последняя, согласно мнению некоторых исследователей, в условиях перераспределения оборонных расходов в пользу украинского конфликта может пойти на предоставление своему восточному соседу еще больших преференций и возможностей для расширения присутствия в регионе²⁵. Так,

²³ Lanteigne M. The Changing Shape of Arctic Security // NATO. June 28, 2019. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (accessed: 15.03.2024).

²⁴ Brussels Summit Communiqué // NATO. June 14, 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 15.03.2024).

²⁵ Shifting Ice: Russia's Increasing Reliance on The Private Sector and the PRC in the Arctic // Strider. URL: <https://www.striderintel.com/resources/shifting-ice-russias-increasing-reliance-on-the-private-sector-and-the-prc-in-the-arctic/> (accessed: 21.03.2024).

на учениях в Баренцевом море в апреле 2023 г. в качестве наблюдателей присутствовала делегация из Китая²⁶, а месяцем ранее было заявлено о готовности двух стран создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути²⁷.

Вместе с тем возможность формирования именно военного альянса России и Китая представляется маловероятной²⁸. Договор об обороне с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) (1961 г.) на сегодняшний день остается единственным подобного рода китайским документом. Интерес же Пекина к СМП можно охарактеризовать скорее как стратегический, нежели тактический, поскольку, по мнению некоторых исследователей, инициатива «Пояс и путь», похоже, уступила место новым, не связанным с инфраструктурой китайским проектам по освоению земного шара²⁹. При этом еще в 2018 г. стало известно о планах Китайской национальной ядерной корпорации (*China National Nuclear Corporation, CNNC*) по созданию атомных ледоколов. Хотя конкретной информации об этом проекте до сих пор немного, ряд заявок на патенты, поданные инженерами дочерней компании *CNNC Marine Nuclear Power*, могут быть свидетельствами ведущейся по данному направлению работы³⁰.

²⁶ Ширяев С. Учения «Арктический патруль» прошли в Баренцевом море // Вести.ру. 26.04.2023. URL: <https://www.vesti.ru/article/3322395> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁷ Путин заявил, что Россия и Китай готовы сотрудничать по развитию Севморпути // ТАСС. 21.03.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17329179> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁸ Devyatkin P. China and the Arctic: Reflections in 2023 // The Arctic Institute. November 9, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/china-arctic-reflections-2023/> (accessed: 25.03.2024).

²⁹ Wu L. China's Transition from the Belt and Road to the Global Development Initiative // The Diplomat. July 11, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/07/chinas-switch-from-the-belt-and-road-to-the-global-development-initiative/> (accessed: 25.03.2024).

³⁰ Eiterjord T. Checking Back in on China's Nuclear Icebreaker // The Diplomat. February 13, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/02/checking-back-in-on-chinas-nuclear-icebreaker/> (accessed: 25.03.2024).

Наиболее вероятно, что официальный Пекин в дальнейшем будет избегать акцентов на вопросах, вызывающих болезненную реакцию западных стран, в частности добычи арктических природных ресурсов или использования морских транспортных возможностей региона. Основной упор в публичной риторике и доктринальных правовых актах уже делается на понимании Арктики как преимущественно морского пространства с еще только формирующейся архитектурой управления, но эта риторика отличается крайне общими формулировками. Например, в Белой книге от 2023 г. «Инициатива „Пояс и путь“: ключевая опора глобального сообщества общего будущего» нет ни слова про Арктику или Северный морской путь³¹. Упоминаются только полярные регионы в контексте совершенствования существующих механизмов многостороннего управления и сотрудничества для продвижения механизмов управления в появляющихся новых областях (*emerging areas*). В другой Белой книге «Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая» (2023 г.) полярные регионы упоминаются только в контексте содействия разработке свода правил для глобального цифрового управления наряду с космическим пространством и морским дном как «новыми рубежами» (*new frontier*)³².

Свидетельства меняющейся политики КНР на арктическом направлении можно проследить и в публичной риторике. Например, в совместном заявлении президента РФ В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина от 4 февраля 2022 г. отмечается, что стороны «согласились последовательно углублять *практическую кооперацию* в области

³¹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // China Daily. October 11, 2023. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202310/11/WS6525de2ba31090682a5e7d01.html> (accessed: 25.03.2024).

³² Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions // The State Council Information Office of the People's Republic of China. September 26, 2023. URL: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html (accessed: 25.03.2024).

устойчивого развития Арктики»³³. Заявление также содержит призыв ко всем заинтересованным государствам участвовать в развитии «эксплуатации арктических маршрутов»³⁴.

В аналогичном по форме заявлении от 21 марта 2023 г. подчеркивается, что стороны «продолжат углублять практическое сотрудничество в сферах *полярных научных исследований*, охраны окружающей среды и организации экспедиций, будут вносить большой общественный вклад в *глобальное управление морями и океанами*»³⁵. Таким образом, прослеживаются совершенно аналогичные акценты на глобальном, стратегическом подходе Китая к Арктике.

Заключение

Активизация внешней политики КНР в отношении Арктики на протяжении последнего десятилетия была обусловлена теми же факторами, которые способствовали общему повышению внимания к региону. В качестве содержательной основы этой политики выступали усилия по построению арктической идентичности, заключающиеся в активном влиянии Пекина на региональную повестку через аргументацию важности арктических

природных ресурсов для своего социально-экономического развития и секьюритизацию темы климатических изменений как угрозы для национальной безопасности.

Кризис регионального сотрудничества дополнил ряд проблем, с которыми сегодня сталкивается Пекин, в числе которых последствия пандемии, включая экономические, а также усиление стратегического соперничества с Вашингтоном. Однажды представленная широкой общественности арктическая стратегия Пекина постепенно вновь становится в некотором роде «вещью в себе», а упоминания Арктики лишь эпизодически находят свое отражение в доктринальных правовых актах. Это, впрочем, не означает потери интереса КНР к региону и с малой вероятностью окажет существенное влияние на продолжающееся строительство национального ледокольного флота. При условии сохранения существующего в Северном Ледовитом океане и прилегающих морях нормативно-правового режима Китаю необходимо поддерживать приемлемые отношения с арктическими государствами для беспрепятственного прохода через их территориальные воды и проливы, а также работать над обеспечением физической возможности своего потенциального присутствия в Арктике.

Также сохраняются возможности для постепенного восстановления существующей системы сотрудничества. В этой связи долгосрочной и стратегической целью Китая остается вовлечение в арктическое управление, поэтому наиболее вероятным развитием событий на ближайшую перспективу представляется поддержка Пекином существующих многосторонних арктических структур, а не создание или продвижение альтернативных проектов.

Поступила в редакцию / Received: 19.01.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 04.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

Акимов П.Х. Арктика с китайской спецификой // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 89–108. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.89>; EDN: YASXGE

- Михайличенко К. М.* Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21, № 2. С. 333–345. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345>; EDN: BEXZMS
- Разумнова Л. Л., Мигалева Т. Е.* Рост политического и экономического влияния Китая в современном мире: плюрализм мнений // *Международная торговля и торговая политика*. 2019. № 4. С. 42–64. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-4-42-64>; EDN: XFUPSD
- Ушакова Е. Г.* Арктические рубежи: Ледяной Шелковый путь и его роль в продвижении Китая в Арктику // *Арктика и Север*. 2021. № 43. С. 128–143. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.43.128>; EDN: TMTYFI
- Bennett M. M.* How China Sees the Arctic: Reading Between Extraregional and Intraregional Narratives // *Geopolitics*. 2015. Vol. 20, iss. 3. P. 645–668. <https://doi.org/10.1080/14650045.2015.1017757>
- Bertelsen R. G.* The Role of Transnational Knowledge Networks and Epistemic Communities in Arctic Shipping Governance // *Emerging Legal Orders in the Arctic: The Role of Non-Arctic Actors* / ed. by A. Shibata, Leilei Zou, N. Sellheim, M. Scopelliti. London : Routledge, 2019. P. 117–187. <https://doi.org/10.4324/9780429461170-10>
- Вос А.* The Power of Language: Globalizing “The Chinese Dream” // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 8. P. 533–551. <https://doi.org/10.1007/s40647-015-0102-y>
- Buzan B.* Regional Security Complex Theory in the Post-Cold War World // *Theories of New Regionalism: A Palgrave Macmillan Reader* / ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London : Palgrave Macmillan. London, 2003. P. 140–159. https://doi.org/10.1057/9781403938794_8
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Byers M.* International Law and the Arctic. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107337442>
- Conger J., Sikorsky E.* Climate Change Has Awakened the Polar Dragon // *Journal of Arctic & Climate Security Studies*. 2023. Vol. 1, no. 1. P. 129–135. URL: <https://councilonstrategicrisks.org/wp-content/uploads/2023/10/Climate-Change-Has-Awakened-the-Polar-Dragon.pdf> (accessed: 12.01.2024).
- Dethloff K., Rinke A., Benkel A., Koltzow M., Sokolova E., et al.* A Dynamical Link Between the Arctic and the Global Climate System // *Geophysical Research Letters*. 2006. Vol. 33, iss. 3. P. 1–4. <https://doi.org/10.1029/2005GL025245>
- Ferchen M.* The Contradictions in China’s Developmentalist Foreign Policy // *Orbis*. 2023. Vol. 67, iss. 4. P. 471–495. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.08.002>
- Heininen L.* Special Features of Arctic Geopolitics — A Potential Asset for World Politics // *The Global Arctic Handbook* / ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham : Springer, 2019. P. 215–234. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91995-9_13
- Knecht S., Keil K.* Conclusion: Governing the Arctic as a Globally Embedded Space // *Governing Arctic Change* / ed. by K. Keil, S. Knecht. London : Palgrave Macmillan, 2017. P. 301–310. https://doi.org/10.1057/978-1-137-50884-3_15
- Koivurova T.* The Arctic Council: A Testing Ground for New International Environmental Governance // *The Brown Journal of World Affairs*. 2012. Vol. 19, iss. 1. P. 131–144.
- Lanteigne M.* The Role of China in Emerging Arctic Security Discourses // *S&F Sicherheit und Frieden*. 2015. Vol. 33, no. 3. P. 150–155. <https://doi.org/10.5771/0175-274X-2015-3-30>
- Lanteigne M.* Considering the Arctic as a Security Region: The Roles of China and Russia // *Routledge Handbook of Arctic Security* / ed. by G. H. Gjørv, M. Lanteigne, S.-A. Horatio. London : Routledge, 2020. P. 311–323. <https://doi.org/10.4324/9781315265797-26>
- Liu Nengye.* China and One Hundred Years of the Svalbard Treaty: Past, Present and Future // *Marine Policy*. 2021. Vol. 124. P. 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104354>
- Mearsheimer J. J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York : W. W. Norton & Company, 2001.
- Mladenov N. S.* China’s Rise to Power in the Global Order: Grand Strategic Implications. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-66452-7>
- Nord D. C.* The Arctic Council: Governance Within the Far North. London : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315756196>

- Nuttall M.* Introduction: Politics, Science and Environment in the Polar Regions // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2, iss. 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.679553>
- Ostreng W., Eger K. M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., et al.* Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages. Heidelberg: Springer Berlin, 2013. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-16790-4>
- Serova E. V., Skripka I. R.* China's Soft Power Policy in Finland, Sweden, and Norway: A Cross-Country Analysis // *The Handbook of the Arctic: A Broad and Comprehensive Overview* / ed. by E. V. Pak, A. I. Krivtsov, N. S. Zagrebelnaya. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. P. 929–953. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9250-5_50-1
- Stackhouse M.* The Zone of Peace and the Future of Arctic Governance // *Journal of Arctic & Climate Security Studies*. 2023. Vol. 1, no. 1. P. 136–150.
- Steinveg B.* The Role of Conferences Within Arctic Governance // *Polar Geography*. 2021. Vol. 44, iss. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2020.1798540>
- Stokke O. S.* Environmental Security in the Arctic: The Case for Multilevel Governance // *International Journal*. 2011. Vol. 66, iss. 4. P. 835–848. <https://doi.org/10.1177/002070201106600412>
- The Northern Sea Route: A Comprehensive Analysis* / ed. by M. Keupp. Wiesbaden: Springer Gabler, 2015. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-04081-9>
- Wang Chuanliang.* The Significance of the Concept of a Maritime Community with a Shared Future in the International Law-Making Process: Taking the BBNJ Agreement as an Example // *Marine Policy*. 2023. Vol. 149. P. 105509. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2023.105509>
- Wiseman M. S.* The Future of the Arctic Council // *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics* / ed. by K. S. Coates, C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 439–452. https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_27
- Yang Jian, Zhao Long.* Opportunities and Challenges of Jointly Building of the Polar Silk Road: China's Perspective // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019. Vol. 12, no. 5. P. 130–144. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-130-144>; EDN: EOYCRK
- Yang Y. E.* China's Strategic Narratives in Global Governance Reform Under Xi Jinping // *Journal of Contemporary China*. 2021. Vol. 30, iss. 128. P. 299–313. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1790904>
- Young O. R.* Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2, iss. 2. P. 391–407. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735047>
- Young O. R.* The Arctic Council at Twenty: How to Remain Effective in a Rapidly Changing Environment // *UC Irvine Law Review*. 2016. Vol. 6, iss. 1. P. 99–120.
- Zellen B.* Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2009. <https://doi.org/10.5040/9798400614132>
- Zhou Jinghao.* Great Power Competition as the New Normal of China — US Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-09413-2>

Сведения об авторах:

Галимуллин Эдуард Зульфатович — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 8285-9495; ORCID: 0000-0003-3247-7826; e-mail: egalimullin@hse.ru

Кашин Василий Борисович — кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 3480-3664; ORCID: 0000-0001-9283-4528; e-mail: vkashin@hse.ru

Крамаренко Анастасия Сергеевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 5021-1033; ORCID: 0000-0001-7454-0956; e-mail: a.kramarenko@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384

EDN: ZKBWOA

Научная статья / Research article

Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений

М.О. Рекец

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 rekets-mo@rudn.ru

Аннотация. С начала 2000-х гг. Китай прилагает последовательные и настойчивые усилия по проникновению в Арктический регион и закреплению в нем в качестве полноценного участника международных политических и экономических процессов, претендуя на статус полноправного актора системы управления Арктикой. Актуальность темы исследования определяется стратегическим значением Арктики для интересов Российской Федерации и обусловленной этим потребностью выстраивать выверенный внешнеполитический курс на основе объективной оценки политики ключевых «игроков» в данном регионе, одним из которых становится Китай, наращивающий свое присутствие в Заполярье. Несмотря на значительное число работ российских и зарубежных исследователей по различным аспектам арктической политики Пекина, недостаточно изученным остается вопрос долгосрочных задач Китая в Арктике в контексте реализуемой им стратегии трансформации системы мирового управления. Автор ставит целью определение ключевых движущих факторов арктической политики Китайской Народной Республики (КНР) и оценку потенциальных угроз интересам России при реализации Китаем своих подходов к значимым вопросам будущего развития региона. Исследование осуществлено с опорой на теорию наступательного реализма, которая позволяет обосновывать высокую степень конкуренции мировых держав в геополитическом пространстве Арктики и объяснить значительный наступательный потенциал внешней политики Китая, в том числе на северном направлении. Использованы институциональный, логический методы и метод экспертной оценки. В основу положен системный подход к рассмотрению арктической политики КНР в совокупности ее различных элементов и меняющейся международной среды, а в более широком контексте — глобальной внешнеполитической стратегии Пекина. На основе анализа политики Китая на арктическом направлении за минувшее десятилетие выявляются риски, связанные с интенсивным привлечением китайского капитала в инфраструктурные проекты в высоких широтах и встраиванием российского северного логистического маршрута во всеобъемлющую китайскую инициативу «Пояс и путь», которая направлена на трансформацию мировой экономической системы и структуры международных отношений в интересах КНР.

Ключевые слова: Пояс и путь, Северный морской путь, Ледяной шелковый путь, сжиженный природный газ, СПГ, научная дипломатия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рекец М. О. Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 371–384. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384>

© Рекец М.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China's Arctic Policy in a Time of Global Geopolitical Transformation: A Northern Orientation

Marina O. Rekets

RUDN University, Moscow, Russian Federation

rekets-mo@rudn.ru

Abstract. Since the early 2000s, China has been putting consistent efforts to push its way into the Arctic and secure a position as an equal participant in international political and economic processes in the region. The relevance of this research lies in the crucial importance of the Arctic for the Russian Federation and, consequently, the necessity of developing a balanced foreign policy approach based on an objective assessment of the strategies of major “players” in the region, including China, which is gradually expanding its presence in the Far North. Despite the considerable number of studies conducted by Russian and foreign scientists on various aspects of China’s Arctic policy, the long-term goals of Beijing in the Arctic in the context of its strategy to transform the global governance system remain insufficiently researched. This study aims to identify the key drivers of China’s Arctic policy and to assess the way the implementation of China’s approaches to the core issues of the future development of the region could pose a threat to Russia’s interests. The study is based on the theory of offensive realism, which allows to justify the high degree of competition between the world powers in the geopolitical space of the Arctic and to explain the significant offensive potential of China’s foreign policy, including its northern dimension. The author employed a combination of institutional, logical, and expert assessment methods. The cornerstone of the methodological framework of the research is the systematic approach, through which the Arctic policy of the People’s Republic of China (PRC) is analyzed in a variety of its components with respect to the changing international environment, as well as in the broader context of Beijing’s global foreign policy strategy. Based on the analysis of China’s Arctic policy over the past decades, the author identifies the risks associated with the increased involvement of Chinese capital in the infrastructure projects in the High North and the integration of Russia’s northern logistic route into China’s Belt and Road Initiative (BRI), which aims to transform the global economic system and the structure of international relations to China’s advantage.

Key words: Belt and Road Initiative, BRI, the Northern Sea Route, Ice Silk Road, liquefied natural gas, LNG, science diplomacy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rekets, M. O. (2024). China’s Arctic policy in a time of global geopolitical transformation: A northern orientation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 371–384. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384>

Введение

За минувшие 30 лет мир и вместе с ним система международных отношений претерпели существенные изменения. Арктика, имеющая стратегическое значение для национальных интересов Российской Федерации, из периферийной области мировых политических процессов трансформировалась в глобальный макрорегион, на участие в освоении которого стали претендовать не только страны, к нему относящиеся, но и государства, весьма удаленные от Северного полярного круга. Одним из них является Китай, который за прошедшие три десятилетия совершил стремительный рывок в своем развитии, превратившись из аграрной страны во второе

после США государство мира по величине номинального ВВП, а по некоторым показателям, в том числе по паритету покупательной способности (ППС), став абсолютным лидером¹. Рост экономического могущества сопровождался последовательным повышением уверенности Пекина на мировой арене и нежеланием далее сохранять отстраненность в глобальных делах (Лексютина, 2018, с. 65). Это выразилось в постепенном отходе от внешнеполитической концепции «тихого возвышения», разработанной Дэн Сяопином и

¹ Россия вошла в пятерку экономик мира по паритету покупательной способности // Коммерсантъ. 04.08.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6146763> (дата обращения: 14.03.2024).

нацеленной на «сокрытие возможностей и нахождение в тени» в интересах обеспечения условий для внутреннего развития страны, — к доктрине великой державы, несущей глобальную ответственность за судьбу человечества (Бояркина, 2023).

Переход к новым доктринальным установкам применительно к внешней политике и роли Китая на мировой арене обозначился с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г. и напрямую связывается аналитиками с личностью представителя пятого поколения лидеров Китайской Народной Республики (КНР) (Денисов, Адамова, 2017; Верченко, 2020). Между тем продвигаемая нынешним председателем КНР идея возвышения Китая и превращения его в глобального лидера опирается на заложенную предыдущими руководителями страны идеологическую основу, в той или иной вариации прослеживаемую в их программных установках на протяжении всего XX в. Она заключается в нацеленности на реализацию «китайской мечты» о великом возрождении и процветании китайской нации, становлении Китая как самой могущественной державы в мире (Скрипкарь, 2015, с. 395–396). Предложенное Си Цзиньпином в 2013 г. новое понимание этой доктрины выразилось в концепции построения «сообщества единой судьбы человечества», активно продвигаемой китайской дипломатией в настоящее время (Верченко, 2020).

Анализу этой инициативы посвящено значительное количество работ российских и зарубежных исследователей (Бояркина, 2020; Верченко, 2020; Семёнов, Цвык, 2019), которые трактуют ее как попытку Китая трансформировать пребывающую в кризисе современную модель глобального управления и мировой экономики, исходя из собственной системы ценностей и с учетом особой роли Пекина на международной арене. Инструментом для реализации данной стратегии служит предложенная Си Цзиньпином в 2013 г. концепция «Один пояс, один путь»², получившая и арктическое измерение. Она нацелена на

создание трансконтинентальных логистических коридоров для обеспечения стабильных и диверсифицированных поставок энергоресурсов, устойчивого доступа Китая к сырьевым рынкам, а также каналов бесперебойного экспорта китайских промышленных мощностей и технологий при реализации проектов за рубежом, в том числе в отдаленных регионах мира (Бояркина, 2020).

Стратегия Китая в отношении Арктики вписывается в логику обозначенного Си Цзиньпином курса на создание новой модели глобализации «китайского дизайна» и трансформацию мирового порядка при лидирующей роли Пекина, что в долгосрочной перспективе сопряжено с возможными рисками для интересов России на Крайнем Севере. Основой для анализа арктической политики КНР, как представляется, может служить выдвинутая Дж. Миршаймером теория наступательного реализма, согласно которой международная система создает для государств мощные стимулы для поиска возможностей усиления власти за счет конкурентов и использования преимуществ в тех ситуациях, когда выгоды перевешивают издержки (Mearsheimer, 2001, p. 61). Арктика — регион, сулящий колоссальные выгоды, и развитие Китаем арктического потенциала в сфере экономики, транспорта, науки и технологий сулит ему существенные преимущества перед потенциальными конкурентами, в числе которых в отдаленной перспективе может оказаться и Россия.

«Влияние определяется присутствием»: усилия Китая по проникновению в Арктику

Китайские исследователи, приводя аргументы в пользу особой связи КНР с Арктическим регионом, акцентируют внимание на факте присоединения Пекина к договору о Шпицбергене в 1925 г. (Сюй, 2016, с. 52). В действительности, несмотря на то что Китай наряду с другими 46 государствами мира на протяжении длительного времени является стороной данного договора, до начала 1990-х гг. страна к Арктическому региону

² Тремя годами позже инициатива была переименована в «Пояс и путь».

интереса не проявляла, реализуя исследовательские проекты в районе Южного географического полюса Земли. В программе изучения Арктики китайские ученые впервые приняли участие в 1992 г., осуществив 5-летний научный проект совместно с коллегами из Германии (Цуй, 2024, с. 143).

Институциональная основа арктического направления внешней политики Китая начала формироваться в 1980-х гг. В 1989 г. был создан Институт полярных исследований (*Polar Research Institute of China*), в компетенцию которого с начала 1990-х гг. вошли вопросы реализации научных программ в Арктике. В настоящее время это базирующийся в Шанхае крупный научно-исследовательский центр, осуществляющий координацию и финансирование национальных полярных исследований и выполняющий связующую функцию между государственными органами и задействованным в данной сфере научно-экспертным сообществом страны³.

После учреждения восемью арктическими государствами Арктического совета (АС) в 1996 г. Китай расширил сферу ответственности созданного в 1981 г. и инкорпорированного в структуру государственного управления Национального комитета КНР по экспедициям в Антарктику, включив в нее арктическую проблематику. Название данной структуры было изменено на Администрацию Арктики и Антарктики КНР (*The Chinese Arctic and Antarctic Administration*, САА). Примечательно, что после реформы органов государственной власти в 2018 г. учреждение, формально занимающееся научными исследованиями, стало подведомственным Министерству природных ресурсов Китая (Петровский, Филиппова, 2022, с. 89).

Индикатором серьезности намерений Китая в отношении изучения Севера стало приобретение им у Украины в 1994 г. самого крупного в мире дизель-электрического ледокола проекта 10621 (Филиппова, 2019, с. 285).

³ Polar Research Institute of China // The China — Nordic Research Center. URL: <https://www.cnarc.info/members/chinese-members/polar-research-institute-of-china> (accessed: 03.03.2024).

Спроектированный советскими конструкторами и построенный на Херсонском судостроительном заводе в 1993 г. ледокол, позднее получивший название «Сюэлун», открыл для Китая новые рубежи в изучении полярных пространств, а также пролил свет на технологию строительства судов такого класса. В 2019 г. на шанхайских верфях был спущен на воду «Сюэлун-2» — более мощный аналог приобретенного ранее ледокола, на этот раз уже собственного китайского производства⁴. Оба судна находятся в ведении Института полярных исследований Китая и активно используются для проведения экспедиций в Арктике и Антарктике.

Ставка на инструменты «мягкой силы», в первую очередь научную дипломатию, является на данном этапе ключевым элементом политики КНР в Арктике. Не имея территорий за Северным полярным кругом, Китай использует развитие национальных арктических исследований и международное взаимодействие на этом направлении в качестве основного аргумента легитимизации своего интереса и особых прав в Арктическом регионе. При этом, расширяя сеть научных лабораторий и программ, Пекин не только создает центры своего присутствия в Арктике, но и ведет сбор научных данных, которые могут представлять интерес в контексте стратегического планирования китайской арктической политики. С 1999 г. Китай совершил 13 научных экспедиций в Арктику, с 2016 г. организует их практически на ежегодной основе и активно развивает международное взаимодействие в области арктической науки (Петровский, Филиппова, 2022, с. 93).

В настоящее время в распоряжении КНР имеется три научно-исследовательских объекта в Арктическом регионе. Первый из них — научная станция «Хуанхэ» — начал работу в 2004 г. на архипелаге Шпицберген⁵.

⁴ Фасхутдинов Р. Китай превращается в ледокольную державу // Korabel.ru. 10.08.2020. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/kitay_prevraschatsya_v_ledokolnuyu_derzhavu.html?ysclid=lvfdiajmlc425029868 (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ China's Polar Studies Contribute to Tackling Climate Change: Researcher // China Daily. November 30, 2023.

В 2016 г. Китай открыл первую за пределами своей территории наземную станцию спутниковой связи в расположенном за Северным полярным кругом шведском городе Кирун на территории Центра космических исследований «Эсрейндж» (*Esrangle*)⁶. Профессор Ляо Миншэн, специализирующийся на спутниковой радиолокации в Государственной лаборатории информационной инженерии геодезии, картографии и дистанционного зондирования Уханьского университета, заявил, что станция оснащена лучшими и наиболее чувствительными устройствами приема сигналов, когда-либо созданными Китаем, с самой быстрой в мире скоростью обработки получаемых данных⁷.

Третьей научной лабораторией Китая в Арктике стала совместная китайско-исландская станция, введенная в эксплуатацию в 2018 г.⁸ На ее базе на регулярной основе проводится широкий спектр исследований с акцентом на проблемы изменения климата и влияние этого процесса на состояние ледового покрова Северного Ледовитого океана (СЛО).

Примечательно, что из 9 форматов международного и регионального взаимодействия по арктической проблематике, в которых участвует Китай, шесть — имеют научно-исследовательский профиль. В их числе Международный арктический научный комитет (МАНК), Университет Арктики, Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), Азиатский форум по полярным наукам, Китайско-Североевропейский центр арктических исследований и Тихоокеанская арктическая группа (*Pacific Arctic Group*) (Nong, 2020).

URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202311/30/WS6567e9a7a31090682a5f0b4e.html> (accessed: 03.04.2024).

⁶ China Launches Its First Fully Owned Overseas Satellite Ground Station near North Pole // *South China Morning Post*. December 16, 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2055224/china-launches-its-first-fully-owned-overseas-satellite> (accessed: 15.03.2024).

⁷ Ibid.

⁸ China — Iceland Arctic Science Observatory Inaugurated in Northern Iceland // *Xinhua*. October 19, 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-10/19/c_137542493.htm (accessed: 03.04.2024).

Таким образом, за относительно небольшой период времени Китаю удалось не только развить арктическую науку, обеспечив ее необходимой инфраструктурой, но и закрепитесь в мировом общественно-политическом дискурсе в качестве значимого участника международного научного взаимодействия в данном регионе.

Достояние человечества и «великая полярная держава»: взгляд на Арктику из Пекина

Несмотря на усилия КНР по созданию имиджа государства, готового вносить свой вклад в изучение Арктики на благо человечества и уважающего интересы и суверенитет арктических государств, политика Пекина в Арктике вызывает неоднозначное отношение у ряда российских и зарубежных исследователей (Комиссина, 2015; Вылегжанин, Киенко, 2021; Brady, 2017). С одной стороны, это обусловлено экономической мощью и технологическим потенциалом Пекина, с другой — пониманием расхождений в интересах Китая и прибрежных арктических государств, в том числе России, в долгосрочной перспективе. Арктическая стратегия КНР основывается на доктрине интернационализации Арктики как достояния всего человечества и подкрепляется принципом свободы судоходства. Это, по мнению Китая, предполагает право всех государств, в том числе неарктических, на освоение региона и свободный доступ к его транспортным маршрутам. Данный подход был многократно апробирован ведущими китайскими исследователями-международниками и позднее зафиксирован в изданном в 2018 г. первом нормативном документе по вопросам будущего развития Арктического региона — Белой книге «Политика Китая в Арктике». В ней, в частности, декларируется необходимость обеспечения свободы судоходства в Арктике в интересах всех государств в соответствии с международным правом⁹.

⁹ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

Китай публикует подобного рода Белые книги по отдельным, наиболее значимым направлениям своей внешней политики, поэтому издание документа по арктической проблематике свидетельствует об особом месте данного региона в системе внешнеполитических приоритетов Пекина¹⁰. В основу документа легли результаты обширных китайских научных исследований по геополитическим и геоэкономическим аспектам освоения Арктики (Петровский, Филиппова, 2018, с. 171). В Белой книге, призванной, по всей видимости, продемонстрировать сбалансированный и миролюбивый характер китайских арктических устремлений, отчетливо прослеживается линия на размывание особого статуса и прав арктических государств в регионе. В частности, отмечается, что хотя не принадлежащие к Арктике государства не обладают территориальным суверенитетом в этом регионе, «они имеют права на проведение научных исследований, осуществление навигации, полетов, рыболовства, прокладку подводных кабелей и трубопроводов в открытом море и других соответствующих морских районах Северного Ледовитого океана, а также права на разведку и эксплуатацию ресурсов»¹¹. Таким образом, Китай исходит из наличия в высокоширотной Арктике за пределами национальной юрисдикции пяти прибрежных арктических государств международного района морского дна, который, согласно ст. 136 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., является общим наследием человечества¹².

По мнению одного из наиболее авторитетных российских специалистов по международному морскому праву, профессора

¹⁰ Nong H. China and the United States in the Arctic: Exploring the Divergence and Convergence of Interests // Institute for China — America Studies. October 20, 2022. P. 6. URL: <https://chinaus-icas.org/wp-content/uploads/2022/10/China-US-Arctic-Report-10.2022-Final.pdf> (accessed: 17.03.2024).

¹¹ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

¹² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 17.03.2024).

МГИМО МИД России А.Н. Вылегжанина и его соавтора Е.В. Киенко, «безапелляционное утверждение в Арктической политике¹³ о наличии в Арктике Района¹⁴ вряд ли способствует стабильному и правомерному обеспечению национальных природоресурсных интересов Китая в отношении минеральных ресурсов дна Северного Ледовитого океана» (Вылегжанин, Киенко, 2021, с. 304). Кроме того, данная позиция КНР не соответствует нынешнему международно-правовому статусу СЛО, поскольку на сегодняшний день ни одно из прибрежных арктических государств не отграничило свой континентальный шельф от такого предположительного международного района морского дна, при этом США вообще не являются стороной упомянутой Конвенции (Вылегжанин, Киенко, 2021, с. 304).

Китай отличается последовательностью в отстаивании своих взглядов на уточнение правового режима и собственной роли в управлении Арктикой. Смягчая порой из конъюнктурных соображений риторику, государство неизменно придерживается намеченного курса, что находит отражение в многочисленных высказываниях официальных лиц и представителей научного сообщества. При этом Пекин не только заявляет об амбициях, но и предпринимает попытки обосновать легитимность своих претензий на участие в управлении регионом, намеренно разрабатывая и внедряя концепции особой причастности страны к Заполярью. В целях выстраивания арктической идентичности КНР в 2010 г. китайский ученый Лу Цзюньюань в монографии «Геополитика Арктики и реакция Китая» предложил концепцию «околоарктической державы» (*near-Arctic state*) — государства, чьи права на участие в разработке ресурсов и использование транспортных возможностей региона определяются близким к нему расположением (Лэй, 2021, с. 103). Данная концепция была апробирована на экспертном уровне, нашла отражение в риторике

¹³ Имеется в виду Белая книга «Политика Китая в Арктике».

¹⁴ «Район», или международный район морского дна — часть морского дна, расположенная за пределами юрисдикции государств.

официальных лиц КНР и затем легла в основу аргументационной базы Белой книги «Политика Китая в Арктике». Одновременно с этим китайские официальные лица начинали продвигать представление о Китае как «великой полярной державе». Такой тезис впервые был озвучен председателем КНР Си Цзиньпином в 2014 г. в ходе его визита в Австралию (примечательно, что сказано это было на борту прищвартовавшегося у о. Хобарт китайского ледокола «Сюэлун») (Brady, 2017, p. 38).

Осознавая очевидно искусственный характер данной концепции применительно к государству, чья самая северная точка отстоит от Северного полярного круга на 1500 км, Китай позднее разработал и внедрил новый термин — «заинтересованной стороны в Арктике» (*Arctic stakeholder*)¹⁵. Данная характеристика позволяла уйти от географического принципа и обосновать легитимность интереса Китая к Арктическому региону набором параметров, в том числе уровнем его вовлеченности в научные исследования и экономические проекты в Арктике, а также степенью уязвимости экосистем в самом Китае перед происходящими в полярных регионах климатическими изменениями (Лэй, 2021). Кроме того, расширительный характер идентичности «заинтересованной стороны в Арктике» позволил китайской дипломатии консолидировать ряд азиатских стран вокруг арктической проблематики посредством создания новых дискуссионных площадок. Такая тактика, предсказуемо ставшая раздражителем для арктических государств, была взята на вооружение вскоре после дипломатического успеха Китая, получившего в 2013 г. статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете¹⁶.

Это событие рассматривается исследователями в качестве некоего рубежа, преодолев

который Пекин перешел к более активной и амбициозной стратегии продвижения своих интересов в Арктике (Steinveg, 2021, p. 52). С этого момента Китай начал пытаться не только встраиваться в существующую институциональную структуру международных отношений в регионе, но и действовать инициативно, стараясь формировать ее новые вариации посредством создания альтернативных форматов. Одним из них стала организация Ассамблея «Арктический круг» (*Arctic Circle*), инспирированная Китаем и учрежденная президентом Исландии О.Р. Гримссоном в 2013 г. — в год подписания Соглашения о свободной торговле между Исландией и КНР¹⁷. Концепция «Арктического круга» изначально предполагала инклюзивный характер взаимодействия по ключевым аспектам развития Арктического региона с широким вовлечением в работу внерегиональных, в первую очередь азиатских, стран. Это подчеркивалось лично О.Р. Гримссоном, заявлявшим: «Пожалуйста, участвуйте в „Арктическом круге“. К вам будут относиться как к равным» (Steinveg, 2021, p. 44).

За годы с момента основания этот форум стал статусным мероприятием высокого уровня, ежегодно собирающим в Исландии свыше 2 тыс. чел из 60 стран мира для обсуждения актуальных вопросов развития Арктики¹⁸. Ряд исследователей считают, что подобные «Арктическому кругу» инициативы выгодны представителям неарктических государств, которые посредством участия в таких проектах стремятся узаконить свое присутствие в регионе (Brady, 2017; Steinveg, 2021; Вылегжанин, Киенко, 2021). Кроме того, рост авторитета подобных форматов постепенно размывает исключительность прав арктических государств и тем самым создает условия для интернационализации Арктики.

¹⁵ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

¹⁶ McGrath M. China Joins Arctic Council but a Decision on the EU Is Deferred // BBC. May 15, 2013. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/science-environment-22527822> (accessed: 17.03.2024).

¹⁷ Arctic Circle. URL: <https://www.arcticcircle.org/about> (accessed: 11.04.2024).

¹⁸ Ассамблея «Арктический круг» // Председательство Российской Федерации в Арктическом совете 2021–2023 гг. URL: <https://as.arctic-russia.ru/events/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo/assambleya-arkticheskiy-krug/?ysclid=lv83cd7ebg835278558> (дата обращения: 11.04.2024).

Некоторые исследователи полагают, что принесенные в последнее время в деятельность форума новшества свидетельствуют о стремлении его организаторов придать «Арктическому кругу» особую роль в управлении Арктикой, выходящую за рамки мандата данной конференции (Steinveg, Rottem & Andreeva, 2023, р. 4). Риски такого развития событий особенно усилились после того, как в 2022 г. наработанный Арктическим советом статус был поставлен под удар в результате развернутой странами Запада полномасштабной «гибридной атаки» в отношении России, по итогам которой взаимодействие в рамках Арктического совета было фактически заблокировано и брошен вызов самому существованию этого межправительственного регионального форума¹⁹.

В 2016 г. КНР стала участником нового формата — Консультаций высокого уровня Китая, Республики Корея и Японии по вопросам Арктики, нацеленного на координацию подходов этих государств к реализации их арктических стратегий и определение правового режима Арктики²⁰. Результаты работы в данном формате высоко оцениваются китайскими учеными, которые исходят из того, что «сотрудничество трех стран в Арктике вышло за рамки исключительно научных исследований и охватило различные области арктических отношений, включая разработку платформы глобального управления» (Gong, 2020, р. 72). Такой расклад, несомненно, не отвечает интересам пяти прибрежных арктических держав, но, как отмечают А.Н. Вылегжанин и Е.В. Киенко, следует признать, что согласованные в рамках встреч Китая, Южной Кореи и Японии документы о режиме Северного Ледовитого океана стали политико-правовой реальностью. По мнению исследователей,

нивелировать негативный эффект данного трехстороннего взаимодействия позволит участие в упомянутых консультациях ученых и специалистов из арктических государств с целью обеспечения открытости и предотвращения принятия Китаем, Южной Кореей и Японией актов, которые могут иметь непредсказуемые международно-правовые последствия (Вылегжанин, Киенко, 2021, с. 304).

«Ледяной шелковый путь» в контексте отстаиваемой Китаем свободы судоходства

Благодаря своему географическому положению и уровню производства Китай занимает лидирующие позиции в мировых морских перевозках, осуществляя доставку около 95 % ввозимых и экспортируемых товаров морским транспортом (Сазонов, 2021, с. 378). Данным обстоятельством обусловлено представление политического истеблишмента КНР о жизненной необходимости обеспечения бесперебойного функционирования морских транспортных коридоров как значимого ресурса развития страны. Исходя из этого, на XVIII съезде Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г. была сформулирована задача превращения КНР «в великую морскую державу» (Ларин, Песцов, 2020, с. 28). В 2013 г. Си Цзиньпин анонсировал упомянутую выше инициативу «Один пояс — один путь» по запуску глобального проекта повышения транспортной связанности регионов мира, составной частью которого, как было заявлено в ходе визита председателя КНР в Россию в 2017 г., должен стать «Ледяной шелковый путь» через воды Северного Ледовитого океана²¹.

Особое место в реализации этой цели Пекин отводит Арктическому направлению. В Белой книге «Политика Китая в Арктике» перспективам участия страны в развитии арктических судоходных артерий посвящен

¹⁹ Вылегжанин А. Н., Лысенко М. Н., Вяхирева Н. С., Снятков А. А. Будущее Арктического совета // Рабочая тетрадь РСМД. 2023. № 75. С. 7. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Council-Working-Paper75.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).

²⁰ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

²¹ Gong Z. Ice Silk Road: China's Science and Transportation Efforts on the Arctic // China Global Television Network. September 24, 2017. URL: <https://news.cgtn.com/news/336b544e77597a6333566d54/index.html> (accessed: 17.04.2024).

отдельный раздел. В нем отмечается, что данные маршруты, включающие в себя Северо-Восточный (Северный морской путь, СМП), Северо-Западный и Центральный проходы, в связи с изменением климата имеют потенциал стать важными транспортными коридорами, а также подчеркивается, что Китай уважает полномочия арктических государств в водах, подпадающих под их юрисдикцию. При этом — и здесь проявляется двойственный характер арктической политики КНР — управление арктическими судоходными маршрутами должно осуществляться в соответствии с международными договорами, в том числе Конвенцией ООН по морскому праву, при соблюдении прав всех стран на их использование и обеспечении свободы судоходства²².

В утвержденном в 2021 г. Всекитайским собранием народных представителей пятилетнем плане развития КНР впервые был упомянут Арктический регион и сделан акцент на перспективе участия страны в транспортно-логистическом проекте «Ледяной шелковый путь»²³. Упоминание Арктики только в разделе, посвященном развитию морской экономики, может служить свидетельством того, что Пекин рассматривает Арктический регион, в первую очередь, в контексте управления океанами, а свободу судоходства — в качестве фундаментального принципа обеспечения своих прав на доступ к северным транспортным маршрутам. Представители экспертного сообщества КНР периодически дают комментарии различной степени категоричности относительно режима использования СМП, общая суть которых сводится к несогласию Китая с его особым режимом как исторически сложившейся российской национальной транспортной коммуникации, а также к необходимости

²² China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

²³ Eiterjord T. What the 14th Five-Year Plan Says About China's Arctic Interests // The Arctic Institute. November 23, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/14th-five-year-plan-chinas-arctic-interests/> (accessed: 05.04.2024).

придания водам этой судоходной магистрали статуса международных проливов (Комисси́на, 2015, с. 69–70). Пока же Китай, по заявлению заместителя директора Центра по изучению полярных территорий Управления исследований океана КНР Ли Юаньшэна, рассчитывает на получение преференций для прохода судов через воды СМП (Петровский, Филиппова, 2022, с. 43). Речь, в частности, идет о тарифах на ледокольную и лоцманскую проводку судов в акватории СМП, которые Китай считает слишком высокими.

Одними заявлениями Китай не ограничивается, в настоящее время осуществляя шаги по оснащению своего флота атомными ледоколами. В 2018 г. Академия военных наук Народно-освободительной армии Китая сообщила о планах КНР построить суда с ядерной энергетической установкой в целях проведения полярных исследований²⁴. В том же году Китайской национальной атомной корпорацией (*China National Nuclear Corporation*) был объявлен тендер на строительство в Китае многоцелевого атомного ледокола по проекту, разработанному китайской компанией *Maritime Nuclear Power Development*²⁵. В случае успешной реализации данного проекта Китай станет второй после России страной, в распоряжении которой будут иметься атомные ледоколы.

Реактор, которым будет оснащен новый ледокол, относится к водо-водяной модели *ACP-100* «Линлун-1» (*Linglong-1*), является компактным и применяется в реализуемом в настоящее время проекте мини-АЭС на Хайнане²⁶. Большинство экспертов полагают, что данный ледокол создается специально для

²⁴ Китай будет использовать атомоходы для проведения полярных исследований // ТАСС. 21.02.2013. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/549098?ysclid=lvilnqug5703680899> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁵ Владимирская К. Китай построит атомные ледоколы для работы в арктических широтах // Российская газета. 29.08.2018. URL: <https://rg.ru/2018/08/29/kitaj-postroit-atomnye-ledokoly-dlia-raboty-v-arkticheskikh-shirotah.html?ysclid=lux7p4ehyz644554377> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁶ CNNC объявила о старте проекта Linglong One // Атомная энергия 2.0. 22.07.2019. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/07/22/96343?ysclid=lvimc5wrui396118008> (accessed: 11.04.2024).

более суровых условий Арктики и является подтверждением серьезности и долгосрочности амбиций Китая в этом регионе. Строительство собственного атомного ледокольного флота обеспечит КНР особый статус совершенно автономного игрока в Арктике, который сможет самостоятельно, без российской ледокольной проводки, прокладывать путь на арктических маршрутах. При этом Пекин сможет использовать как высокоширотные трассы в обход СМП, так и трансарктический маршрут через Северный географический пояс, упоминающийся в Белой книге «Политика Китая в Арктике» как Центральный проход (*Central Passage*). Этот маршрут Китай вполне может в перспективе рассматривать как основной с расчетом на то, что к 2050 г., согласно недавним прогнозам ООН, температура в Арктике поднимется на 3–5 градусов Цельсия, что приведет к таянию льдов²⁷. В доказательство того, что подобный сценарий рассматривается всерьез, в 2012 г. ледокол «Сюэлун» на пути из пятой арктической экспедиции прошел вблизи Северного полюса по трассе, которая характеризовалась китайскими исследователями как «будущий судоходный маршрут через Центральную Арктику»²⁸. В 2023 г. этот успех повторил ледокол «Сюэлун-2»²⁹.

Однако нет оснований исключать и другой, еще более неблагоприятный для России, сценарий развития событий, при котором Китай на каком-то этапе посчитает возможным претендовать на особый статус для своих ледоколов в акваториях СМП, вплоть до отказа

²⁷ ООН: миллионам людей грозит преждевременная смерть из-за изменения климата // Аргументы и факты. 16.03.2019. URL: https://aif.ru/society/nature/oon-millionam_lyudey_grozit_prezhdevremennaya_smert_iz-za_izmeneniy_klimata (дата обращения: 09.04.2024).

²⁸ Сидоров И. Политика Китая в Арктике и ее влияние на регион // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 10.07.2018. URL: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyanie-na-region/> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁹ Китайская арктическая экспедиция впервые достигла Северного полюса на ледоколе «Сюэлун-2» // CGTN. 13.09.2023. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-09-13/1701879732341190658/index.html> (дата обращения: 09.04.2024).

признавать российский суверенитет над этой транспортной артерией. Очевидно, что чем выше будет вовлеченность китайского капитала в обустройство инфраструктуры СМП, тем более вероятными могут стать в дальнейшем претензии Пекина на участие в процессе принятия решений по данному маршруту. Снизить риски такого развития событий могло бы привлечение к реализации данного проекта соинвесторов из государств Глобального Юга.

Для России развитие СМП — задача, в первую очередь, геополитического характера, нацеленная на снижение транспортно-логистической уязвимости государства, в том числе перед санкционным давлением. В этой связи проект расширения использования этого маршрута — как для внутренних, так и для международных перевозок — в полной мере отвечает интересам нашей страны, является стратегически важным и требует высокой степени осмотрительности с целью исключить чрезмерное усиление влияния внешних акторов в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключ от арктической кладовой: инвестиции как фактор влияния

Общеизвестно, что Арктика богата природными полезными ископаемыми, перспектива добычи которых стимулирует рост внимания со стороны широкого круга стран к этому региону. За минувшие 10 лет Китай инвестировал свыше 90 млрд долл. США в арктические проекты, большая часть из которых приходится на добычу энергоносителей и минеральных ресурсов³⁰. Однако по разным причинам далеко не все из них стали успешными. С учетом небольшого объема экономик и территорий ряда североевропейских арктических государств инвестиции КНР существенно повлияли на их экономические показатели и породили опасения местных элит относительно чрезмерного роста китайского

³⁰ China Regional Snapshot: Arctic // United States House Committee on Foreign Affairs. October 25, 2022. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-regional-snapshot-arctic/> (accessed: 11.04.2024).

влияния. Так, прямые накопленные инвестиции Китая в добывающий сектор экономики Гренландии — преимущественно в проекты разработки и добычи урана и железной руды — по состоянию на 2017 г. составили 1,7 млрд долл. США, что соответствовало 12 % ВВП этой автономной территории Королевства Дания³¹. В Исландии инвестиции китайских компаний в различные проекты также составили ощутимые 6 % ВВП страны³².

Сдерживающим фактором притока китайских капиталовложений в арктические проекты в этих странах является необходимость привлечения трудовых мигрантов. Данная проблема отчетливо проявилась в Гренландии на примере рудников по добыче железной руды «Исуа» (*Isua*) и алюминия — «Маниитсок» (*Maniitsoq*). Для осуществления работ только на этих проектах в 2013 г. китайским компаниям потребовалось бы привлечение свыше 4,7 тыс. специалистов из КНР, что эквивалентно 9 % всего населения автономии³³. Перспектива создания демографического дисбаланса на острове, численность населения которого составляет 56,5 тыс. человек, вызвала серьезную обеспокоенность правительства Дании и стала дополнительным фактором ограничения инвестиционного взаимодействия с Китаем в датской Арктике.

Инвестиции в арктические проекты для Китая несут немалые риски, что заставляет Пекин быть более осмотрительным. Ряд проектов КНР не удалось реализовать в силу их технологической сложности, например проект по разведке и добыче газа на исландском континентальном шельфе в секторе Дреки (*Dreki*), в котором доля китайской нефтяной компании *China National Offshore Oil*

Corporation (CNOOC) составляла 60 %³⁴. Также Китай приостановил участие в разработке уранового месторождения Кванефельд (*Kvanefield*) в Гренландии³⁵. Из 20 крупных инвестиционных проектов в Арктике, к участию в которых китайские компании были допущены с 2008 г., порядка 12 в настоящее время находятся в стадии реализации, при этом восемь из них приходится на Россию³⁶.

«Ямал СПГ» и «Арктик СПГ» — флагманские проекты с участием Китая по добыче природного газа и его сжижению в Арктической зоне Российской Федерации, реализуются компанией «Новатэк» на п-ове Ямал и Гыданском п-ове в рамках международного консорциума. «Ямал СПГ» был запущен тремя очередями в 2017, 2018 и 2019 гг. Китайским инвесторам в нем принадлежит 29,9 % акций, из которых 20 % — концерну *China National Petroleum Corporation* (CNPC) и 9,9 % — Фонду Шелкового пути³⁷. В рамках «Арктик СПГ-2» на Гыданском п-ове ведется строительство крупнотоннажного завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) общей мощностью 19,8 млн т, запуск трех технологических линий которого был изначально запланирован на 2023, 2024 и 2025 гг. В проекте стоимостью 21,3 млрд долл. США 60 % акций принадлежит «Новатэк», по 10 % — французской

³⁴ Не нашли. CNOOC и Petroco вышли из проекта по освоению углеводородных запасов на шельфе Исландии // *Neftegaz.RU*. 23.01.2018. URL: <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/203988-ne-nashli-cnooc-i-petoro-vyshli-iz-proekta-po-osvoeniyu-uglevodorodnykh-zapasov-na-shelfe-islandii/> (дата обращения: 06.04.2024).

³⁵ Yang J. Chinese Investment in Greenland: Origins, Progress and Actors // *DIIS Report*. November 17, 2021. P. 24–27. URL: https://pure.diis.dk/ws/files/4834625/Chinese_investments_in_Greenland_DIIS_Report_2021_05.pdf (accessed: 17.03.2024).

³⁶ Holz H., Taffer A., Miller A., DeThomas B. Exploring the Relationship Between China's Investment in the Arctic and Its National Strategy // *Center for Naval Analyses*. January 2022. P. 30–31. URL: <https://www.cna.org/reports/2022/01/exploring-the-relationship-between-chinas-arctic-investment-and-its-national-strategy.pdf> (accessed: 11.03.2024).

³⁷ Ямал СПГ проект // *Neftegaz.RU*. 12.12.2017. URL: <https://web.archive.org/web/20191023101237/https://neftegaz.ru/tech-library/pererabotka-nefti-i-gaza/142429-yamal-spg-proekt/> (дата обращения: 06.04.2024).

³¹ China Regional Snapshot: Arctic // *United States House Committee on Foreign Affairs*. October 25, 2022. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-regional-snapshot-arctic/> (accessed: 11.04.2024).

³² *Ibid.*

³³ Notat om den grønlandske storskalalov og Grønlands ILO-forpligtelser i relation hertil // *Folketinget. Beskæftigelsesudvalget 2012–2013*. Marts 2013. URL: <https://www.ft.dk/samling/20121/almdel/beu/bilag/129/1224119.pdf> (accessed: 13.03.2024).

TotalEnergies, китайским *CNPC* и *CNOOC*, а также консорциуму японских *Mitsui* и *JOGMEC*³⁸. В настоящее время «Арктик СПГ-2» переживает трудности, связанные с беспрецедентным санкционным давлением со стороны Министерства финансов США, включившего 14 сентября и 2 ноября 2023 г. в санкционный список ряд компаний, предоставляющих строительные и инжиниринговые услуги для данного проекта, а также элементы логистической схемы «Новатэка» по перевалке сжиженного природного газа через плавучие хранилища³⁹. Несмотря на жесточайшее санкционное давление, компании удалось завершить сооружение одной технологической линии проекта, две другие находятся на стадии строительства. По мнению ряда экспертов, продолжение строительных работ стало возможным благодаря помощи Пекина в заполнении «технологического и логистического вакуума от ухода западных компаний»⁴⁰. Ряд вопросов тем не менее остаются открытыми. В частности, не понятно, будет ли решено сократить масштабы проекта, а также каким образом компания будет в дальнейшем реализовывать производимые объемы газа на внешних рынках.

Безусловно, сталкиваясь с беспрецедентной атакой со стороны США и их союзников в энергетическом секторе, Россия оказывается перед серьезным вызовом своей арктической политике, и партнерство с Китаем становится значимым фактором развития Арктической зоны Российской Федерации. Между тем сложившаяся ситуация раскрывает

³⁸ «Арктик СПГ-2»: история и значимость проекта // Коммерсантъ. 09.11.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6323377?ysclid=lvjipi7trq11091083> (дата обращения: 10.04.2024).

³⁹ ССК Звезда, РусХимАльянс, Росгеология, структуры Росатома. США ввели обширный пакет антироссийских санкций // Neftegaz.RU. 23.02.2024. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/820313-ssk-zvezda-ruskhimalyans-rosgeologiya-struktury-rosatoma-ssha-vvelib-obshirnyu-paket-antirossiyskikh/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁰ Russia Foils Western Sanctions on Natural Gas Project as Shipments Near // Financial Times. February 21, 2024. URL: <https://www.ft.com/content/665e913d-ae92-4c29-8bbb-598e121ffd50> (accessed: 29.02.2024).

и слабые стороны применявшегося на протяжении длительного времени подхода России к реализации крупных, стратегически значимых арктических проектов, состоявшего в расчете на импорт высокотехнологичного оборудования. Так, в представленном в 2021 г. коллективом ученых Высшей школы экономики под руководством С.А. Караганова докладе «Арктическая политика России: международные аспекты» отмечается, что «70 % оборудования для флагманского арктического проекта „Ямал СПГ“ произведено в Китае, а сам газ перевозится на судах, построенных в Республике Корея и Китае. В этой схеме, — отмечается в документе, — Россия преимущественно нужна для ресурсов»⁴¹.

Такой подход к развитию Арктики неизбежно порождает уязвимость российской экономики перед внешними факторами, закрепляет ее технологическую отсталость и зависимость от зарубежного, будь то западного или азиатского, оборудования. Геополитическое противостояние с Западом актуализирует задачу локализации производства, развития отечественной промышленности и технологий, особенно в связи с планами освоения Северного морского пути — крупнейшего национального транспортно-логистического проекта в Заполярье.

Заключение

Китай, совершив в начале XXI в. рывок в своем экономическом развитии, реализует амбициозную стратегию, нацеленную на глобальное лидерство и трансформацию действующей международной системы с учетом

⁴¹ Караганов С. А., Боклан Д. С., Кашин В. Б., Лихачева А. Б., Макаров И. А. и др. Арктическая политика России: международные аспекты: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества // НИУ ВШЭ. 2021. С. 34. URL: https://www.hse.ru/data/2024/03/01/2082494569/%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

новых геополитических реалий и своих интересов. Арктика занимает в ней существенное место как регион со значительным ресурсным и транспортно-логистическим потенциалом. Заявляя о своей заинтересованности в проектах в высоких широтах, на официальном уровне КНР проявляет предельную осторожность, делая ставку на инструменты «мягкой силы», в первую очередь научную дипломатию, стремясь тем самым нивелировать опасения арктических государств относительно своих планов участия в управлении и будущем развитии Арктики. При этом анализ основополагающих документов КНР, затрагивающих арктическую проблематику, выявляет коренные различия в интересах Китая и других арктических государств применительно к будущему международно-правовому статусу этого региона. Это может свидетельствовать о наличии конфликтного потенциа-

ла, способного проявиться в отдаленном будущем, когда Пекин сочтет, что для его более активной и, возможно, наступательной роли в формировании системы управления Арктикой созданы достаточно благоприятные условия.

В настоящее время Россия переживает непростые времена. На фоне противостояния с Западом и оказываемого им беспрецедентного санкционного давления партнерство с Китаем, несомненно, является весьма ценным для решения Российской Федерацией как внешнеполитических задач, так и достижения целей развития Арктической зоны страны. При этом представляется важным максимально осмотрительно подходить к организации российско-китайского взаимодействия, не допуская усиления влияния Пекина на процессы, сопряженные с принятием решений и определением вектора дальнейшего выстраивания российской арктической политики.

Поступила в редакцию / Received: 12.03.2024
Доработала после рецензирования / Revised: 21.05.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Бояркина А. В.* Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2023. <https://doi.org/10.24866/7444-5485-2>; EDN: WZPWJX
- Бояркина А. В.* Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 1А. С. 120–140. EDN: STTVTM
- Верченко А. Л.* Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18. EDN: GDEHEQ
- Вылегжанин А. Н., Куенко Е. В.* Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 2. С. 296–318. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.204>; EDN: KGWKFH
- Денисов И. Е., Адамова Д. Л.* Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22, № 22. С. 76–90. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00006>; EDN: ZNLLXV
- Комиссина И. Н.* Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1. С. 54–73. EDN: TSKFUH
- Ларин В. Л., Песцов С. К.* Становление Китая как великой морской державы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 3. С. 27–46. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-3-2>; EDN: UVJNKJ
- Лексютина Я. В.* Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 2. С. 60–72. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.4>; EDN: VQUPBG
- Лэй Ш.* Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24, № 4. С. 99–110. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/99-110>; EDN: KGZNNO
- Петровский В. Е., Филиппова Л. В.* Россия и Китай в Арктике. Москва : Весь мир, 2022. EDN: RNWAZL

- Петровский В. Е., Филиппова Л. В.* Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 171–182. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10013>; EDN: PLLETU
- Сазонов С. Л.* Морской транспорт Китая и новые контуры мировых транзитных перевозок в условиях пандемии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 371–386. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-371-386>; EDN: KVZFCK
- Семёнов А. В., Цвык А. В.* Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 72–81. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>; EDN: JUYIVV
- Скрипкарь М. В.* Формирование концепции «китайская мечта»: от Сунь Ятсена до Си Цзиньпина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8–2. С. 394–397. EDN: UGYDIN
- Сюй Г.* Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 52–62. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-52-62>; EDN: VVТОКJ
- Филиппова Л. В.* Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 279–295. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10016>; EDN: UOFMKK
- Цуй Л.* Исследование Арктики китайскими учеными (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27, № 1. С. 140–153. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.27.1.9>; EDN: YBHGGP
- Brady A.-M.* China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. <https://doi.org/10.1017/9781316832004>
- Gong Keyu.* A Shifting Northeast Asian Security Landscape and China — ROK — Japan Arctic Cooperation // The Journal of East Asian Affairs. 2020. Vol. 33, no. 2. P. 59–81.
- Mearsheimer J. J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, 2001.
- Nong Hong.* China's Role in the Arctic: Observing and Being Observed. New York, NY: Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429328138>
- Steinveg B.* The Role of Conferences Within Arctic Governance // Polar Geography. 2021. Vol. 44, iss. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2020.1798540>
- Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S.* Soft Institutions in Arctic Governance — Who Does What? // Polar Record. 2023. Vol. 60, no. e1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1017/S0032247423000335>

Сведения об авторе:

Рекец Марина Олеговна — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений; проректор по международной деятельности, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 2232-0497; ORCID: 0009-0001-2387-6481; e-mail: rekets-mo@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-385-396

EDN: ZKXGDM

Научная статья / Research article

Геополитика: проблемы и инструментальность на примере геополитических концепций в странах Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики

А.В. Шабара

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shabaga-av@rudn.ru

Аннотация. Исследуются проблемы генезиса геополитических учений, связанные с приписыванием пространству институциональных атрибутов. В этой связи проанализированы онтологические основания геополитики и возможности ее эффективного использования. В работе показано, что кажущаяся инструментальность геополитического способа исследования основывается на принимаемых на веру мифологемах, то есть лежит за пределами научного знания. В качестве основных мифологем используются панидеи, талассократия и теллурократия, концепции Хартленда и Римленда и др. Применение в практической политике геополитической аргументации служит лишь прикрытием для конкретных внешнеполитических действий. Именно поэтому исследование геополитики представляет для науки специальный интерес. Рассматривается также категория комплементарного пространства, подчас дополняющая концепцию мнимого пространства и являющаяся в дальнейшем составной частью геополитических теорий. На примерах геополитических конструктов, возникших в странах Ближнего и Среднего Востока, Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики, выявляется как их связь с классической геополитикой, так и специфика собственных концептов. Под этим ракурсом изучены синоцентричная концепция мирового «сообщества единой судьбы», геополитический аспект индийской концепции хиндутва, основанные на панидеях иранские и турецкие конструкты, южноафриканская концепция «острова Африки», японские геополитические проекты «Великой азиатской сферы процветания» и «Бриллиант безопасности», а также осевые конструкты бразильских и индонезийских геополитиков. Методической основой исследования является критический анализ, смысл которого заключается в соотношении методологической базы геополитики с конкретными концепциями и доктринами. Автор приходит к выводу, что распространение геополитических идей, сформированных в западных странах, за пределы Старого Света лишь расширило и разнообразило сферу применения этих идей, не привнося в них что-то новое. В целом геополитические конструкты, основанные на мнимых пространствах, несмотря на определенную востребованность в мире науки и в политике, не дают приемлемого эффекта в обеих областях.

Ключевые слова: теоретические проблемы геополитики, мифологемы геополитики, мнимое пространство в геополитике, комплементарное пространство, инструментальные проблемы геополитики

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шабара А. В. Геополитика: проблемы и инструментальность на примере геополитических концепций в странах Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 385–396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-385-396>

© Шабара А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Geopolitics: Problems and Instruments Using the Example of Geopolitical Concepts in the Countries of the Indo-Pacific and the South Atlantic Regions

Andrei V. Shabaga

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 shabaga-av@rudn.ru

Abstract. The study dedicates to the genetic problems of geopolitical doctrines associated with the attribution of institutional attributes to space. It analyses the ontological foundations of geopolitics and the possibilities of its effective use. The work demonstrates that the apparent instrumentality of the geopolitical method of research is based on myths taken on faith, that is, it lies outside the boundaries of scientific knowledge. Panideas, thalassocracy and tellurocracy, the concepts of Heartland and Rimland, etc., are used as basic mythologemes. The use of geopolitical argumentation in practical politics only serves as a cover for specific foreign policy actions. And that is why the study of geopolitics is of special interest to science. The article examines the category of additional space, which sometimes complements the concept of imaginary space and subsequently forms an important part of geopolitical theories. Examples of geopolitical constructs that have emerged in the Middle East, the Indo-Pacific and the South Atlantic are used to explore both their connection to classical geopolitics and the specificity of their own concepts. From this perspective, the Sinocentric concept of the world “Community of Common Destiny,” the geopolitical aspect of the Indian concept of Hindutva, Iranian and Turkish constructs based on panideas, the South African concept of the “Island of Africa,” the Japanese geopolitical projects of the “Great Asia Co-Prosperty Sphere” and the “Security Diamond,” axial constructs of Brazilian and Indonesian geopoliticians. The methodological basis of the study is critical analysis, which means correlating the methodological basis of geopolitics with specific concepts and doctrines. As a result, the author concludes that the spread of geopolitical ideas formed in Western countries outside the Old World has only expanded and diversified the scope of their application, without bringing something new to them. In general, geopolitical constructs based on imaginary spaces, despite a certain demand in the world of science and politics, do not give an acceptable effect in both areas.

Key words: theoretical problems of geopolitics, mythologemes of geopolitics, imaginary space in geopolitics, complementary space, instrumental problems of geopolitics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Shabaga, A. V. (2024). Geopolitics: Problems and instruments using the example of geopolitical concepts in the countries of the Indo-Pacific and the South Atlantic regions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 385–396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-385-396>

Введение

Задача исследования состоит в выявлении и определении специфики геополитики в связи с проблемами, порожденными особенностями геополитического мышления. В качестве объектов исследования выбраны геополитические концепции стран Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики. Эти концепции, определяя пространство в качестве главного инструмента постижения внешнеполитических процессов, во многом созвучны известным западным мифологемам (панидеи (Naumann, 1915; Kjellén, 1920, p. 40), географическая ось, Хартленд и Римленд (Spykman, 1944, p. XII; Mackinder, 1996,

p. 106), «кровь и почва»¹, талассократия и теллутократия (Schmitt, 2008)), которые опираются на то, что мы определяем как категорию мнимого пространства. К указанным концепциям примыкают комплементарные этим мифологемам культурное, лингвистическое, конфессиональное и другие пространства (Сорокин, 1996, с. 31–32), а в одном из бразильских вариантов — даже геологическое пространство.

Методической основой исследования послужил критический анализ, смысл которого заключается в соотнесении методологической

¹ Darré R. W. O. Um Blut und Boden: Reden und Aufsätze. München : Franz Eher Nachf., 1940.

базы геополитики с конкретными концепциями и доктринами, используемыми в странах исследуемых регионов (Поппер, 1983, с. 52).

Ключевые геополитические концепции стран Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики

Начнем с рассмотрения концептов стран БРИКС. Прежде всего обратимся к *китайской школе геополитики*, которая пока находится в стадии становления. Это обстоятельство связано с тем, что геополитика признается в Китае порождением западной мысли, поэтому в стране существуют определенные сомнения, следует ли включать свои воззрения на роль и назначение Китая в проблемное поле геополитики (Чжан, Королев, 2010, с. 96–110). При этом у Китая есть свои, уходящие в древность представления о том, как должна быть выстроена иерархия пространственной организации политического мира. Китаецентричная концепция «Тянься» (*tianxia*) помещала центр Земли во дворец императора. Этот дворец окружен несколькими соподчиненными пространствами: сначала чиновниками, затем подданными, далее — вассальными государствами и, наконец, «наружными» территориями, населенными варварами, — чужой землей (*hua wai zhi [de di]*). В одном из управленческих трактатов древности указывается, что Поднебесная вмещает в себя «всё, что есть под Небом», и потому «если вы все плывете в одной лодке, то, перейдя реку, вы все получили выгоду»².

Современное толкование позволяет включить концепцию *Тянься* в геополитический контекст, где она вполне способна заместить макиндеровскую трактовку евразийского пространства. Это подразумевает, что ключ к Евразии находится не в России, а в Китае, который в силу своего местоположения является подлинным центром. Соответственно Северная, Центральная и Южная Евразия выступают ближней периферией, а Европа как полуостров громадного евразийского континента — дальней периферией (Hamashita, 1997, pp. 113–115).

² У-Цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. Санкт-Петербург: Евразия, 2001. С. 76.

В этом контексте можно рассмотреть инициативу «Пояс и путь», выдвинутую председателем КНР Си Цзиньпином и направленную на реализацию коммуникационных, финансовых, торговых и военно-политических проектов с целью доминирования сначала в ближней (Su, 2016, p. 19), а в перспективе и в дальней периферии: «Совместное строительство „Пояса и пути“ призвано сплотить и соединить Азию, Европу, Африку и омывающие их океаны»³. В рамках этой инициативы Китай стремится выстроить гармоничное сочетание четырех сетей мирового значения: глобального управления, глобального партнерского взаимодействия, стратегической коммуникации и регионального сотрудничества (Yu, 2016).

Освоение Китаем морских пространств Индийского океана в ходе реализации программы «Нить жемчуга» привело к заключению межправительственных соглашений о строительстве портовой инфраструктуры для китайских торговых и военных судов (Ли, 2011, с. 162–172). Ее контуры состоят из линий коммуникационной поддержки: северной (порты Таиланда, Мьянмы, Бангладеш, Шри-Ланки и Пакистана), западной (порты Омана, Йемена, Джибути, Кении, Танзании и Мозамбика), южной (порты Сейшельских островов и Мадагаскара). Заметим, что эти линии во многом повторяют англо-саксонские цепи — Гонконг, Бруней, Сингапур, о. Диего-Гарсия, Катар, Оман, Найроби и др.⁴, что с очевидностью указывает на противостояние двух проектов друг другу. Конечная цель, провозглашенная Си Цзиньпином, предусматривает

³ Tui dong gong jian si chou zhi lu jing ji dai he 21 shi ji hai shang si chou zhi lu de yuan jing yu xing dong // “Yi dai yi lu” guo ji he zuo gao feng lun tan chou bei wei yuan hui mi shu chu [Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века // Секретариат Подготовительного комитета Форума международного сотрудничества «Пояс и путь»]. 07.04.2017. (На китайском языке). URL: <http://2017.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (accessed: 14.02.2024).

⁴ Vorndick W. China’s Reach Has Grown; So Should the Island Chains // Asia Maritime Transparency Initiative. October 22, 2018. URL: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains/> (accessed: 14.02.2024).

построение глобального «общества с единой судьбой»⁵, значительную роль в котором будет играть Китай. Практическая реализация этой концепции должна привести к освоению сначала евразийского, а затем и мирового пространства.

Основы *индийских геополитических воззрений* опираются на концепцию «саптанга» (семь элементов царства), разработанную в трактате «Артхашастра», авторство которого приписывается Каутилье (ок. 370–283 гг. до н. э.)⁶. «Артхашастра» на протяжении многих веков формировала в индийской научной мысли в качестве идеала империю Маурьев (322–187 гг. до н. э.). Эта империя, в создании которой Каутилья принимал непосредственное участие, располагалась на территории почти всего п-ова Индостан. С ней соотносятся современные индийские концепции, которые на явном или неявном уровне содержат претензии на доминирование в масштабах субконтинента и его сухопутной и океанической периферии (Вајраі, 2014, pp. 115–149). Следует также отметить, что непосредственным предшественником современной Индии является британская Индийская империя (*Indian Empire*), в состав которой входили также Пакистан, Бангладеш и Мьянма. После освобождения от колониальной зависимости в 1947 г. на Индийском субконтиненте возникла конкуренция между новообразованными государствами. В результате соперничество за территорию с одним из своих соседей — Пакистаном — не дает современной Индии возможности направить всю энергию на континентальную Азию и Индийский океан. Это привело к сужению стратегического потенциала Индии в рамках заявленных ею геополитических претензий (Menon, 2021).

В последние годы стал все более явно проявляться новый геополитический

конструкт индийской внешней политики. В качестве концепции, объединяющей население, была предложена доктрина «индусскости» (*хиндутва*), разработанная в 1920-х гг. В.Д. Саваркар. Согласно *хиндутве*, Индийский субконтинент является исконным пространством индуизма и других, отчасти родственных ему, коренных религий: буддизма, сикхизма, аяявари и джайнизма. Поэтому индийцами могут считаться только те, кто исповедует эти религии и для кого именно Индия является «святой землей». Уникальность таких людей заключается в том, что они воплощают в себе единство крови, почвы и религии⁷. Из этого определения следует, что миллионам индийских мусульман и христиан в «индусскости» отказано, что придает *хиндутве* специфическое геополитическое измерение. Оно заключается в том, что исходный пункт предопределяет противостояние индийского мира со всем неиндийским.

Опираясь как на древние, так и на современные конструкты, индийские геополитики делят мировое пространство на четыре концентрические окружности.

В пространство первого круга входит сама Республика Индия. Во второй круг — государства Индийского субконтинента — Пакистан, с которым идет борьба за субконтинентальное первенство, и Бангладеш. В этот круг также входят Непал, Шри-Ланка, Бутан, Афганистан, Мальдивы и ряд других территорий, некогда относившихся к ведической цивилизации и потому входящих в зону индийских интересов⁸. Взаимодействие с этими странами, известное сейчас под названием политики «Соседство прежде всего» (*Neighbourhood First Policy*), является общим для всех правительств Индии, начиная с выхода страны из-под британского господства (Aryal & Bharti, 2023, pp. 225–230). В третье кольцо, согласно политике «Смотри

⁵ Wang J. Six Principles of the “One Belt and One Road” Strategy // Boao Forum for Asia Conference 2015: Asia’s New Future: Towards a Community of Common Destiny. 2015. P. 3. URL: <http://english.boaoforum.org/u/cms/www2/201503/25112018qw3q.pdf> (accessed: 14.02.2024).

⁶ Артхашастра, или Наука политики. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. С. 292–362.

⁷ Maratha A. (Savarkar V. D.) Hindutva. Nagpur: V.V. Kelkar, 1923. P. 97–103.

⁸ Мохан Р. Новая внешняя политики Индии // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. XIX: Индия. 2013. С. 7. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Geopolitic/2013_XIX_1.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

на Восток» (*Look East policy*), провозглашенной в 1991 г. премьер-министром Нарасимхой Рао, вошли страны Юго-Восточной Азии. В дальнейшем оно было расширено за счет Центральной и Восточной Азии. К четвертому кругу относится остальной мир, в пространстве которого Индия стремится стать державой глобального уровня (Gujral, 1998, p. 15). В ходе реализации этой цели Индия, даже заключая договоры о стратегическом партнерстве с США и Россией, проводит курс стратегической автономии, не желая связывать себя слишком тесными союзническими обязательствами ни с одной из великих держав (Сучков, 2023).

Бразильские геополитики представляют свою страну как стержневое государство, основу всех интеграционных процессов Южной Америки (Rivarola Puntigliano, 2011, pp. 850–861). Основанием для гегемонии Бразилии являются географические размеры, демографический потенциал и экономическая мощь.

Опираясь на теорию М. Травассоса, согласно которой бассейн Амазонки представляет собой интеграционную ось не только Бразилии, но и всей Южной Америки (Travassos, 1935), бразильские геополитики объявили континентальным Хартлендом (Буэла, 2012, с. 522) территорию бразильского штата Мату-Гросу (Do Couto e Silva, 1981), ибо именно здесь сходятся оси территориальной интеграции и развития Южноамериканского и Карибского регионов (Teles de Lima, 2015, pp. 7–8). Создание южноамериканского общего рынка (Меркосур) в 1991 г. актуализировало значение этого пространства. В результате геополитическое значение Бразилии возросло за счет возможности коммуникационного объединения систем Амазонии и Ла-Платы с Тихоокеанским и Карибским бассейнами (Roseira, 2011, p. 163).

Концептуальной особенностью бразильской геополитической мысли является стремление дистанцироваться как от Старого Света, так и от США посредством представления страны в качестве антиколониальной державы. В этом ключе (антиколониальном и антирасовом) выдержана многоуровневая южноатлантическая доктрина Бразилии, основу

которой составляет концепция «Голубой Амазонки». Согласно концепции, Южная Атлантика состоит из вод рек Амазонского региона и потому должна быть признана зоной бразильских интересов. Следствием этого стала организация Бразилией в 1986 г. Южно-Атлантической зоны мира и сотрудничества (*Zona de Paz e Cooperação do Atlântico Sul*), включившей ряд южноамериканских и западноафриканских стран, располагающихся по обе стороны «Атлантического ущелья».

Особый интерес для Бразилии представляют португалоговорящие африканские страны. Стремясь разработать свою версию трансатлантических отношений, конкурирующую с созданной США североатлантической версией, бразильцы пытаются показать, что Южная Атлантика является их зоной ответственности. В этом контексте западноафриканское побережье трактуется как часть бразильского оборонительного периметра.

Еще одним направлением бразильских геополитических притязаний является Антарктида. По словам Т. де Кастро, Бразилия является для Антарктики тем основанием, которое решит ее судьбу. В особенности это относится к ближайшему по отношению к Бразилии сектору Антарктиды (*Antártica Brasileira*), который «бросает вызов пространству ее сферы господства» (de Castro, 1976, p. 24).

Из формирующихся в настоящее время геополитических школ Африки наибольший интерес представляет *южноафриканская*. Согласно заявлениям руководителей Южно-Африканской Республики (ЮАР), они представляют Африканский континент как «остров Африка», где назначение ЮАР заключается в бремени лидера в контексте меняющегося внешнеполитического ландшафта. Материковое лидерство заключается в защите африканского континентального и морского пространства в целом⁹. Однако безусловной зоной своей геополитической ответственности ЮАР считает территорию южнее Сахары.

⁹ Mthembu P., Kornegay F., Jr. Africa and the World: Navigating Shifting Geopolitics // Institute for Global Dialogue. 2020 (February). Iss. 135. P. 2–4. URL: <https://igd.org.za/publication/africa-and-the-world-navigating-shifting-geopolitics/> (accessed: 14.02.2024).

Основными ее соперниками там, по мнению президента ЮАР в 1999–2008 гг. Т. Мбеки, являются США, «не учитывающие интересы африканских стран», и Китай, постоянно расширяющий влияние в регионе, что чревато превращением ЮАР в младшего партнера (Adebajo, 2008, p. 132).

Из этого следует, что геополитические притязания ЮАР оказались инвариантны расовым и идеологическим характеристикам власти в стране. После победы Африканского национального конгресса над режимом апартеида в 1994 г. стремление властей ЮАР к гегемонии не были утрачены. Сменились союзники: если раньше власти страны опирались на правительства, вооруженные повстанческие группировки и объединения белых колонистов сопредельных стран (Южная Родезия, Юго-Западная Африка, РЕНАМО (*Resistência Nacional Moçambicana*) в Мозамбике, УНИТА (*União Nacional para a Independência Total de Angola*) в Анголе и др.), то теперь союзниками стали их противники, пришедшие к власти: Зимбабвийский африканский национальный союз — Патриотический фронт, Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) (Намибия), ФРЕЛИМО (*Frente de Libertação de Moçambique*) (Мозамбик), Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) и др.

Таким образом, геополитика ЮАР основывается на идее двойного лидерства: во-первых, регионального (африканский Юг), которое она воспринимает в качестве неотъемлемой части своего непосредственного влияния, а во-вторых, континентального, которое рассматривается как естественное первенство по совокупности политической, технологической и экономической значимости. Впрочем, некоторые характеризуют это как гегемонию (Alden & Schoeman, 2015, p. 201).

Для недавно вошедшего в состав БРИКС **Ирана** свойственна геополитическая поливалентность. Его геополитические конструкты определяются тремя основными концепциями: паниранизмом, паншиизмом и связанной с ними обоими доктриной «матери городов».

Современный паниранизм связан с деятельностью Махмуда Афшара (1893–1983 гг.),

стремившегося создать концепцию, противостоящую претензиям пантюркизма на территории Центральной Азии и Кавказа. Идеи паниранизма, получившие развитие в ряде публикаций¹⁰, привлекли в 1923 г. внимание Реза-хана, который после восшествия на престол в 1925 г. вывел их на уровень государственной пропаганды с некоторым неоахеменидским оттенком. Неоахеменизм увеличивал паниранистские претензии, поскольку при Ахеменидах границы страны простирались от Греции до Индии. Тем не менее в дальнейшем ни при Резе-шахе, ни при его наследнике эта концепция не определяла внешнюю политику страны.

Паниранизм получил второе дыхание в XXI в., когда стало очевидно намерение США окружить не желающий подчиняться Иран своими сателлитами. Наиболее показательно в этом отношении высказывание командующего Корпусом стражей исламской революции в 1981–1997 М. Резайи. В конце 2020 г. он заявил: «Если Большой Иран появится к северу от (Персидского) залива и Оманского моря, 15 стран присоединятся к Ирану. Если будет сформирован Большой Иран, он будет вмешиваться в выработку глобальной политики. Наш долг — вернуть славу, величие и могущество древней Персии, и мы сможем выполнить эту задачу»¹¹.

В сегодняшнем Иране конкуренцию паниранизму составляет паншиитская концепция. Ее истоки берут начало в XVI в., когда шиизм в стране был объявлен государственной религией. В современном мире зона распространения шиизма примерно соответствует пространству, подчиненному некогда державе Ахеменидов, а затем вошедшему в состав других персидских государств (от Малой Азии до Гиндукуша и от Азербайджана до Омана). И хотя шиизм появился на

¹⁰ Afshar M. Masale-ye melliyat va-vahdat-e melli-ye Iran [Проблема национализма и единства Ирана] // Ayandeh. December 1927. P. 559–569. (На персидском языке).

¹¹ Al-Sulami M. Tehran's 'Greater Iran' Dream a Threat to the Region // Arab News. December 14, 2020. URL: <https://www.arabnews.com/node/1777331> (accessed: 14.02.2024).

много лет позже крушения первого персидского государства, такое совпадение вряд ли можно считать случайностью. По всей вероятности, укоренение этого направления ислама среди этносов, имевших отношение к персидской культуре, имеет ценностную природу (Мутаххари, 2008).

Однако до недавнего времени шиитской политической парадигмы практически не существовало, поскольку среди ряда направлений этого течения было распространено убеждение о том, что религия не должна напрямую вмешиваться в политические процессы. Ситуация изменилась в ходе исламской революции в Иране 1978–1979 г., имеющей ярко выраженный шиитский характер. Ее лидер Р.М. Хомейни в ряде своих публикаций выдвинул тезис общности религии и политики¹². Это вызвало обеспокоенность в соседних странах, заставив их заподозрить Иран в наличии «шиитского проекта», согласно которому шиизм используется в сопредельных странах со значительным числом приверженцев этого направления в качестве инструмента политического влияния. Под этими странами подразумевают Ливан, Сирию, Иран, Ирак, часть Саудовской Аравии, Бахрейн и Йемен. На этом основании в среде египетских и иорданских политиков возник термин «шиитский полумесяц», который охватывает суннитские страны арабского мира с северо-востока (Al Safi, 2021, pp. 653–656).

Третья концепция иранской геополитики представляет собой комбинацию паниранистской и шиитской идей, результатом чего стала панисламистская концепция шиитского толка. В ней Иран представлен в качестве ядра мировой мусульманской общины (*Умм аль-Кура* — Мать городов). Изначально эта идея, которую выдвинул в конце XIX в. один из основателей панарабизма Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, предполагала возвращение столицы исламского мира из Стамбула в Мекку. Спустя столетие один из руководителей иранской внешней политики М.-Дж. Лариджани перетолковал ее в шиитско-паниранистском контексте политики

экспорта исламской революции. Исламская революция, согласно М.-Дж. Лариджани, переместила центр ислама — *Умм аль-Кура* — в пространство, занимаемое иранским этносом. Поскольку этот факт не может носить случайный характер, его следует истолковывать в духе предопределения об особой роли иранских шиитов в деле объединения всех мусульман в рамках единого наднационального образования¹³. Это положение находится в тесной связи с тезисом аятоллы Хомейни о том, что защита Исламской Республики Иран является крайне важным вопросом, «обязательным для всех мусульман»¹⁴.

Обзор геополитических доктрин продолжим *турецким* направлением геополитики, которому также свойственны колебания между разными измерениями. Характерной чертой турецкой геополитики (в особенности в ее современном виде) является частая смена критерия в деле восприятия политического пространства. Государственный подход сменяется этническим, затем — конфессиональным, потом снова государственным и т. д. Эти подходы соответствуют концепциям панисламизма, пантюркизма/пантуруанизма и неоосманизма.

Турецкий панисламизм основывался на том, что османские султаны с 1517 г. провозглашались халифами и в этом качестве — покровителями всего пространства, населенного мусульманами. Идея османизма как особой формы геополитической идентичности, объединяющей представителей всех народов и конфессий Османской империи, возникла к середине XIX в. Неудачи в Балканских войнах и Первой мировой войне (1912–1918 гг.) привели к смене не выдержавшей испытаний османской парадигмы на пантюркистскую. Первоначально попытка противопоставить турецкое население империи остальным этносам и распространить свое влияние на

¹³ Larijani M.-J. Kaavosh-haaye nazari dar siyosat khaareji [Теоретические изыскания по внешней политике]. Tehran: Scientific and Cultural Publishing Company, 1997. P. 49. (На персидском языке).

¹⁴ Imam Khomeini. Sahifeh Enghelaab. Ketaab 20 [Книга Революции. Кн. 20]. Tehran: Publication of the Ministry of Culture and Islamic Guidance, 1368 SH. P. 13. (На персидском языке).

¹² Имам Хомейни. Путь к свободе: речи и завещание. Москва: Палая, 1999. С. 214–215.

тюркские народы за пределами Османской империи привела к катастрофе, угрожающей краху государства. Тогда новый лидер Мустафа Кемаль Ататюрк упразднил халифат в 1924 г., объявил о светском развитии, отказался от притязаний на ряд нетюркских территорий, а также взял курс на либерализм и национализм, под которым понималась полная тюркизация оставшегося населения страны.

В конце XX в. на смену прежним геополитическим конструктам пришел неоосманизм. Его автором считается президент Турции в 1989–1993 гг. Т. Озал, идея которого состояла в воссоздании у народов Ближнего Востока якобы утраченной османской макроридентичности (Nakan Yavuz, 1998, pp. 23, 40), с тем чтобы вернуть Турции роль гегемона в Ближневосточном регионе. В 2001 г. была опубликована работа А. Давутоглу «Стратегическая глубина: международное положение Турции» (Davutoğlu, 2001), в которой отстаивалась необходимость опираться на весь комплекс предшествующих конструктов, соединяя неоосманизм, панисламизм, пантюркизм и атлантизм. Такой сплав разнородных концепций стал основой для многомерной политики¹⁵, позволяющей Турции реализовывать разные практики в зависимости от региона.

В этой трактовке неоосманизм предназначался главным образом для Балкан и Южного Кавказа. При этом делался упор не на национализм (*milliyetçilik*), а на национальность (*milliyet*), допуская таким образом, что национальность может быть полиэтнична (Nakan Yavuz, 2016). В дальнейшем это нашло свое выражение в провозглашении населения Турции, Азербайджана и Северного Кипра одним народом. Турецкий панисламизм был ориентирован на Ближний Восток, пантюркизм — на Северный Кавказ и страны Центральной Азии, а атлантизм — на Европейский союз (вхождение в который, по мнению А. Давутоглу, желательно).

¹⁵ Öztürk A. Die geostrategische rolle der Türkei in Vorderasien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. No. 4. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/29958/die-geostrategische-rolle-der-tuerkei-in-vorderasien/> (accessed: 14.02.2024).

Подобная многомерность породила колебания внешней политики Турции: от пантюркизма в 1992–1997 гг., предполагавшего расширение влияния от Балкан до Синьцзяна (идея конфедерации всех тюркских народов) к неоосманизму в 2002–2009 гг., для которого стало характерно пристальное внимание к Ближневосточному региону, и вновь возврат к пантюркизму в 2011–2022 гг. В ходе палестино-израильского конфликта 2023 г. президент Р.Т. Эрдоган перенес акцент на исламскую составляющую турецкой политики¹⁶. Многомерная политика дает возможность в зависимости от ситуации резко менять геополитический вектор, но, будучи непоследовательной, не отличается эффективностью.

Для японской геополитической школы характерна конкуренция альтеразиатских и паназиатских проектов. Общим для обоих проектов является их нацеленность на модернизацию, развитие и внешнеполитическую экспансию в Азии.

Автором первого проекта был Ю. Фукудзава. В эссе, озаглавленном «Прочь из Азии» («Дацуарон», 1885 г.), он призывает к забвению национальных традиций и замене японских ценностей на западные¹⁷.

Паназиатская концепция наиболее известна в версии Т. Танаки. На основании собственного истолкования цитаты, почерпнутой в одной из японских хроник («Соберу восемь углов и сделаю их своим домом»¹⁸), Т. Танака выстроил учение о предназначении Японии для мирового господства. С конца 1920-х гг. эта концепция пространственного оформления мира с Японией во главе приняла вид официальной идеологии. В 1940–1945 гг.

¹⁶ Aydıntaşbaş A. The Sultan's Ghost: Erdoğan and the Israeli-Palestinian Conflict // Brookings. November 22, 2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-sultans-ghost-erdogan-and-the-israeli-palestinian-conflict/> (accessed: 14.02.2024).

¹⁷ Совастеев В. В. Геополитика Японии. С древнейших времен до наших дней : учебное пособие. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2009. С. 68.

¹⁸ Wartime Slogan Should Stay Buried // The Japan Times. March 24, 2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/03/24/editorials/wartime-slogan-should-stay-buried/> (accessed: 14.02.2024).

«углы» начали собирать в рамках проекта «Великой восточноазиатской сферы процветания» (1940–1945 гг.). Согласно официальным заявлениям, цель проекта заключалась в создании альянса восточноазиатских народов, свободного от западного влияния.

Американская оккупация привила японским политологам атлантические ценности. В теоретическом отношении это проявилось в принятии идей англо-саксонской школы геополитики, ориентированной на помощь США в контроле над евразийским побережьем по всему его периметру. В этом духе выдержаны две концепции начала XXI в. Обстоятельства не дали воплотить их в жизнь, но сами по себе они представляют характерные образчики современной японской геополитической мысли.

Первой была концепция «Дуги свободы и процветания», которую выдвинул министр иностранных дел Т. Асо в 2006 г.¹⁹ Ее смысл заключался в создании зоны дружественных или зависимых стран от Скандинавии, постсоветских республик, Афганистана и Индии до Юго-Восточной Азии и Австралии с Новой Зеландией. При взгляде на карту становится ясно, что смысл дуги заключается в окружении России и Китая, из чего следует, что, во-первых, Япония пытается включить в круг своего политического влияния значительные территории евразийского пространства, частично входившего в «Великую азиатскую сферу процветания», а, во-вторых, концепция окружения России и Китая своими союзниками указывает, что именно эти страны Япония по-прежнему считает своими основными геополитическими противниками.

Затем концепцию «Дуги свободы» сменила другая — «Бриллиант безопасности», предложенная премьер-министром С. Абэ в 2012 г. и подразумевавшая морской союз Японии, США, Индии и Австралии для

¹⁹ Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar “Arc of Freedom and Prosperity: Japan’s Expanding Diplomatic Horizons” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. November 30, 2006. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech/0611.html> (accessed: 14.02.2024).

осуществления надзора за всеми коммуникациями в Индийском и Атлантическом океанах²⁰. В рамках этого союза Японию прежде всего интересует контроль над континентальной периферией. Это стремление всегда было отличительной чертой японской геополитики. Однако если прежние геополитические концепции были ориентированы, прежде всего, на непосредственный захват и японскую оккупацию, то теперь взят курс на атлантизм, связанный со стремлением решать свои проблемы, опираясь на возможности англо-саксонского блока.

Из формирующихся в настоящее время геополитических конструктов выделим **индонезийскую концепцию**. Ее основу составляет выдвинутая в 1945 г. основателями современной Индонезии концепция *вавасан нусантара* (архипелажное представление). Согласно этой концепции, индонезийский архипелаг является неделимым, то есть включает территории других государств, и выступает в качестве ядра Нусантары, то есть малайского мира, в который входят также Малайзия, Бруней, Сингапур и Филиппины. В 1953 г. первый президент страны Сукарно в качестве основной геополитической задачи указал на необходимость морского господства, для чего следовало построить большой торговый и мощный военный флот. В 2014 г. эта концепция была дополнена в рамках новой доктрины президента Джоко Видодо — «Индонезия — морская ось мира» (Hidayat & Ridwan, 2017, pp. 83–85).

В первом приближении разработанная группой индонезийских геополитиков²¹ концепция Джоко Видодо направлена на тесное сплочение сначала собственно Индонезии, а затем мира Нусантары в целом (как совокупности островных и полуостровных

²⁰ Сато Х. Японские геополитические концепции: значение концепции «Бриллианта безопасности» // Япония наших дней. 2013. № 1. С. 103–107. URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/jnd_15.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

²¹ Connelly A. L. Indonesian Foreign Policy Under President Jokowi // The Lowy Institute for International Policy. October 2014. P. 5. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/184801/indonesian-foreign-policy-under-president-jokowi_0.pdf (accessed: 14.02.2024).

малайских народов). Однако потенциал концепции существенно выше, поскольку ее геополитическая составляющая представляет собой заявку на особое место индонезийского региона в глобальном политическом процессе, вплоть до достижения мирового лидерства. Концепция знаменует собой поворот в «архипелажной» политике страны, заявляя о мировом значении Индонезии как морского коммуникационного центра глобального значения (Simarmata et al., 2023, p. 357).

С одной стороны, это основано на фиксации факта постепенного перемещения центра мировой политики в ее военно-политическом и финансово-экономическом измерениях в Индо-Тихоокеанский регион. Одним из показателей такого изменения является то, что около четверти мирового производства товаров и трети нефти проходят через Малаккский пролив между Индонезией и Малайзией²².

С другой стороны, «архипелажная» концепция представляет собой декларацию о том, что отныне именно Индонезия является географическим центром Индо-Тихоокеанского региона. Таким образом, можно заключить, что цель концепции заключается в декларации о грядущем изменении миропорядка, основанном на континентальном измерении геополитики. В таком контексте в новых условиях прежняя, провозглашенная Х. Макиндером, ось истории (российский Хартленд) замещается новой морской осью, проходящей по территории Индонезии, которая и будет оказывать определяющее влияние на геополитическое развитие мирового пространства. Действуя в этом направлении, руководство Индонезии в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) предприняло ряд шагов по продвижению концепции «Индо-Тихоокеанского мировоззрения», предполагающей общее для стран региона восприятие геополитического пространства (Liow, 2018, p. 177).

²² Ho Ting Hung. Can China Escape the Malacca Dilemma? // National Interest. May 30, 2023. URL: <https://nationalinterest.org/feature/can-china-escape-malacca-dilemma-206505> (accessed: 14.02.2024).

Заключение

В заключение отметим, что в рассмотренных нами концепциях присутствует практически весь набор геополитических мнимостей. Обращение к ним должно, по мнению их адептов, указать или решить текущие внешнеполитические проблемы. Будучи основой политических решений, они приобретают вполне реальное, хотя и весьма отличное от предполагаемого, наполнение.

Возьмем конструкт глобального переустройства. Например, являющуюся ответом американскому глобализму китайскую идею преобразования пространства. Она воплотилась в концепцию о мировом сообществе «с единой судьбой». Потенциал этого синоцентричного в своей основе замысла не менее значителен, чем американская мечта о глобализации, новом неолиберальном миропорядке с гегемонией США.

Теллурократические идеи оказались близки южноафриканским концептам, ориентированным на доминирование в масштабах Африканского континента. В индонезийских доктринах заметно влияние талласократического учения, а современная — осложнена еще и осевой концепцией (морская ось Джокко Видодо). Осевая концепция повлияла и на геополитические доктрины Бразилии.

Современная геополитика Турции использует то миф пантюркизма, где внимание обращено на прекрасное будущее, то — неоосманизма, где в качестве ориентира указывается славное османское прошлое. Иранским доктринам изначально была присуща опора на лингвистическое и культурное изменение политического пространства. В дальнейшем наибольшее значение приобрела конфессиональная — шиитская — составляющая, являющаяся доминантной в настоящее время. В связи с этим можно указать на то, что концептуальное различие в турецком и иранском подходах определяется также представлением об идеальном (на деле — мнимом) пространстве. У турок оно под влиянием текущих политических потребностей формируется военно-политическим предводителем (султаном или лицом, его замещающим).

У иранцев, в особенности после исламской революции, организаторами политического пространства являются представители духовенства — имамы, апеллирующие к Богу.

Этноконфессиональный вариант, напоминающий конструкты представителей немецкой школы, — это индийская *хиндутава*. Учение *хиндутвы* пытается увязать внешнюю политику с метафизическими процессами этнократического свойства, что походит на положения о неразрывной связи крови и почвы. Японская школа первоначально делала акцент на социал-дарвинистском понимании международного взаимодействия, выражавшемся в стремлении к непомерному расширению, которое было с большим трудом остановлено в ходе Второй мировой войны. Однако нельзя сказать, что оно преодолено до конца, так как проявляется в продолжающихся до сих пор отчаянных спорах Японии за пограничные острова чуть ли не со всеми своими соседями. Хотя, возможно, это уже явление другой природы, вписывающееся — наряду с попытками охвата евразийского

побережья (спайкменовского Римленда) — в контекст атлантистского направления внешней политики современной Японии.

В целом следует сказать, что конструкты, основанные на мнимостях, хотя и обладают — благодаря кажущейся инструментальности — определенной востребованностью как в мире науки, так и в политике, не дают приемлемого эффекта ни в той ни в другой области. Достаточно указать на крах политики тех государств, лидеры которых положили в основу панидеи (пангерманизм, панславизм, панарабизм и т. д.). Другое дело, когда геополитика представляет собой только способ «пространственного» прикрытия реальной политики. И вполне вероятно, что в ряде вышеописанных случаев мы имеем дело именно с этим феноменом. Из этого следует, что распространение геополитических идей в регионы, расположенные далеко за пределами Старого Света, не вдохнуло жизнь в старые конструкты, сделав их более основательными, а только расширило и разнообразило сферу их применения.

Поступила в редакцию / Received: 19.02.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 12.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Буэла А. Геополитика Южной Америки // Геополитика и международные отношения / под ред. А. Г. Дугина. Москва : Евразийское Движение, 2012. С. 520–527. EDN: WFINNN
- Ли Г. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162–174. EDN: KFUCDT
- Мутаххари М. Иран и ислам: история взаимоотношений. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2008. EDN: QUODBP
- Поппер К. Логика и рост научного знания. Москва : Прогресс, 1983.
- Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. Москва : РОССПЭН, 1996.
- Сучков М. А. «Незаменимый» партнер для «незаменимой» супердержавы // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2. С. 166–178. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-166-178>; EDN: RGAHNO
- Чжан Ж., Королев А. Н. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96–110. EDN: ZSYAWL
- Adebajo A. The Bicycle Strategy of South African's Bilateral Relations in Africa // South African Journal of International Affairs. 2008. Vol. 15, iss. 2. P. 121–136. <https://doi.org/10.1080/10220460802636141>
- Al Safi B. The Regional Counter-Blocs Strategy in the Context of the Middle East Second Cold War // International Journal of Scientific Research and Management. 2021. Vol. 9, no. 6. P. 652–657. <https://doi.org/10.18535/ijstrm/v9i6.sh01>
- Alden C., Schoeman M. Reconstructing South African Identity Through Global Summitry // Global Summitry. 2015. Vol. 1, iss. 2. P. 187–204. <https://doi.org/10.1093/global/guw001>
- Aryal S. K., Bharti S. S. Evolution of 'India's Neighbourhood First Policy' Since Independence // Society. 2023. Vol. 60, no. 2. P. 224–232. <https://doi.org/10.1007/s12115-023-00819-y>

- Bajpai K.* Indian Grand Strategy: Six Schools of Thought // *India's Grand Strategy: History, Theory, Cases* / ed. by K. Bajpai, S. Basit, V. Krishnappa. New Delhi: Routledge India, 2014. P. 113–150. <https://doi.org/10.4324/9781315733975>
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001.
- De Castro Th.* Rumos a Antártica. Rio de Janeiro: Livraria Freitas Bastos, 1976.
- Do Couto e Silva G.* Conjuntura Política Nacional: O Poder Executivo & Geopolítica do Brasil. Rio de Janeiro: J. Olympio, 1981.
- Gujral I. K.* A Foreign Policy for India. New Delhi: External Publicity Division, Ministry of External Affairs, Government of India, 1998.
- Hakan Yavuz M.* Social and Intellectual Origins of Neo-Ottomanism: Searching for a Post-National Vision // *Die Welt des Islams*. 2016. Vol. 56, no. 3–4. P. 438–465. <https://doi.org/10.1163/15700607-05634p08>
- Hakan Yavuz M.* Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 1998. Vol. 7, no. 12. P. 19–41. <https://doi.org/10.1080/10669929808720119>
- Hamashita T.* The Intra-Regional System in East Asia in Modern Times // *Network Power: Japan and Asia* / ed. by P. J. Katzenstein, T. Shiraiishi. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. P. 113–135. <https://doi.org/10.7591/9781501731457-006>
- Hidayat S., Ridwan H.* Maritime Axis and Indonesia's National Security: Challenge and Hope // *Jurnal Pertahanan dan Bela Negara*. 2017. Vol. 7, no. 3. P. 83–98. <https://doi.org/10.33172/jpbh.v7i3.242>
- Kjellén R.* Grundriss zu einem System der Politik. Leipzig: S. Hirzel, 1920.
- Liow J. C.* Can Indonesia Fulfill Its Aspirations to Regional Leadership? // *International Relations and Asia's Southern Tier: ASEAN, Australia, and India* / ed. by G. Rozman, J. C. Liow. Singapore: Springer, 2018. P. 175–187. https://doi.org/10.1007/978-981-10-3171-7_12
- Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996.
- Menon S.* India and Asian Geopolitics: The Past, Present. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2021.
- Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, Boston: De Gruyter, 1915. <https://doi.org/10.1515/9783112385241>
- Rivarola Puntigliano A.* 'Geopolitics of Integration' and the Imagination of South America // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16, no. 4. P. 846–864. <https://doi.org/10.1080/14650045.2010.549863>
- Roseira A. M.* Nova Ordem Sul-Americana: Reorganização Geopolítica do Espaço Mundial e Projeção Internacional do Brasil [PhD thesis]. São Paulo: Universidade de São Paulo, 2011. <https://doi.org/10.11606/T.8.2012.tde-14122012-094017>
- Schmitt C.* Land und Meer. Eine weltgeschichtliche Betrachtung. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008.
- Simarmata H., Rafliana I., Herbeck J., Siriwardane-de Zoysa R.* Futuring 'Nusantara': Detangling Indonesia's Modernist Archipelagic Imaginaries // *Ocean Governance: Knowledge Systems, Policy Foundation and Thematic Analyses* / ed. by S. Partelow, M. Hadjimichael, A. K. Hornidge. Cham: Springer, 2023. P. 337–363. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20740-2_15
- Spykman N. J.* The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace, 1944.
- Su Ge.* The Belt and Road Initiative in Global Perspectives // *China International Studies*. 2016. Vol. 57, no. 5. P. 5–27. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/chintersd57&div=4&id=&page=> (accessed: 12.01.2024).
- Teles de Lima W.* A Geopolítica Brasileira, o Papel de Mário Travassos e as Implicações na Constituição do Sistema Geográfico no Eixo de Integração e Desenvolvimento de Manaus/Caribe [PhD thesis]. Curitiba: Universidade Federal do Paraná, 2015. URL: <https://acervodigital.ufpr.br/xmlui/handle/1884/40532> (accessed: 12.02.2024).
- Travassos M.* Projeção Continental do Brasil. São Paulo: Companhia Editora Nacional, 1935.
- Yu Jun.* "Yi dai yi lu" chang yi yu zhong guo wai jiao bu ju [Инициатива «Пояса и пути» и планы китайской дипломатии // Исторические записки Хэйлунцзяна]. 2016. No. 3. P. 46–49. (На китайском языке).

Сведения об авторе:

Шаблага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 6526-4436; ORCID: 0000-0001-7610-9721; e-mail: shabaga-av@rudn.ru

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402

EDN: ZLICSG

Система «Тянься» для будущего мира и мира в будущем

*Интервью с Чжао Тиньяном,
профессором философии Китайской академии общественных наук*

Аннотация. Чжао Тиньян — профессор философии Китайской академии общественных наук, старший научный сотрудник Института Берггрюена (США). Занимается онтологией, политической философией и философией истории. Его труды о теории «Тянься» были переведены на множество языков, в том числе немецкий (Alles Unter dem Himmel, Suhrkamp, Германия), английский (All-under-Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order, издательство Калифорнийского университета, США; Redefining a Philosophy for World Governance, Palgrave Macmillan, Великобритания), французский (Tianxia tout sous un Meme Ciel, Cerf, Франция), испанский (Tianxia: una filosofia para la gobernanza global, Herder, Испания), итальянский (Tutto Sotto il Cielo, Ubaldini, Италия) и польский (Nowa Filozofia ladu Swiatowego, Time Marszalek, Польша). В своем интервью Чжао Тиньян раскрывает детали своей концепции «Тянься», суть которой заключается в установлении системы сосуществования народов и государств, основанной на обновленном понимании политики как «искусства перехода от враждебности к доброжелательности». В такой

системе, отмечает профессор Чжао, исключен гегемонизм одной державы над другими, минимизируются риски конфликтов и масштабных кризисов, но создаются возможности для развития всех государств на основе равноправия, рациональности и совершенствования.

Ключевые слова: Тянься, политическая философия, история, миропорядок будущего, транссубъективность

Для цитирования: Чжао Т. Система «Тянься» для будущего мира и мира в будущем. Интервью с Чжао Тиньяном, профессором философии Китайской академии общественных наук. Интервью провела Тянь Е // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 397–402. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402>

© Чжао Т., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Tianxia System for a Future World and Peace in the Future

*Interview with Zhao Tingyang,
Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences*

Abstract. Zhao Tingyang is Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences, Senior Research Fellow at the Berggruen Institute (USA). The research interests of Professor Zhao Tingyang include ontology, political philosophy, and the philosophy of history. His works on Tianxia theory have been translated into many languages, including German (Alles Unter dem Himmel, Suhrkamp, Germany), English (All-under-Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order, University of California, USA; Redefining a Philosophy for World Governance, Palgrave Macmillan, UK), French (Tianxia tout sous un Meme Ciel, Cerf, France), Spanish (Tianxia: una filosofia para la gobernanza global, Herder, Spain), Italian (Tutto Sotto il Cielo, Ubaldini, Italy), and Polish (Nowa Filozofia ladu Swiatowego, Time Marszalek, Poland). In his interview, Zhao Tingyang reveals the details of his “Tianxia” concept, the essence of which is to establish a system of coexistence of peoples and states based on a renewed understanding of politics as “the art of transition from hostility to hospitality.” In such a system, as Professor Zhao Tingyang notes, the hegemony of one power over others is excluded, the risks of conflicts and large-scale crises are minimized, but opportunities are created for the development of all states on the principles of equality, rationality and improvement.

Key words: Tianxia, political philosophy, history, world order of the future, transsubjectivity

For citation: Zhao, Tingyang. (2024). Tianxia system for a future world and peace in the future. Interview with Zhao Tingyang, Professor of Philosophy at the Chinese Academy of Social Sciences. Interviewed by Tian Ye. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 397–402. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-397-402>

— Уважаемый профессор Чжао Тиньян, в 2005 г. вы впервые выдвинули свою оригинальную концепцию политической теории «Тянься» (Поднебесная), которая вызвала широкую дискуссию среди известных ученых в Китае, США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Южной Корее и многих других странах. В течение многих лет вы работали над тем, чтобы выявить связующие элементы древней китайской истории, среди которых есть и знакомое нам китайское понятие «Тянься», чтобы разработать теоретическую основу для будущего мироустройства. Какие смыслы заложены в этом понятии? Каковы причины того, что именно эта древняя концепция стала основой современной теории политической мысли в Китае?

— Важно то, как именно мы воспринимаем саму «историю». Действительно, многие из древних концепций можно найти в истории. В отличие от абстрактных теоретических концепций, одним из свойств истории является ее способность сохранять «первоначальный опыт» (*ur-experience*) человека в «первоначальном состоянии», когда он сталкивается с необходимостью решения проблемы. Этот первоначальный опыт бесценен благодаря его непосредственности, очень подлинному

отражению того, что действительно имеет значение, и вероятности того, что он содержит в себе лучшие идеи из глубин нашего воображения. Столкнувшись с трудностями, человеческий разум пробуждает величайшее вдохновение, находясь в отчаянном поиске наилучшего решения. Это может объяснить, почему великие исторические сюжеты живут вечно. Великие писатели, среди которых А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, в разные периоды времени обладают творческим воображением, чтобы создать первоначальный опыт, который может чему-то научить. Такие сюжеты не теряют своей актуальности или современности (*contemporariness*) вне зависимости от эпохи. Великие сюжеты из истории Древнего Китая не менее актуальны.

Чтобы осмыслить китайскую историю, необходимо понять природу китайского мышления. Структура китайского менталитета несколько отличается от европейского: она основана не на эпистемологических (*epistemological*) ограниченных «трансцендентальных категориях» (*transcendental categories*), как это представлял себе И. Кант, а на бесконечных и повествовательных (*narrative*) «категориальных образах» (*categorical images*), а значит, всегда подразумевает повествование.

Ограничением образности является отсутствие строгих определений, однако другим ее преимуществом является открытость и бесконечное количество взаимосвязей, поэтому образность формирует «сетевое» мышление.

«Тянься» — это базовый образ и сетевая система смыслов с возможностью безграничного роста. Однако меня не интересуют исторические представления о «Тянься». Я думаю о том, какие новые измерения и смыслы может обрести образная концепция мироустройства согласно теории «Тянься» в наши дни. В своей книге 2005 г. «Система Тянься: введение в философию мировых институтов» я проанализировал три современных и в какой-то степени будущих значения понятия «Тянься» (под которым в данном случае понимается «мир»), взятых в основном из древней истории мира:

1) Тянься как физический мир, в котором могут жить люди;

2) Тянься как общий духовный мир, сформированный сердцами и умами людей;

3) Тянься как политический мир, в котором находятся все люди, то есть политическая система с неограниченной вместимостью.

Таким образом, мы можем заключить, что мир — это суперпозиция физического, психологического и политического пространств. В то же время иерархия и единоначалие в древней концепции мира были демонтированы, что превращало мир в систему без единого центра, которая при этом обладала безграничностью сетей (Zhao Tingyang, 2005, pp. 41–42). Подобная мировая система призвана решить хантингтоновскую проблему столкновения цивилизаций (Хантингтон, 2014).

— В 2016 г. вы развили свою теорию системы «Тянься» и опубликовали новую монографию по политической философии «Современность „Тянься“: практики и образы мирового порядка» (*All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order*). Расскажите подробнее об этой книге и новых аспектах вашей теории. Как монография соотносится с вашими предыдущими работами по этой проблематике?

— Опубликованная в 2005 г. книга, которая фактически является продолжением статьи 2000 г., была лишь некоторым введением, но еще не полноценной теорией, и впоследствии

была доработана в ходе многочисленных обсуждений и дискуссий. «Тянься» в трактовке 2016 г. представляет собой законченную теорию с некоторыми существенными доработками, главным образом построением нового, ориентированного на будущее видения мира, с более сложными теоретическими характеристиками, сжатым обоснованием новой концепции политического и ее онтологическим основанием. Это все мною названо «онтологией сосуществования» (*ontology of coexistence*). Также в книге были рассмотрены основные принципы новой мировой системы (Zhao Tingyang, 2016).

Я представляю новую концепцию политики как искусства «перехода от враждебности к доброжелательности». Если функция политики заключается не в том, чтобы превращать врагов в друзей, то это не политика, а война, и тогда от нее нет никакого толка. Война — это провал политики, а не ее продолжение, как утверждал Карл фон Клаузевиц, то есть война — это вопрос жизни и смерти, а политика — вопрос сосуществования, и у них совершенно разные цели и задачи. Для всего человечества подлинно правильная политика должна основываться на экзистенциальной теории сосуществования, основанной на следующем принципе: существование предполагает сосуществование (*existence presupposes coexistence*). Очевидно, что любое существо, кроме Бога, может существовать только в обществе.

Опираясь на положения новой концепции политики и теории сосуществования, мною выдвинуты аргументы в пользу будущей мировой системы, которая должна быть совместима с этой теорией и состоять из трех основных «конституционных концепций»:

1) интернализация мира. Мировая система, где представлены все страны, устраняет негативные внешние эффекты и тем самым позволяет избежать конфликтов на грани жизни и смерти, как если бы все находились на Ноевом ковчеге;

2) рациональность отношений, предусматривающая минимизацию взаимной враждебности, которая превалирует над стремлением к максимизации своих интересов. Такая рациональность благоприятствует долгосрочным всеобщим интересам;

3) совершенствование в его конфуцианском понимании. Речь идет о создании условий для всеобщего процветания, которые можно определить так: один человек получает выгоду от каких-либо изменений тогда и только тогда, когда все люди получают выгоду от этих изменений. Совершенствование у Конфуция явно превосходит достижение принципа справедливости, изложенного В. Парето. Совершенствование по Конфуцию также можно представить следующим образом: если один получает преимущество в том понимании, которое вкладывал в него В. Парето, то и каждый должен получить такое преимущество. Совершенствование по Конфуцию — фундамент сотрудничества для всех (Zhao Tingyang, 2016, pp. 271–274).

— Вы упомянули, что понятие «Тянься» достаточно универсально, чтобы рассматривать его как мировую систему: сообщество всех стран, управляемое всеми странами и всеми цивилизациями, совместно работающими и призванными служить всему человечеству. Каково, на ваш взгляд, практическое применение вашей теории в свете общей тенденции развития китайской внешнеполитической стратегии? И является ли модель мироустройства в рамках этой системы полностью противоположной нынешней модели мира?

— Теория «Тянься» относится к политической философии и не является политической стратегией, и она уж точно не вид дипломатической практики. На самом деле, я совсем не изучал дипломатию, и, возможно, мое понимание данной сферы ошибочно. Иногда дипломатия — это излишняя теоретизация и пустые кабинетные рассуждения («бумажные игры», иногда политические и экономические сделки, а порой это самый длинный путь между двумя точками, как это происходит со стратегиями кризисного урегулирования, которые лишь откладывают кризис). Я бы сказал, что дипломатия — это несиловые методы ведения игры в условиях реальной политики (*Realpolitik*), и она не имеет прямого отношения к теории «Тянься». Система «Тянься» — это политическая концепция, которая относится к будущему, а не к настоящему времени. Сегодня

в мире все еще не сложились условия для формирования такой системы. Все нынешние международные стратегии по-прежнему укладываются в рамки концепции реальной политики *Realpolitik*, и условий для выхода за ее пределы пока нет.

Структура мира будущего — это индивидуальные представления, которые основаны на своем историческом базисе. Необходимо отметить, что для построения системы «Тянься» необходимы конкретные материальные условия, а не пустые и громкие моральные заявления. Для реализации мировой системы придется подождать развития искусственного интеллекта (ИИ) и изобретения эффективных источников энергии (например, управляемого термоядерного синтеза). Она также потребует эволюции экономических систем, например создания единой валюты, являющейся частью мирового сообщества, единой мировой налоговой ставки (идею предложил Т. Пикетти, но он представляет себе слишком высокую общемировую ставку), а также существенного изменения политических систем отдельных стран.

Я считаю, что идеологическая политика, то есть политические взгляды, обозначаемые различными «-измами», в будущем постепенно будут вырождаться. Конфликт идеологий приводит к взаимному истощению, затрачивая ресурсы без возможности получить явное преимущество и достигнуть рациональной цели. Если люди достаточно рациональны, то вполне вероятно, что каждая политическая система в будущем превратится в некий «гибрид», в котором будут рекомбинированы наиболее удачные с исторической точки зрения аспекты предыдущих систем. Я представляю себе «интеллектуальную демократию» (Zhao Tingyang, 2021), гибридную систему, «демократию, ориентированную на знания» (*knowledge-weighted democracy*), или «демократию, основанную на знаниях» (*knowledge-oriented democracy*).

Главным политическим преобразованием послужит реформирование системы голосования. Новая система включает в себя два этапа. Первый — всеобщие выборы, в которых участвуют все, чтобы определить «желаемое» (*the desirable*). Второй этап — голосование научного комитета, который определяет, какие из выбранных народом «желательных

пунктов» являются «осуществимыми». Таким образом, окончательный выбор определяется пониманием сути проблемы. Это превращает интеллектуальную деятельность человека в неотъемлемую часть демократической системы посредством институционализации, благодаря чему демократическая система становится интеллектуальной (Zhao Tingyang, 2021). Нетрудно заметить, что это новая модель децентрализации: люди выбирают то, что является желаемым; профессионалы выбирают то, что является осуществимым. Это форма демократии, совмещенная с элитаризмом.

«Тянься» — это не сообщество, а общая система. К сообществам (*community*) предъявляются более серьезные требования, и основой для них должны быть общие убеждения и ценности. Система «Тянься» предполагает культурный плюрализм, вмещающий широкий спектр всевозможных культур и религий, и представляет собой модель сосуществования с совместимостью, или, по выражению Г. Лейбница, *co-возможность* (*compossibility*), но никак не сообщество. Я не верю в «конец истории» по Ф. Фукуяме, не верю, что будущий мир будет объединен какой-то определенной верой, и не мечтаю о невозможном.

Хотя мир не нуждается в объединяющей вере, ему все же нужен этический принцип, который мог бы рационально объяснить природу общечеловеческих отношений. Ограниченность традиционной этики заключается в том, что все этические принципы основаны на субъективности (*subjectivity*), из которой нельзя вывести универсально согласованную интерсубъективность (*intersubjectivity*), поэтому необходима новая модель, в которой этические принципы основывались бы на транс-субъективности (*trans-subjectivity*). Я предлагаю измененную версию «Золотого правила»: «Никогда не поступай с другими так, как другие не хотели бы, чтобы ты поступал с ними» вместо традиционного «Никогда не поступай с другими так, как ты не хотел бы, чтобы другие поступали с тобой». Это новое «Золотое правило» обладает строгой взаимной симметрией и поэтому действительно универсально. Как представляется, этот принцип применим и к мировой системе в рамках теории «Тянься».

— По мере роста международного влияния Китая и расширения его участия

в глобальных процессах сила его действий и дискурса в глобальном управлении и построении международного порядка неуклонно возрастает. На этом фоне ваша теория привлекла большое внимание международного сообщества, вызвав при этом определенные опасения о том, что реализация вашей теории на практике приведет к подмене «американоцентричной системы» на «китаецентричную систему». Что вы думаете об этом? И как, по вашему мнению, ваша теория может повлиять на международный порядок?

— Это беспокойство совершенно необоснованно. Система «Тянься» была задумана как институциональное видение мироустройства, в основе которого лежат интересы и стремления всего мира. Изначальный смысл понятия «Тянься», как говорили в древности, — это «мир всех народов и для всех народов» (*a world of-and-for all peoples*), то есть «мир всемирности» (*a world of worldness*), а не мир под властью сильных. Боюсь, что традиционный подход к политике, когда один гегемон сменяет другого, не подходит для мира будущего. В мире, где мы привыкли причинять друг другу боль, доминирование гегемона больше не является оптимальной стратегией выживания, а скорее может превратиться в стратегию саморазрушения. Как отмечал Мао Цзэдун, где есть угнетение, там есть и сопротивление. Постоянное упорное сотворение себе врагов ввергнет мир в неконтролируемый беспорядок и хаос, и в мире, где энтропия возрастает, рухнет все, а вместе с этим рухнет и сама гегемония. Нужно пересмотреть саму концепцию политики.

Я считаю, что в будущем вряд ли повторится прежняя история со сменой гегемонов. Политическая система всегда стремится к оптимальной организации коллективного существования, но критерии его оценки изменяются на протяжении истории, что и вызывает различные политические проблемы. Исторически сложилось, что основной тенденцией является все больший масштаб существования и, соответственно, охват политических проблем: от племен на заре цивилизаций до государства, от государства до региона, от региона до международной системы, причем в будущем масштаб политики обязательно будет

космополитическим, или глобальным, общечеловеческим по своей природе.

Согласно представлениям древних китайцев, масштаб политики эволюционно развивался по схеме «семья — государство — мир», а высшим уровнем политики был весь мир, «Поднебесная», или «Тянься». До сих пор изучение политической науки не выходило за рамки масштабов государствоцентричной международной политики, а концепция «Тянься» пыталась выработать свой взгляд на «мировую политику», а не на международную. По масштабу проблем мировая политика на порядок выше международной. Пока не до конца ясно, как реализация теории «Тянься» повлияет на международную политику, потому что она по своему существу отрицает такую политику (Zhao Tingyang, 2009).

Иными словами, я нередко смотрю на международные процессы или мировые проблемы под другим углом. Система «Тянься» подразумевает, что глобальный мир должен рассматриваться с глобальной точки зрения, только так можно добиться правильной перспективы. Этот подход «рассматривать *x* посредством *x*» — изобретение Лао-Цзы, который утверждал, что нужно рассматривать семью сквозь призму семьи, город — сквозь призму города, государство — сквозь призму государства, а мир — сквозь призму мира. Суть вещей можно рассмотреть, только смотря на них сквозь призму соответствующей системы измерения.

В разные эпохи политические вопросы приобретали разные акценты. Долгое время политика занималась распределением интересов и власти, ресурсов и территориального

суверенитета, религиозной и идеологической борьбой, столкновением цивилизаций, мультикультурной идентичностью, но в будущем более актуальными вопросами станут глобальные кризисы человечества, такие как сотрудничество человека с ИИ и возможность формирования трансубъектности, системные кризисы в мировой экономике или финансах, а также безопасность различных глобальных систем. Потребуется найти ответы на следующие вопросы:

– Как будут сотрудничать люди и искусственный интеллект?

– Можно ли развить трансубъектность между людьми и ИИ?

Существуют также глобальные экономические или финансовые системные кризисы и безопасность глобальных систем, которые выходят за рамки национальной и международной политики. Это означает, что в будущем общечеловеческие и глобальные вызовы будут важнее, чем региональная борьба за власть. Это может заставить человечество переосмыслить принципы организации международной системы, а также условия существования и порядок сосуществования для нового поколения. Теория «Тянься» — это представление об общем устройстве человечества, но следует подчеркнуть, что «Тянься» не гарантирует всеобщего человеческого счастья. Счастье, боюсь, всегда будет роскошью, но «Тянься» дает надежду на уменьшение человеческих страданий. На самом деле преодоление страданий — это одна из вечных тем для человечества, но современные люди зачастую забывают о главном в погоне за мимолетным счастьем.

Интервью провела Тянь Е

Поступила в редакцию / Received: 18.06.2024

Библиографический список

- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва : AST Publishers, 2014.
- Zhao Tingyang. Cong guo jiaguo ji dao shi jie: san zhong zheng zhi wen ti de bian hua // Zhe xue yan jiu [От национального к международному и мировому: три варианта политического вопроса // Философские исследования]. 2009. No. 1. P. 89–95. (На китайском языке).
- Zhao Tingyang. Tian xia de dang dai xing: shi jie zhi xu de shi jian yu xiang xiang. Běijīng : Zhong xin chu ban she [Современность «Тянься»: практики и образы мирового порядка. Пекин : CITIC Press Group], 2016. (На китайском языке).
- Zhao Tingyang. Tian xia ti xi: shi jie zhi du zhe xue dao lun. Běijīng : Jiang su jiao yu chu ban she [Система Тянься: введение в философию мировых институтов. Пекин : Изд-во образования Цзянсу], 2005. (На китайском языке).
- Zhao Tingyang. Yi zhong ke neng de zhi hui min zhu // Zhong guo she hui ke xue [Возможная интеллектуальная демократия // Китайская социальная наука]. 2021. No. 4. P. 4–23. (На китайском языке).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-403-416

EDN: YPEEWK

Научная статья / Research article

Советско-американские и советско-китайские отношения при Ю.В. Андропове: опыт анализа

Инань Ли^{1,2} ¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация²Шанхайская академия глобального управления и международного регионоведения, Шанхай, Китай liyinan92@qq.com

Аннотация. Рассматривается политика Ю.В. Андропова и его личная позиция в ключевых вопросах отношений СССР с США и КНР в годы руководства Советским Союзом. На этой основе оценены влияние и последствия действий Ю. В. Андропова на внешнеполитическое развитие СССР. Автор руководствовался принципами историзма, научной объективности и опоры на источники. Доказано, что Ю.В. Андропов формировал внешнюю политику страны с позиции «ястребов» в советском руководстве, представленных Д.Ф. Устиновым. Согласно этой позиции, внешняя политика абсолютно подчинена интересам национальной безопасности, предполагающей превосходство ядерных и обычных сил над силами потенциальных противников, а военная сила должна выходить на первый план при принятии внешнеполитических решений. Поэтому как по проблеме ракет средней дальности (РСД) в Европе, так и по вопросу о размещении вооруженных сил на советско-китайской и китайско-монгольской границах Ю.В. Андропов, игнорируя объективные изменения обстановки, неизменно придерживался жесткой позиции. Автор приводит свидетельства того, как советский руководитель неоднократно отвергал разумные предложения дипломатов и не желал идти на какие-либо уступки, которые противоречили идеям военного превосходства. В первую очередь это касалось вопроса размещения РСД на территории Восточной Европы, который обсуждался на переговорах в Женеве. В итоге Советскому Союзу не удалось избежать вовлечения в новый виток гонки вооружений, спровоцированный президентом США Р. Рейганом, вследствие чего американские РСД были размещены в Западной Европе. На Востоке Ю.В. Андропов упустил возможность улучшить отношения с Китаем, который начал переориентироваться от конфронтации с СССР на выстраивание баланса в отношениях с США и Советским Союзом, и продолжил бессмысленную конфронтацию с ним. Внешнеполитическое наследие Ю.В. Андропова — изолированная, напряженная внешняя обстановка, не подразумевающая свободы действий. Кроме того, увеличение военных расходов, вызванное его жесткой внешнеполитической линией, усугубило «застой» и кризис социально-экономического развития СССР.

Ключевые слова: холодная война, внешняя политика СССР, гонка вооружений, США, Китайская Народная Республика, КНР, ракеты средней дальности, РСД

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ли И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ли И. Советско-американские и советско-китайские отношения при Ю.В. Андропове: опыт анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 403–416. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-403-416>

Soviet-American and Soviet-Chinese Relations under Y.V. Andropov: An Analysis

Yinan Li^{1,2}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Shanghai Academy of Global Governance and Area Studies, Shanghai, China

 liyinan92@qq.com

Abstract. In this study, the author examines the foreign policy of Y.V. Andropov and assesses the impact of his personal position on the Soviet-US and Sino-Soviet relations during his tenure as the leader of the Soviet Union. The author was guided by the principles of historicism, scientific objectivity, and reliance on sources. It is proved that Y.V. Andropov adopted the foreign policy of the USSR from the position of the “hawks” in the Soviet leadership, which were represented by D.F. Ustinov. According to such a position, foreign policy should be absolutely subordinated to the interests of national security, which can only be guaranteed by the superiority of both nuclear and conventional forces over potential adversaries. Military power should be at the forefront of foreign policy decisions. Therefore, no matter on the issue of Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) in Europe, or on the issue of the armed forces on the Sino-Soviet and Sino-Mongolian borders, regardless of the objective changes in the situation, Y.V. Andropov always maintained a tough position. Author proves that the Soviet leader persistently rejected the reasonable proposals of diplomats and was unwilling to make any concessions that contradicted the ideas of military supremacy. This primarily concerned the issue of the INF deployment on the territory of Eastern Europe, which was a key topic of discussion at the Geneva negotiations. As a result, the Soviet Union could not avoid being drawn into the new round of the arms race provoked by the U.S. President Ronald Reagan, one of the results of which was the deployment of the American INF in Western Europe. In the East, he missed the opportunity to improve relations with China, which had begun to reorient itself away from confrontation with the USSR to building a balance in relations with the United States and the Soviet Union and continued a pointless confrontation with it. The foreign policy heritage that Y.V. Andropov left to his successors was an isolated and tense external environment in which there was few freedom of action. In addition, the growth of military expenditures caused by his tough line on foreign affairs aggravated the stagnation and crisis in the social-economic development of the USSR.

Key words: the Cold War, foreign policy of the USSR, arms race, the U.S., People’s Republic of China, PRC, Intermediate-Range Nuclear Forces, INF

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Li, Yinan. (2024). Soviet-American and Soviet-Chinese relations under Y.V. Andropov: An analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 403–416. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-403-416>

Введение

Несмотря на то, что срок пребывания Ю.В. Андропова на посту генерального секретаря ЦК КПСС составлял всего 15 месяцев, его роль в советской истории была немало важной. Как отмечал член Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) в 1985–1990 гг. Е.К. Лигачев, «„год Андропова“

остался в народной памяти как время наведения порядка в интересах людей труда... Он оставил такой глубокий след в истории, что народ помнит, чтит его»¹. Восхваление личных качеств и способностей Ю.В. Андропова, его верности социалистическим принципам, стремление оживить страну и вывести ее из

¹ Лигачев Е. К. Кто предал СССР? Москва : Алгоритм, Эксмо, 2010. С. 24, 26.

«застоя» широко прослеживается в воспоминаниях его коллег по ЦК, подчиненных в Комитете государственной безопасности (КГБ) и товарищей из социалистического содружества². Также ими была отмечена его сила воздействия на внешнюю политику еще в последние годы брежневского периода³. Среди них даже бытует такое мнение, что Ю.В. Андропов мог действовать во внешней политике более эффективно, чем министр иностранных дел А.А. Громыко⁴.

Период руководства Ю.В. Андропова пришелся на момент резкого усиления конфронтации в советско-американских отношениях (Медведев, 1999, с. 429–464). Большинство российских историков более или менее тенденциозно защищают позицию Ю.В. Андропова в советско-американских отношениях (Прозоров, 2004, с. 27–35; Хлобустов, 2009, с. 426–427; Каширина, 2011; Крысенко, 2016). В свою очередь А.С. Ващук и А.Е. Савченко считают, что в противостоянии СССР и США Ю.В. Андропов, избрание которого на пост генсека совпало с резким обострением международной обстановки, был первым, кто в поисках возможных союзников посмотрел в сторону Китая (Ващук, Савченко, 2016).

Антисоветская и милитаристская природа внешней политики администрации президента США Р. Рейгана не подлежит сомнению. Тем не менее, до сих пор ответ на вопрос, были ли оптимальными решения, принятые при Ю.В. Андропове в рамках конфронтации с США на международной арене, остается открытым. Ю.В. Андропов играл важную роль в формировании внешней

политики СССР еще с середины 1970-х гг.⁵, а с мая 1982 г., когда он вновь стал секретарем ЦК КПСС, главным направлением его работы стала международная проблематика (Болдовский, Джалилов, Пивоваров, 2018, с. 233).

В статье рассматривается личная позиция Ю.В. Андропова по вопросам размещения ракет средней дальности (РСД) в Европе как главном факторе в советско-американских отношениях, а также дислокации вооруженных сил на границах с Китайской Народной Республикой (КНР) и в Монголии как основном факторе советско-китайских отношений с начала 1980-х гг. до 1984 г. На этой основе автор оценивает эффект и последствия внешнеполитических шагов Ю.В. Андропова в контексте холодной войны.

Отношение Ю.В. Андропова к вопросу размещения РСД в Европе

В ноябре 1982 г. тема размещения советских и американских ракет средней дальности вызвала очередной виток обострения ситуации в Европе.

С 1976–1977 гг. Советский Союз на европейской части своей территории тайно и постепенно заменял устаревшие жидкостные баллистические ракеты средней дальности Р-12 и Р-14 на твердотопливные РСД-10. Помимо более высокой точности и дальности ракеты нового типа были двухступенчатыми, с тремя независимыми боеголовками. Поэтому эти РСД представляли значительную угрозу для Запада⁶.

В ответ на это в декабре 1979 г. НАТО приняла так называемое «двойное решение», согласно которому, если до конца 1983 г. договоренность с советской стороной о размещении РСД в Европе не будет достигнута, то в Западной Европе будут размещены 572 американские ракеты, в том числе 108 РСД «Першинг-2» в Западной Германии

² См., например: Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. Москва : Международные отношения, 2017. С. 156–164; Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев / под общ. ред. А. Г. Сидоренко. Москва : Артстиль-Полиграфия, 2011. С. 10–246; Бобков Ф. Д. Последние двадцать лет: записки начальника политической контрразведки. Москва : Русское слово, 2006. С. 153–154; Громыко А. А. Памятное. Книга 2. Москва : Политиздат, 1990. С. 531; Wolf M. *Memoirs of a Spymaster*. London : Pimlico, 1998. P. 213–214. См. также: (Курьлев и др., 2022, с. 758).

³ Гриневский О. А. Тайны советской дипломатии. Москва : Вагриус, 2000. С. 332–334.

⁴ Кеворков В. Е. Тайный канал. Москва : Гея, 1997. С. 297.

⁵ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. Москва : Международные отношения, 1992. С. 15.

⁶ Гриневский О. А. Перелом: от Брежнева к Горбачеву. Москва : Олма-Пресс Образование, 2004. С. 14–15. См. также: (Haslam, 1989, p. 103).

и 464 крылатые ракеты наземного базирования в ряде стран — членов НАТО (Haslam, 1989, pp. 104–105).

В сентябре 1981 г. СССР и США договорились о проведении в Женеве переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе (Haslam, 1989, p. 112). 18 ноября 1981 г., незадолго до начала переговорного процесса, Р. Рейган в публичном выступлении выдвинул проект, известный как «нулевой вариант». В соответствии с ним США готовы были отменить размещение своих ракет, если СССР демонтирует свои Р-12, Р-14 и РСД-10⁷. Несмотря на некоторые нюансы, выявившиеся в 1983 г., «нулевой вариант» был выгоден администрации Р. Рейгана как часть «сделки» с Москвой, поскольку касался уже размещенных в Европе советских ракет, в отличие от американских, которые еще не были развернуты.

Вместе с тем в ходе переговоров СССР неоднократно предлагал различные варианты решения вопроса РСД. После избрания Ю.В. Андропова на должность генерального секретаря ЦК КПСС в ноябре 1982 г. новые актуальные инициативы стали выдвигаться чаще. 21 декабря 1982 г., на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР, Ю.В. Андропов озвучил основную идею этих инициатив — Советский Союз готов уменьшить число своих пусковых установок (ПУ) РСД в Европе до уровня Великобритании и Франции в обмен на отмену размещения американских ракет⁸. Суть этой позиции заключалась в том, что Москва была намерена сохранить свое преимущество по РСД, так как при одинаковом количестве ПУ у Советского Союза было гораздо больше ядерных боеголовок, чем у Великобритании и Франции. Более того, РСД-10, дислоцированные к востоку от Урала, имели достаточную дальность, чтобы поразить цели в Западной Европе.

⁷ Reagan R. Remarks to Members of the National Press Club on Arms Reduction and Nuclear Weapons // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. November 18, 1981. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/remarks-members-national-press-club-arms-reduction-and-nuclear-weapons> (accessed: 15.06.2023).

⁸ Доклад товарища Ю. В. Андропова // Правда. 22.12.1982. С. 2.

Необходимо отметить, что Ю.В. Андропов всегда относился к Р. Рейгану с недоверием⁹. Советский руководитель был убежден, что, пока Р. Рейган занимает Белый дом, достичь консенсуса с американцами будет невозможно (Зубок, 2011, с. 391–396; Даунинг, 2020, с. 193–195). Поэтому свои надежды Москва в основном возлагала на западноевропейские страны, особенно Федеративную Республику Германия (ФРГ)¹⁰. СССР пытался начать там «мирное наступление» для разделения государств — членов НАТО, их народов и правительств с целью недопущения размещения американских ракет (Mehrotra, 1983; Wettig, 2009, pp. 90–101). Например, в 1982 г. в соответствии с директивой Ю.В. Андропова КГБ систематически проводил мероприятия, направленные на стимулирование и дальнейшее развитие антивоенного и пацифистского движения в западноевропейских странах и США и вовлечение в него широких слоев общественности¹¹. Однако поскольку Москва настаивала на сравнении количества натовских, а не американских РСД с советскими, сплоченность США и их европейских союзников косвенно укреплялась.

7 апреля 1983 г. на митинге в Германской Демократической Республике (ГДР) министр обороны СССР Д.Ф. Устинов заявил, что США фактически подставляют своих союзников по НАТО под ответный ядерный удар СССР, и он «для большинства стран Западной Европы, где будет размещено американское ядерное оружие, может стать и

⁹ Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева: воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. Москва: Международные отношения, 1994. С. 282–283.

¹⁰ Выступление Н. Н. Дединова на вечере памяти Ю.А. Квицинского в МИД России // Дипломат Юлий Квицинский: сборник воспоминаний / ред.-сост. В. Н. Казимиров, В. М. Родин. Москва: Международные отношения, 2013. С. 39.

¹¹ 15.03.1983. Записка № 547-Ч/ОВ председателя КГБ СССР В. М. Чебрикова в ЦК КПСС и Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову «Отчет о работе Комитета государственной безопасности СССР за 1982 год» // Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС. Москва: Московская Хельсинская Группа, 2006. С. 253.

последним»¹². Выступление Д.Ф. Устинова в ГДР означало, что терпение и уверенность Москвы пошли на убыль, а ее «уговоры» Запада постепенно превратились в «устрашения». 28 июня 1983 г., на совещании руководителей стран — членов Организации Варшавского договора (ОВД), Ю.В. Андропов впервые заявил, что в ответ на размещение новых американских ракет в Европе Советскому Союзу пришлось бы отменить мораторий на дальнейшее размещение РСД-10 и подумать об установке своих крылатых ракет дальнего действия. Помимо того, генсек КПСС предупредил о возможном приближении советских оперативно-тактических ракетных комплексов (ОТРК) к границам тех стран НАТО, в которых будет размещено ядерное оружие США (речь шла о дислокации советских ракет на территории стран ОВД)¹³.

Разумеется, ужесточение позиции вряд ли могло изменить мнение лидеров США и Западной Европы, но оно действительно вызывало беспокойство у населения восточно-европейских стран, особенно ГДР, и даже сопротивление со стороны ее руководства (Haslam, 1989, pp. 131–140). В дополнение к этому антиядерное движение в Западной Европе стимулировало пацифистско-диссидентские настроения и в странах ОВД¹⁴.

На встрече с заместителем председателя КГБ В.А. Крючковым 19 сентября 1983 г. член Политбюро Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), глава Министерства государственной безопасности ГДР Э. Мильке откровенно высказался о том, что в ГДР каждую неделю задерживают около 150 пацифистов¹⁵. После

того как В.А. Крючков, ближайший соратник Ю.В. Андропова, намекнул о том, что «некоторые товарищи говорят: действительно ли есть смысл продолжать переговоры?», Э. Мильке, будучи абсолютным консервативом в руководстве ГДР, ответил: «Следует продолжать переговоры»¹⁶.

Однако противостояние неизбежно обострялось. 24 октября 1983 г. Министерство обороны СССР объявило о развертывании ОТРК в ГДР и Чехословакии¹⁷. 23 ноября, сразу после прибытия в Европу первой партии американских ракет, советская сторона в одностороннем порядке вышла из переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе¹⁸. Полмесяца спустя Москва дополнительно объявила о прекращении переговоров по стратегическим наступательным вооружениям, которые параллельно шли в Женеве, что шокировало членов советской делегации, которая предложила руководству прервать переговоры лишь о РСД для «оценки сложившейся ситуации»¹⁹. Это, как отмечал посол СССР в США в 1962–1986 гг. А.Ф. Добрынин, по существу, означало крах надежд Ю.В. Андропова на достижение договоренности с Р. Рейганом²⁰.

Возможно, Ю.В. Андропов хотел дожидаться переломного момента, который мог возникнуть на президентских выборах 1984 г. в США²¹. Однако время и реальность не позволили его планам осуществиться: он умер в феврале 1984 г. Девять месяцев спустя

¹⁶ Ibid. P. 8.

¹⁷ English R. *Eastern Europe's Doves // Foreign Policy*. 1984. No. 56. P. 46.

¹⁸ Statement on Soviet Union Withdrawal from the Intermediate-Range Nuclear Force Negotiations // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. November 23, 1983. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/statement-soviet-union-withdrawal-intermediate-range-nuclear-force-negotiations> (accessed: 05.02.2022).

¹⁹ Палажченко П. Р. Дипломатия саммитов: Женева и Рейкьявик глазами переводчика // *Индекс безопасности*. 2015. Т. 21, № 4. С. 194.

²⁰ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). Москва : Автор, 1996. С. 498.

²¹ См.: Доклад товарища Ю. В. Андропова // *Правда*. 22.12.1982. С. 2; Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). Москва : Автор, 1996. С. 498.

¹² Митинг дружбы // *Правда*. 07.04.1983. С. 4.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 82. Оп. 1. Д. 4. Л. 43. Текст выступления Ю. В. Андропова на совещании руководителей стран Варшавского Договора. 28 июня 1983 г.

¹⁴ English R. *Eastern Europe's Doves // Foreign Policy*. 1984. No. 56. P. 44–60. См. также: (Tismaneanu, 1990, pp. 10–11).

¹⁵ Note About the Talks of Comrade Minister [Erich Mielke] with the Deputy Chairman of the KGB, Comrade V. A. Kryuchkov, on 19 September 1983 in Berlin // Wilson Center Digital Archive. P. 10. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115718> (accessed: 05.02.2022).

Р. Рейган, набравший подавляющее большинство голосов, был переизбран президентом.

В целом в результате борьбы с США по вопросу о РСД с 1982 по 1983 г. СССР, как откровенно констатировал президент Социалистической Республики Румыния Н. Чаушеску на переговорах с советским руководством в июне 1984 г., потерпел серьезное поражение: размещение американских ядерных РСД дает США преимущества, которых у них до этого не было²². Это вынудило Советский Союз принять ответные ядерные меры, которые, однако, не изменили ситуацию к лучшему: с территории западноевропейских стран США были в состоянии нанести удар по территории СССР; советские же ОТРК в ГДР и Чехословакии были не в состоянии достичь территории США.

В своих мемуарах директор Института США и Канады АН СССР в 1967–1995 гг. Г.А. Арбатов вспоминает, что советские дипломаты и специалисты считали тайное развертывание ракет РСД-10 в Восточной Европе ошибкой²³. Однажды ему удалось поговорить с Ю.В. Андроповым по этому поводу и попытаться убедить его в том, что размещение новых ракет без уведомления Запада не соотносится с «разрядкой», Хельсинкским актом, переговорами об ограничении вооружений и т. д. Однако от советского лидера Г.А. Арбатов слышал только резкое возражение. После беседы Г.А. Арбатов пришел к выводу, что Ю.В. Андропов разозлился именно потому, что не имел убедительных доводов в пользу своей позиции. При этом Г.А. Арбатов допускал, что генсек не желал портить свои отношения с Д.Ф. Устиновым²⁴, который, как полагал бывший первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенц, по существу монополизировал решение военных вопросов еще при Л.И. Брежнев²⁵.

²² РГАНИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 187. Л. 8–9. Запись выступлений К. У. Черненко и Н. Чаушеску на советско-румынских переговорах. 4 июня 1984 г.

²³ Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.): свидетельство современника. Москва: Международные отношения, 1991. С. 236–237.

²⁴ Там же. С. 236–237.

²⁵ Брутенц К. Н. Несбывшиеся: неравнодушные заметки о перестройке. Москва: Международные отношения, 2005. С. 27.

Первый заместитель министра иностранных дел СССР в 1977–1986 гг. Г.М. Корниенко считал, что главной ошибкой при развертывании ракет РСД-10 было то, что из-за возражения маршалов (прежде всего Д.Ф. Устинова) советское руководство не использовало «окно возможностей» в период 1977–1979 гг. для нахождения компромиссного решения, которое могло бы предотвратить размещение американских РСД в Западной Европе. Тогда западноевропейцы предложили компромиссный подход — они были не против развертывания Советским Союзом новых ракет РСД-10 с условием, что общее число советских носителей не увеличится²⁶. Позицию Г.М. Корниенко разделял и А.Ф. Добрынин²⁷. Однако нет никаких источников, подтверждающих, что в свое время Ю.В. Андропов выступал против военных в вопросе использования «окна возможностей».

Следует вспомнить еще один известный эпизод. 16 июля 1982 г. во время перерыва в Женевских переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе руководитель американской делегации П. Нитце имел неофициальную беседу с руководителем советской делегации Ю.А. Квицинским во время прогулки в лесу. Чтобы выйти из тупика в ходе переговоров, П. Нитце от себя лично представил компромиссный проект и попросил коллегу передать его советскому руководству. По замыслу шефа американских переговорщиков, в Европе советская сторона могла иметь 75 РСД-10, американская — 75 крылатых ракет BGM 109G, причем восточнее Урала СССР мог сохранить 90 РСД-10. Выгодным для Советского Союза было то, что этот проект позволял ему сохранить определенное количество своих РСД, исключив при этом развертывание наиболее опасных ракет «Першинг-2». Более того, по этому проекту даже с учетом ядерных сил Великобритании и Франции Советский Союз все же мог сохранить относительное

²⁶ Корниенко Г. М. Холодная война: свидетельство ее участника. Москва: Международные отношения, 1994. С. 241–242.

²⁷ Dobrynin A. In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. New York: Times Books, Random House, 1995. P. 549.

преимущество перед НАТО в количестве ядерных боеголовок — 495 (из 75 европейских и 90 азиатских ПУ РСД-10) против 462 (162 британских и французских плюс 300 американских) (Weickhardt, 1984, p. 58).

Однако против проекта (так называемой «лесной прогулки») решительно выступили маршалы и главы военно-промышленного комплекса СССР. Инициатива даже не была вынесена на обсуждение на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. Это привело Ю.А. Квицинского к разочаровывающему выводу: как он писал в мемуарах, чтобы любой ценой сохранить группировку ракет РСД-10, продолжить их производство и развертывание, в тот момент его начальство согласилось бы с размещением американских ракет. На самом деле, он лично доложил о проекте П. Нитце Ю.В. Андропову, ставшему тогда уже вторым лицом государства, и проект заинтересовал последнего. Ю.В. Андропов дал поручение изучить соответствующий ответ. Однако после общения с представителями военных, выступавшими против проекта, он стал критиковать Ю.А. Квицинского как «наивного»²⁸.

Позиция «ястребов» была вполне влиятельной в советском руководстве. В первой половине 1980-х гг. в основе военного строительства СССР лежал только один принцип: не отстать, добиться и далее поддерживать военное превосходство над врагом (История военной стратегии России, 2000, с. 417). Это было четко отражено в объяснении советской военной доктрины, которое при личном разговоре в 1983 г. А.Ф. Добрынину дал первый заместитель начальника Генштаба ВС СССР в 1979–1984 гг., маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев: после того как СССР достиг ядерного паритета с США, его руководство по-прежнему придерживалось того мнения, что советские обычные вооруженные силы в Центральной Европе должны поддерживать преимущество над США для того, чтобы в случае войны можно было нанести молниеносный удар, сокрушив европейских союзников США и оккупировать их территорию

²⁸ Квицинский Ю. А. *Время и случай: заметки профессионала*. Москва : Олма-Пресс, 1999. С. 358–371.

вплоть до Ла-Манша и атлантического побережья Западной Европы²⁹.

В связи с этим произошел и малоизвестный эпизод: во время совещания Политического консультативного комитета ОВД 4 января 1983 г. состоялась беседа Ю.В. Андропова с Н. Чаушеску. Последний попытался убедить своего собеседника в том, что замораживание (а не сокращение, как это было подчеркнуто) военных расходов стран ОВД в течение последующих двух лет и незначительное сокращение обычных сил Советского Союза и других соцстран, расположенных в Центральной Европе, нашли бы мощный отклик на Западе и, соответственно, усилили бы позиции групп, выступающих против гонки вооружений. Однако в ответ Ю.В. Андропов назвал предложение главы Румынии «отказом от укрепления вооруженных сил Варшавского Договора», выступив «категорически против» этого. При этом советский лидер был весьма эмоционален: «США хотят оставить нас безоружными... Рейган призывает к крестовому походу против нас. Он хотел бы уничтожить социалистический строй в наших странах. Как же мы сможем объяснить нашему народу односторонний отказ от повышения боеготовности наших вооруженных сил перед лицом наращивания военной мощи США, блока НАТО?»³⁰.

Можно прийти к выводу, что, когда речь шла о принятии ключевых внешнеполитических решений, связанных с контролем над вооружениями, Ю.В. Андропов никогда не возражал против позиции «ястребов». Однако основная проблема заключалась не в необходимости сохранения военного паритета или даже превосходства над США, а в том, позволяло ли экономическое положение страны повышать степень вовлечения в гонку вооружений.

В начале 1970-х гг. Вашингтон официально признал, что СССР достиг паритета в ракетно-ядерных вооружениях с США (Мусатов, 2019, с. 182). Посол по особым

²⁹ Добрынин А. Ф. *Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)*. Москва : Автор, 1996. С. 552–553.

³⁰ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 16–18. Запись беседы Ю. В. Андропова с Н. Чаушеску. 4 января 1983 г.

поручениям МИД СССР в 1981–1986 гг. Ю.А. Квицинский с гордостью вспоминал, что благодаря этому советские дипломаты приобретали полную уверенность, когда сидели за столом переговоров с американцами. Вместе с тем он подтверждал, что накануне горбачевской «перестройки» с точки зрения экономики было вполне возможно выдерживать соревнование с США в военной и военно-промышленной областях³¹. Однако так ли это?

В течение 9-й пятилетки в СССР (1971–1975 гг.) экономики стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) развивались вдвое быстрее, чем экономики стран Запада. Именно это давало экономическую гарантию достижения и поддержания военного паритета между ОВД и НАТО. Однако в начале 1980-х гг., в отличие от прошлых лет, это преимущество соцстран в темпах роста экономики уже полностью исчезло. В 1984 г. отставание было значительным: страны СЭВ увеличили национальный доход на 3,7 %, в то время как страны Запада — на 4,5 %³².

В июне 1984 г. член Политбюро ЦК КПСС, будущий глава СССР М.С. Горбачев на заседании Совета министров РСФСР однозначно заявил: «Всесторонняя проработка перспектив экономического развития страны показывает, что для обеспечения одновременного решения экономических и социальных задач, а также задач по дальнейшему укреплению нашей обороны требуется, чтобы наша экономика двигалась вперед темпами не ниже 4 % в год»³³.

Иными словами, для продолжения расширившейся на новые области и достигавшей беспрецедентного уровня гонки вооружений с США и их союзниками по НАТО и одновременного повышения уровня жизни народа, или, по крайней мере, сохранения его на нынешнем уровне требовался ежегодный

рост экономики СССР на уровне не менее 4 %. И эту жизненно важную цифру Ю.В. Андропов должен был знать, поскольку именно он поручил М.С. Горбачеву и тогдашнему секретарю ЦК КПСС Н.И. Рыжкову объективно проанализировать состояние народного хозяйства государства с привлечением ведущих ученых и специалистов³⁴.

Однако даже в соответствии с официальной статистикой темпы роста национального дохода СССР за 1981–1982 гг. в среднем составляли 3,6 %, а в 1983 г. — 3,9 %³⁵. Более того, уже в 1982 г. рост реальных доходов населения впервые после войны скатился до нуля³⁶.

Таким образом, продолжение гонки вооружений с США, несомненно, привело бы к падению уровня жизни и благосостояния народа. Довольно иронично, что в последнем выступлении Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС было отмечено следующее: «Все наши усилия в экономике в конечном счете направлены на повышение уровня жизни народа. Это главная социально-политическая цель наших планов»³⁷.

Заключительный аккорд в вопросе о размещении РСД известен: в 1987 г. был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Можно согласиться с академиком А.Г. Арбатовым, что в стратегическом плане СССР остался в выигрыше: для него фактически был ликвидирован элемент стратегической ядерной угрозы, а непосредственно для американской территории Договор никаких угроз не отменил (Арбатов, 2017, с. 6). В этой связи, возможно, по мнению автора данной статьи, было бы более целесообразно принять «нулевой вариант» Р. Рейгана еще в 1982–1983 гг. Однако, к сожалению, отказ от этого варианта в то время

³⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. Москва : Новости, 1995. С. 334.

³⁵ СССР в цифрах в 1983 г. : краткий статистический сборник. Москва : Финансы и статистика, 1984. С. 23.

³⁶ Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. Москва : Новости, 1992. С. 42.

³⁷ Текст выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова // Правда. 27.12.1983. С. 1.

³¹ Квицинский Ю. А. Внешняя политика СССР в годы перестройки // Наш современник. 2005. № 1. С. 186–187.

³² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д 314. Л. 53. Материалы к выступлению на рабочей встрече руководителей братских стран.

³³ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 11. Л. 16. Выступление на заседании Совета министров РСФСР. 21 июня 1984 г.

привел к плачевному для СССР результату: военный паритет на более высоком уровне был достигнут (при этом он так и не был достигнут в контексте вопроса о РСД) на фоне снижающихся темпов экономического роста. В советско-американских отношениях Ю.В. Андропов оставил своим преемникам более серьезную угрозу войны, большую напряженность, меньшую свободу действий и более тяжелое экономическое бремя.

Отношение Ю.В. Андропова к военному превосходству над КНР

Когда Ю.В. Андропов занял пост генерального секретаря ЦК КПСС, Советский Союз сдерживал своих противников не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Например, по сведениям Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, в ноябре 1982 г. советские сухопутные войска на западном театре военных действий состояли из 62 дивизий³⁸. При этом на Дальнем Востоке были развернуты 56 мотострелковых и танковых дивизий³⁹.

В то время Китай обвинял советскую сторону в развертывании 1 млн военнослужащих на границе с Монголией. Советская же сторона объявляла, что КНР увеличила контингент своих войск в районе советско-китайской границы до более чем 2,5 млн солдат⁴⁰. Хотя в то время численность советских войск в районе границы была меньше, чем у Китая, количество и качество их военной техники имели безусловное преимущество. Например, в танках советская сторона лидировала почти 3 к 1 (14 тыс. против 5 тыс.)⁴¹. Такое положение дел являлось

историческим наследием советско-китайского пограничного конфликта 1969 г.

В свое время Г.М. Корниенко отмечал: «Мы не можем закрывать глаза на то, что есть не два, а пять ядерных потенциалов... Вполне реально возникновение такой ситуации, когда советскому арсеналу пришлось бы противостоять всем четырем остальным — не только США и НАТО, но одновременно и Китаю. В совокупности это около 10 миллионов человек под ружьем»⁴².

Здесь следует обратить внимание на точку зрения Г.А. Арбатова: «Один из крупных политических просчетов, касавшихся обороны в ключевых регионах, — это неверные, завышенные оценки угрозы со стороны Китая. Они заставили нас сконцентрировать на Дальнем Востоке очень большие силы, что, в свою очередь, создавало у Китая впечатление угрозы, исходящей от нас. И, естественно, заставляло его идти на ответные меры — наращивание ядерных и обычных вооружений, а также политическое и военное сотрудничество с Западом»⁴³.

В 1982 г. Советский Союз и Китай возобновили политический диалог, прерванный в 1979 г., в форме консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел (Radchenko, 2014, pp. 35–36). Это дало Москве прекрасную возможность улучшить отношения с Пекином, поскольку в то время китайско-американские отношения находились в кризисе из-за тайваньского вопроса. По наблюдению посольства СССР в КНР, с начала того же года Пекин начал вносить коррективы в свою внешнюю политику (Бажанов, 2007, с. 109). Приоритетным направлением вместо противостояния Советскому Союзу на международной арене стало «поддержание адекватного баланса» между США и СССР⁴⁴. В отчетном докладе XII съезда Коммунистической партии Китая, который

³⁸ The Readiness of Soviet Ground Forces. November 1, 1982. Secret // CIA FOIA Electronic Reading Room. P. 23–24. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00176R001600060007-7.pdf> (accessed: 05.02.2023).

³⁹ Ibid. P. 25–27.

⁴⁰ Галенович Ю. М. 50 лет с Китаем. Москва : Вагриус, Изограф, 2011. С. 309.

⁴¹ China's Defenses Against the USSR: Shifting Priorities and Implications for US Arms Sales. March 1, 1984. Secret // CIA FOIA Electronic Reading Room. P. 5. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84S00928R000200170004-0.pdf> (accessed: 05.02.2023).

⁴² Адамишин А. Л. В разные годы: внешнеполитические очерки. Москва : Весь Мир, 2016. С. 68–69.

⁴³ Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.): свидетельство современника. Москва : Международные отношения, 1991. С. 236.

⁴⁴ Huang Hua. Qin li yu jian wen: huang hua hui yi lu [Хуан Хуа. Жизненный опыт: мемуары Хуан Хуа]. Beijing : World Affairs Press, 2007. P. 358. (На китайском языке).

закончился за месяц до начала советско-китайских консультаций, утверждалась новая «независимая и самостоятельная внешняя политика» КНР, отмечалась возможность нормализации китайско-советских отношений и в целом менялась тональность выступлений в отношении СССР⁴⁵. Более того, почти одновременно Пекин изменил свою прозападную позицию по вопросу РСД (Malik, 1989, pp. 238–239). Несмотря на опасения, что некоторое количество РСД-10, первоначально дислоцированных в Европе, может быть переброшено на Дальний Восток после того, как СССР и США придут к какому-либо соглашению по данному вопросу, представитель МИД КНР публично заявил, что китайская сторона не будет рассматривать размещение советских ракет в Азии как «четвертое препятствие» в китайско-советских отношениях⁴⁶. Все это, несомненно, было положительным фактором для Москвы.

Для Пекина наиболее важным было устранение прямой угрозы безопасности. В сентябре 1982 г. Дэн Сяопин в беседе с руководителем Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Ким Ир Сенот отметил, что «главным вопросом сейчас является устранение препятствий на пути нормализации китайско-советских отношений, главным образом в трех аспектах: во-первых, решить проблему миллионной группировки войск, дислоцированной на китайско-советской границе, в том числе советских войск в Монголии; во-вторых, решить проблему вторжения Вьетнама в Кампучию; в-третьих, решить проблему вторжения Советского Союза в Афганистан»⁴⁷. Дэн Сяопин, видимо, хотел передать свою позицию через Пхеньян до старта прямого диалога с Москвой.

⁴⁵ Киреев Г. В. Россия — Китай: неизвестные страницы пограничных переговоров. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 167–171.

⁴⁶ Zai xin wen fa bu hui shang qi huai yuan tan wu xue qian chu fang tu er qi he a man deng shi xiang // Renmin Ribao [Ци Хуайюань говорил о визите У Сюэцзяня в Турцию и Оман на пресс-конференции // Жэньминь жибао]. 06.10.1983. P. 2. (На китайском языке).

⁴⁷ Deng Xiaoping nian pu (1975–1997) [Биографическая хроника Дэн Сяопина (1975–1997)]. Beijing: Central Literature Press, 2004. P. 851. (На китайском языке).

На очередных заседаниях первого раунда советско-китайских консультаций, состоявшихся в октябре 1982 г., китайская сторона официально выдвинула предложение об устранении «трех препятствий» (Vámos, 2010, p. 88). В неформальной беседе глава китайской делегации специально напомнил главе советской делегации: он надеется, что Москва сможет правильно понять выдвигаемые предложения. Например, в вопросе о сокращении вооруженных сил вдоль границы «обязательство берут на себя обе стороны». По вопросу о выводе советских войск из Монголии предлагалось «найти приемлемое для всех сторон решение». Однако этот жест не вызвал отклика⁴⁸. Позиция Москвы заключалась в полном отрицании существования так называемых «препятствий», выдвинутых Пекином, и определении их как «предварительных условий». Она выступала против включения вопросов, выходящих за пределы двусторонних отношений между СССР и КНР и затрагивающих третьи страны⁴⁹.

Сразу после окончания первого раунда консультаций умер Л.И. Брежнев. Чтобы показать свою искренность в желании улучшить отношения между странами, Дэн Сяопин направил министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Москву присутствовать на его похоронах и поздравить Ю.В. Андропова с избранием на должность. Новый генсек КПСС уделил этому должное внимание. Он оказывал китайской делегации особые почести и по просьбе китайцев организовал для Хуан Хуа официальную встречу с А.А. Громыко⁵⁰.

Встреча министров иностранных дел СССР и КНР стала первой за 20 лет. Хуан Хуа подтвердил позицию Китая по устранению «препятствий», подчеркнув, что «в настоящее время в отношениях между

⁴⁸ Qian Qichen. Wai jiao shi ji [Цянь Цичэнь. Десять воспоминаний о дипломатической работе]. Beijing: World Affairs Press, 2003. P. 11–16. (На китайском языке).

⁴⁹ Китайская Народная Республика в 1982 г.: политика, экономика, идеология / под ред. М. И. Сладковского. Москва: Наука, 1986. С. 162–165.

⁵⁰ Huang Hua Qin li yu jian wen: huang hua hui yi lu [Хуан Хуа. Жизненный опыт: мемуары Хуан Хуа]. Beijing: World Affairs Press, 2007. P. 361–366. (На китайском языке).

странами существует напряженность, войска стоят друг напротив друга на границе». Он выразил надежду, что министр иностранных дел Советского Союза сможет пообещать или хотя бы согласиться сократить советские войска на границе. Однако А.А. Громыко обошел этот вопрос, сказав: «Китаю не нужно бояться Советского Союза. Советский Союз никак не будет угрожать Китаю». Между тем глава советской дипломатии предложил отложить обсуждение разногласий, касающихся так называемых «препятствий», начать с развития торгово-экономического сотрудничества и культурных обменов, чтобы «придать свежести» двусторонним отношениям и «подогреть» их. Слова А.А. Громыко полностью отражали политику и позицию нового главы СССР в отношениях с Китаем, поскольку в самом начале встречи руководитель МИД СССР дал собеседнику понять, что он может в полной мере представлять Ю.В. Андропова: «Перед встречей с Вами я подходил к генеральному секретарю, разговаривал с ним и слушал его указания по встрече»⁵¹.

Действительно, благодаря совместным усилиям обеих сторон сотрудничество СССР и КНР в торгово-экономической и культурной областях в определенной степени возобновилось в 1983 г.⁵² Следует признать, что в этом сыграл свою роль и Ю.В. Андропов, проявивший тактическую гибкость. Например, он дал специальное поручение изъять из вышедшего тома избранных речей и статей М.А. Сулова выступление, в котором содержалась резкая критика в адрес китайского руководства⁵³. Однако в стратегическом плане Ю.В. Андропов не был готов пойти даже на небольшие уступки Китаю (Zubok, 2017, p. 125).

В конце мая 1983 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС, посвященном обсуждению международной обстановки, А.А. Громыко

осторожно выступил с предложением об отводе войск от советско-китайской границы, но оно было сразу отвергнуто Ю.В. Андроповым. Затем А.А. Громыко внес еще одно предложение — отвести часть советских войск от китайско-монгольской границы. На этот раз против выступил Д.Ф. Устинов: «Если мы отведем на нашу территорию расположенные там советские войска, то мы потеряем хороший плацдарм». Здесь под «хорошим плацдармом» подразумевалось довольно небольшое расстояние между советскими силами в Монголии и столицей Китая. Сам Ю.В. Андропов больше не затрагивал этот вопрос, вероятнее всего, поддержав позицию Д.Ф. Устинова — сохранить статус-кво и не выводить из Монголии ни одного солдата⁵⁴.

На самом деле, частичный или даже полный вывод войск из Монголии не нанес бы существенного ущерба безопасности СССР на Дальнем Востоке, так как в задачи этой группировки не входила оборона Тихоокеанского побережья, то есть предотвращение десантной операции американских и японских войск. Основной целью размещения там в конце 1960-х гг. столь мощных танковых сил было устрашение Пекина и оказание давления на него (Radchenko, 2012, p. 186). Однако в 1983 г. такое устрашение уже стало бессмысленным и неуместным. Как позже отметил преемник Ю.В. Андропова на посту генсека М.С. Горбачев, оно выставляет Китай врагом наряду с США и Японией, «толкает их там в бок»⁵⁵.

Вопреки ожиданиям китайской стороны с 1982 г. Советский Союз продолжал наращивать сухопутные войска и размещать дополнительные ядерные ракеты на Дальнем Востоке⁵⁶. Количество РСД-10 в Азии увеличилось со 108 в 1983 г. до 135 весной 1984 г.⁵⁷

⁵¹ Huang Hua Qin li yu jian wen: huang hua hui yi lu [Хуан Хуа. Жизненный опыт: мемуары Хуан Хуа]. Beijing: World Affairs Press, 2007. P. 366–368. (На китайском языке).

⁵² Китайская Народная Республика в 1983 г.: политика, экономика, идеология / под ред. М. И. Сладковского. Москва: Наука, 1986. С. 172–174.

⁵³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 30. Л. 37. Заседание Секретариата ЦК КПСС. 31 августа 1982 г.

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 53. Л. 7–8. Заседание Политбюро ЦК КПСС. 31 мая 1983 г.

⁵⁵ Горбачев М. С. Из выступлений на заседании Политбюро ЦК КПСС. 24 июля 1986 г. // Собрание сочинений. Т. 4. Апрель-октябрь 1986. Москва: Весь мир, 2008. С. 341.

⁵⁶ China: Managing the Soviet Threat. November 1, 1983. Secret // CIA FOIA Electronic Reading Room. P. 1–4. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/>

В случае с Монголией на ее территории было размещено 100 тыс. военнослужащих Забайкальского военного округа, входящих в состав пяти дивизий, в том числе двух танковых⁵⁸. Численность этой группировки войск была настолько велика, что с учетом гражданских специалистов и семей офицеров в такой малонаселенной стране на 10 монголов приходился примерно один, а в крупных населенных пунктах — два-три, а то и пять советских граждан⁵⁹. Необходимо иметь в виду, что в то время советский военный контингент в Афганистане, который выполнял интенсивные оперативные задачи, насчитывал лишь 100 тыс. человек⁶⁰.

Как докладывал советскому руководству заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады АН СССР в 1968–1987 гг. В.П. Лукин, военный потенциал СССР в Монгольской Народной Республике (МНР) выглядел как наступательная сила. Маневры советских и монгольских войск, проходившие на территории МНР, вызывали тревогу у китайцев, что грозило серьезными политическими последствиями⁶¹. Озабоченность Пекина присутствием советских войск в Монголии была в полной мере отражена в беседе Дэн Сяопина с премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ в марте 1984 г. В ходе разговора китайский лидер посетовал: «Размещение советских войск в Монголии представляет угрозу для Китая... Развертывание советских и монгольских войск призвано изолировать Ки-

тай с двух линий — на восток от Владивостока и на запад от Монголии. Это та же самая тактика, которая использовалась, когда Советы сражались с Квантунской армией»⁶².

Сложно судить, в какой степени на решение Ю.В. Андропова об увеличении военного потенциала на Дальнем Востоке повлияло обострение советско-американских отношений, ведь в Азиатско-Тихоокеанском регионе было расположено немало военных баз США, в том числе ракетно-ядерных. Сам Ю.В. Андропов на встрече с руководителями стран ОВД заявил: «Замечу, что советские войска размещены на Дальнем Востоке не в последнюю очередь из-за усиливающихся военных приготовлений США и Японии вблизи наших тихоокеанских рубежей»⁶³. Тем не менее первыми прямую угрозу почувствовали китайцы⁶⁴. В 1989 г. Дэн Сяопин на встрече с М.С. Горбачевым, которая ознаменовала полную нормализацию политических отношений между странами, отметил, что в свое время в районе китайско-советской границы Советский Союз «нарастил военный контингент до одного миллиона человек. Увеличилась здесь численность ракет, достигнув 1/3 ракетного арсенала Советского Союза. В этих условиях мы, разумеется, сделали соответствующий вывод о том, откуда исходит главная угроза Китаю»⁶⁵.

На самом деле, с конца 1981 г. по осень 1983 г. политическое и военное сотрудничество между Пекином и Вашингтоном было как раз заморожено (Ли, 2021, с. 32–34). Однако Москва не использовала «окно возможностей». Когда Р. Рейган объявил антикоммунистический «крестовый поход»,

CIA-RDP84S00928R000100150003-4.pdf (accessed: 05.02.2022). См. также: (Wishnick, 2001, p. 79).

⁵⁷ The Changing Sino-Soviet Relationship. April 5, 1984. Top Secret // CIA FOIA Electronic Reading Room. P. 20–21. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP87T00495R000900940001-8.pdf> (accessed: 05.02.2022).

⁵⁸ Постников С. И. В далеких гарнизонах. Москва: Polygon-Press, 2004. С. 353–354.

⁵⁹ Медведев В. А. Распад: как он назревал в «мировой системе социализма». Москва: Международные отношения, 1994. С. 347.

⁶⁰ Громов Б. В. Ограниченный контингент. Москва: Прогресс, 1994. С. 133.

⁶¹ Лукин В. П. О китайских делах // «Я — не первый воин, не последний...»: к 80-летию В.П. Лукина. Книга вторая / ред.-сост. А. Д. Дикарев, А. В. Лукин. Москва: Весь мир, 2018. С. 335.

⁶² Cable from Ambassador Katori to the Foreign Minister, 'Prime Minister Visit to China (Conversation with Chairman Deng Xiaoping)'. March 25, 1984 // Wilson Center Digital Archive. P. 2. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119551> (accessed: 05.02.2022).

⁶³ РГАНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 4. Л. 24. Выступление главы делегации СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В. на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. 4 января 1983 г.

⁶⁴ Гриневский О. А. Перелом: от Брежнева к Горбачеву. Москва: Олма-Пресс Образование, 2004. С. 14.

⁶⁵ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. Москва: Новости, 1995. С. 438–439.

Ю.В. Андропов не предпринял целесообразных шагов, направленных на содействие сближению двух крупнейших социалистических стран — СССР и КНР — и дальнейшему отчуждению китайцев от американцев. Навероятно, но он пошел по противоположному пути, то есть продолжал укреплять военные силы против Китая, несмотря на стремление Пекина к разрядке и уязвимость экономики СССР. Таким образом, помимо эскалации военной конфронтации с США и тупиковой ситуации в отношениях с Западом Ю.В. Андропов оставил в наследство напряженность и тупик в советско-китайских отношениях, что влекло дополнительное экономическое бремя для Советского Союза.

Заключение

К концу брежневской эпохи СССР находился в крайне неблагоприятной геополитической обстановке — Москва была вовлечена в военное противостояние на два фронта и имела враждебные отношения со всеми ядерными державами. К 1984 г., когда умер Ю.В. Андропов, такая обстановка сохранилась, а возможно, даже ухудшилась.

Негибкая позиция по вопросу о РСД в Европе в итоге привела к углублению интеграции внутри НАТО и усилению контроля США над Западной Европой. Кроме того, западная часть Советского Союза подвергалась непосредственной угрозе со стороны американских РСД, а упрямая позиция в вопросе о размещении крупных контингентов советских войск на границе с КНР и в Монголии привела к тому, что СССР упустил хорошую возможность улучшить отношения с Китаем и поспособствовать его сближению

с социалистическим лагерем. Таким образом, под руководством Ю.В. Андропова Советский Союз был вовлечен в спираль новой гонки вооружений с США и продолжал укреплять военные силы на Дальнем Востоке, считая Китай врагом. И платой за все это стало падение уровня жизни советского народа.

В основе внешней политики Ю.В. Андропова лежали исключительно вопросы обеспечения безопасности, что, на его взгляд, могло быть обеспечено только благодаря военному превосходству над другими державами. В этом плане его позиция полностью совпадала с «ястребами» в советском руководстве, представленными главным образом Д.Ф. Устиновым. Справедливо полагать, что Ю.В. Андропов сам являлся одним из «ястребов». Он неоднократно отвергал разумные предложения дипломатов и не желал идти на какие-либо, даже незначительные, уступки, которые противоречили идеям военного превосходства.

Ю.В. Андропов понимал, что новый виток гонки вооружений неприемлем при условии сокращения темпов роста экономики страны, однако не остановил, а даже ускорил дальнейшую «милитаризацию» Советского Союза. На первый взгляд, ему удалось сформировать образ бескомпромиссного защитника интересов национальной безопасности. Однако, по факту, безопасность советского государства не была укреплена, а, наоборот, оказалась в неблагоприятном положении. И в результате своему преемнику Ю.В. Андропов оставил более напряженную и изолированную внешнюю обстановку на всех стратегических направлениях, а также «задышающуюся» от военных расходов национальную экономику.

Поступила в редакцию / Received: 05.03.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 16.04.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Арбатова А. Г. Договор о ракетах средней дальности — 30 лет спустя // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 9. С. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-9-5-15>; EDN: ZFMGBF
- Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. Москва : Известия, 2007. EDN: QPGHAP
- Болдовский К. А., Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. Ю.В. Андропов: два года на вершине власти (рабочие записи 1980–1983 гг.) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 1. С. 232–279. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.117>; EDN: YXOPKA

- Ващук А. С., Савченко А. Е.* Дальний Восток в условиях аппаратной борьбы за власть (ноябрь 1982 — март 1985 гг.) // История Дальнего Востока России : Т. 3. Кн. 5: Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под ред. В. Л. Ларина, А. С. Ващук. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 113–115.
- Даунинг Т.* 1983-й: мир на грани. Москва : РОССПЭН, 2020.
- Зубок В. М.* Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
- История военной стратегии России / под ред. В. А. Золотарева. Москва : Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.
- Каширина Т. В.* Проблемы советско-американских переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе (ОЯВЕ) в 1981–1983 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–4. С. 91–96. EDN: OJQVNL
- Крысенко Д. С.* Неоконсерватизм во внешней политике Р. Рейгана (1980-е гг.) // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–1. С. 8. EDN: VQSYMX
- Курьлев К. П., Дегтерев Д. А., Грачиков Е. Н., Шпаковская М. А.* Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 7. С. 754–763. EDN: JWRLGG
- Ли И.* Советский фактор в военно-техническом сотрудничестве США и КНР в годы холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 3. С. 12–47. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-3-12-47>; EDN: KNSSRY
- Медведев Р. А.* Неизвестный Андропов: политическая биография Юрия Андропова. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999.
- Мусатов В. Л.* Перестройка глазами сотрудника Международного отдела ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 172–203. <https://doi.org/10.31857/S013038640004847-9>; EDN: BLIOVG
- Прозоров Б. Л.* Рассекреченный Андропов: взгляд извне и изнутри. Москва : Гудок, 2004.
- Хлобустов О. М.* Неизвестный Андропов. Москва : Яуза; Эксмо, 2009.
- Haslam J.* The Soviet Union and the Politics of Nuclear Weapons in Europe, 1969–87: The Problem of the SS-20. London : Palgrave Macmillan, 1989. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-20010-8>
- Malik J. M.* China and the Intermediate-Range Nuclear Forces Talks // Arms Control. 1989. Vol. 10, no. 3. P. 235–274. <https://doi.org/10.1080/01440388908403914>
- Mehrotra O. N.* Andropov's Peace Offensive // Strategic Analysis. 1983. Vol. 6, no. 11. P. 687–691. <https://doi.org/10.1080/09700168309425942>
- Radchenko S.* Soviet Withdrawal from Mongolia, 1986–1992: A Reassessment // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25, no. 2. P. 183–203. <https://doi.org/10.1080/13518046.2012.676484>
- Radchenko S.* Unwanted Visionaries: The Soviet Failure in Asia at the End of the Cold War. Oxford : Oxford University Press, 2014.
- Tismaneanu V.* In Search of Civil Society: Independent Peace Movements in the Soviet Bloc. New York : Routledge, 1990. <https://doi.org/10.4324/9781315021119>
- Vámos P.* “Only a Handshake but no Embrace”: Sino-Soviet Normalization in the 1980s // China Learns from the Soviet Union, 1949 — Present / ed. by T. P. Bernstein, Hua-yu Li. Plymouth : Lexington Books, 2010. P. 79–106.
- Weickhardt G. G.* A Negotiable Euromissile Deal // Arms Control. 1984. Vol. 5, no. 1. P. 54–59. <https://doi.org/10.1080/01440388408403785>
- Wettig G.* The Last Soviet Offensive in the Cold War: Emergence and Development of the Campaign Against NATO Euromissiles, 1979–1983 // Cold War History. 2009. Vol. 9, no. 1. P. 79–110. <https://doi.org/10.1080/14682740802638640>
- Wishnick E.* Mending Fences: The Evolution of Moscow's China Policy from Brezhnev to Yeltsin. Seattle : University of Washington Press, 2001.
- Zubok V.* The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and Divorce // Cold War History. 2017. Vol. 17, no. 2. P. 121–141. <https://doi.org/10.1080/14682745.2017.1315923>

Сведения об авторе:

Ли Инань — соискатель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; приглашенный научный сотрудник, Шанхайская академия глобального управления и международного регионоведения; ORCID: 0000-0002-3075-7894; e-mail: liyinan92@qq.com

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426

EDN: YPWQQJ

Научная статья / Research article

Институты Конфуция — «мягкая сила» или «троянский конь»? Взгляд с российского Дальнего Востока

Н.В. Хисамутдинова¹ , **Юэ Ян²**¹ Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация² Независимый исследователь, Харбин, Китай natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. На примере Дальневосточного федерального округа поднимается вопрос о значении и роли Институтов Конфуция, культурно-образовательных учреждений, создаваемых с 2004 г. Китайской Народной Республикой (КНР) в разных странах для обучения их граждан китайскому языку и знакомству с китайской национальной культурой. Актуальность исследования связана с участившейся критикой этих образовательных организаций, обусловленной присущей им двойственной ролью. С одной стороны, Институты Конфуция являются типичным инструментом «мягкой силы», способной создать привлекательный образ Китая и усилить его влияние в мире с помощью международных связей в сфере культуры и образования. С другой стороны, в деятельности Институтов Конфуция прослеживаются функции «жесткой силы», позволяющие Китаю реализовывать стратегические задачи в других областях, совершенно не связанных с образованием и культурой, что вызывает упреки в странах-партнерах. Эта проблема особенно актуальна для российского Дальнего Востока, учитывая его близкое соседство с Китаем, большую протяженность российско-китайской границы и сложную демографическую ситуацию на российском Дальнем Востоке. Цель исследования — выявить, насколько региональные факторы подтверждают справедливость критических замечаний в адрес Институтов Конфуция, и предложить меры, способствующие снижению «жесткого» влияния Китая на Дальневосточный регион. Анализируя деятельность Институтов Конфуция на российском Дальнем Востоке, авторы выделяют три главных аспекта, подтверждающих «жесткую силу» Институтов Конфуция: их вклад в «мирное» освоение Китаем дальневосточных земель, повышение интернационализации китайского высшего образования и содействие развитию национальной культуры. Сделан вывод, что при анализе плюсов и минусов в деятельности Институтов Конфуция важно учитывать экономическую и политическую ситуацию в том регионе, где они работают. В противном случае этим культурно-образовательным учреждениям не избежать обвинений в роли «троянского коня». В ходе исследования были использованы российские и китайские источники, включая аналитические работы и публикации в средствах массовой информации, а также эмпирические наработки авторов.

Ключевые слова: Россия, Китай, китайский язык, культурные связи

© Хисамутдинова Н. В., Ян Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат авторам и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Хисамутдинова Н. В., Ян Ю. Институты Конфуция — «мягкая сила» или «троянский конь»? Взгляд с российского Дальнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426>

Confucius Institutes — Soft Power or Trojan Horse? View from the Russian Far East

Natalia V. Khisamutdinova¹ , Yue Yang²

¹ Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

² Independent researcher, Harbin, China

 natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. Using the example of the Far Eastern Federal District, the article examines the role of Confucius Institutes, educational institutions that China has established in various countries since 2004 to teach Chinese language and culture. The relevance of the research is linked to the growing criticism of the dual function of these organizations. On the one hand, these Institutes are considered as a soft power instrument capable of creating China's positive image and increasing its global influence through cultural and educational contacts. On the other hand, there are cases of Confucius Institutes acquiring hard power functions, allowing China to implement its strategic goals in other areas unrelated to education and culture. This has prompted reproaches from partner countries. These moments are especially relevant in the Russian Far East, given its close proximity to China, the considerable length of the Russian-Chinese border, and the critical demographic situation in the Russian Far East. The goal of the research is to identify whether regional factors support the criticism leveled at the Confucius Institutes and, subsequently, to propose measures to mitigate China's hard power influence in the region. By analyzing the Institutes' activities in the Russian Far East, the authors reveal three main aspects confirming their hard power functioning. The Confucius Institutes promote China's 'peaceful' expansion; they increase the internationalization of Chinese education and contribute to the development of national culture. The authors conclude that when analyzing the pros and cons of Confucius Institutes, it is important to take into account the economic and political situation in the region where they operate. Otherwise, they risk being accused of serving as a Trojan horse. The article is based on recent Russian and Chinese sources, including academic writings and mass media publications, as well as the authors' empirical research.

Key words: Russia, China, Chinese language, cultural contacts

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the authors. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Khisamutdinova, N. V., & Yang, Yue. (2024). Confucius Institutes — soft power or Trojan horse? View from the Russian Far East. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426>

Введение

Институты Конфуция — это некоммерческие учебные заведения, создаваемые Китаем на территории разных стран для обучения их граждан китайскому языку и

знакомства с китайской культурой. С момента основания в 2004 г. первого Института Конфуция в Сеуле (Республика Корея) к 2020 г. в 162 странах работали 550 институтов и более 1170 классов Конфуция, из них 19 —

в России¹. Они есть и в Дальневосточном федеральном округе России: во Владивостоке, Благовещенске, Улан-Удэ и Комсомольске-на-Амуре. Успеху Институтов Конфуция способствуют, с одной стороны, непосредственное соседство региона с Китаем, тесное экономическое сотрудничество и возросший благодаря этому интерес населения к китайской истории, культуре и языку. С другой стороны, не менее важен курс России на интернационализацию образования, взятый в последние десятилетия, и вхождение дальневосточных вузов в международное образовательное пространство. Это расширило возможности китайской молодежи получить высшее образование в России, а российской — в Китае, в том числе в рамках программ обмена студентами.

Институты Конфуция, привлекая к изучению китайского языка лиц любого возраста из всех слоев населения, играют важную роль в укреплении деловых и культурно-образовательных связей. Вместе с тем по мере активного продвижения Институтов Конфуция в России в их адрес стали раздаваться обвинения в том, что «мягкая сила» этих организаций нередко приобретает функции «жесткой силы», позволяя Китаю реализовывать стратегические задачи в областях, далеких от культуры и образования. Особую актуальность эти вопросы приобретают на российском Дальнем Востоке, учитывая его близкое соседство с Китаем, большую протяженность российско-китайской границы и сложную демографическую ситуацию в регионе, при которой русскоязычное население Дальнего Востока России неуклонно сокращается, а китайское, напротив, демонстрирует тенденцию роста. Авторы статьи ставят задачу выяснить, насколько реальны обвинения в адрес Института Конфуция и что можно им противопоставить.

Материалы и методы исследования

Работа Институтов Конфуция нашла широкое отражение в работах и российских

(Будаев, 2016; Бянкин, 2014; Гурулёва, 2020; Михалев, 2017; Морозова, 2017; Самойлова, Лобанова, 2017; Селезнева, 2021), и зарубежных (Лю, 2009; Callahan, 2008; Hong, Qiu & Lin, 2013; Li, 2011; Wong, 2018) исследователей. В работах прослеживается как анализ образовательной деятельности этих организаций, так и их роль как инструмента политики «мягкой силы» в международных отношениях. Сообщая подробности открытия и функционирования Институтов Конфуция, авторы связывают их деятельность с изменениями в китайской политике и делают вывод о важной роли культурного влияния страны на международной арене.

Несмотря на большой интерес исследователей к данной теме, Дальневосточный регион России остается в этом отношении недостаточно изученным. К тому же большинство работ носят описательный характер, и лишь в немногих прослеживается мысль о «жесткости» и двойственности китайской «мягкой силы», использовании ее Китаем для решения задач, далеких от развития сотрудничества в культурно-образовательной сфере. Для Дальневосточного федерального округа эти моменты особенно важны, поскольку на его территории функционирует пятая часть всех открытых в России Институтов Конфуция. Это заставляет вновь обратиться к данной теме, изучив и проанализировав факты и материалы последних лет.

Основной методологической позицией, на которой строилось исследование, стало понимание «мягкой силы» как инструмента претворения в жизнь внешнеполитического курса Китая в XXI в. Осмысление понятия «мягкая сила» относительно функционирования Институтов Конфуция потребовало обращения как к методам политической (типологическому и экспертной оценки), так и исторической науки (сравнительному, проблемно-историческому, ситуационному). Часть материала получена эмпирическим путем в ходе полевых исследований авторов. Источниками для статьи явились официальный сайт Центра международного языкового сотрудничества (Ханьбань), периодическая печать Китайской Народной Республики

¹ В мире работает 550 институтов Конфуция // РИА Новости. 10.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191210/1562217842.html> (дата обращения: 09.01.2023).

(КНР) и России, научные публикации российских и китайских исследователей, а также эмпирические наблюдения авторов.

Институты Конфуция: «мягкая сила» культуры и образования

Идея «мягкой силы» издавна используется человечеством, хотя теоретическое обоснование она получила лишь в конце XX в. в работах Джозефа Ная, увидевшего в ней средство достижения успеха в мировой политике (Nye, 2004; 2011). В отличие от «жесткой силы», относящейся к военной мощи, развитию экономики и научно-техническому прогрессу, «мягкая сила» подразумевает создание привлекательного образа страны через духовные ценности: язык, культуру, идеологию и народную дипломатию. Особый отклик теория Дж. Ная нашла в Китае, где в идеях американского политолога увидели отражение конфуцианского учения, в частности — о тесной взаимосвязи воспитания человека и построения гармоничного государства (Wu, 2018; Li & Chen, 2019; Zhang Xiaoming, 2005; Zhang Guozuo, 2014; Zhang Xiping, 2007). Хотя Дж. Най в своих работах не дает конкретных указаний, как именно должна действовать «мягкая сила», а у его теории нашлись критики, в том числе в самом Китае (Михалев, 2017; Callahan, 2008; Wang & Lu, 2008), в КНР издали книги политолога, а идеи использовали при формировании политического курса страны в XXI в. Важнейшим компонентом этого курса стало распространение в мире китайского языка и культурного наследия.

Хотя курс на популяризацию китайского языка за рубежом Китай взял еще в 1987 г., создав при Государственном совете канцелярию «Ханьбань» и начав открывать в разных странах китайские культурные центры, наиболее активно концепция «мягкой силы» проявилась после XVII съезда КПК (2007 г.), на котором среди основных составляющих инновационного развития культуры КНР было названо расширение международного культурно-образовательного сотрудничества и межкультурных обменов, повышение роли

китайской культуры в мире и заимствование лучших мировых достижений в сфере культуры. Ключевую роль в данных процессах и были призваны сыграть Институты Конфуция, заменившие китайские культурные центры (Wu, 2018, p. 3).

Одним из первых регионов, попавших в поле действия «Ханьбань», был российский Дальний Восток, где китайский язык издавна пользуется популярностью. Во Владивостоке еще в конце XIX в. китайскому языку стали обучать в мужской гимназии и Восточном институте, а затем «китайский разряд» (отделение) был создан в Государственном дальневосточном университете (1920–1939 гг.). Позже подготовка китаеведов велась на восточных факультетах Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) и Дальневосточного государственного технического университета имени В.В. Куйбышева (с 2011 г. объединены в Дальневосточный федеральный университет, ДВФУ). Ныне профиль «Китайская филология» существует помимо ДВФУ во Владивостокском государственном университете (ВВГУ), университетах Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Читы и Улан-Удэ. Помимо этого, китайский язык как второй иностранный изучают студенты различных специальностей в этих и ряде других вузов Дальнего Востока, в регионе также работают многочисленные специализированные школы с изучением китайского языка и языковые курсы для детей и взрослых.

По информации Генерального консульства КНР во Владивостоке, Дальневосточный регион занимает первое место в России по изучению китайского языка, обгоняя Москву и Санкт-Петербург². Это, вероятно, стало одной из причин открытия в 2000 г. при ДВГУ первой в России структуры «Ханьбань» — Центра китайского языка (Се, Еланцева, 2019, с. 62) и проведения целого ряда культурных акций, организованных в регионе китайской

² Степанова Е. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // East Russia. 28.11.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 08.02.2023).

стороной в последующие годы («Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте..., 2016, с. 145). На Дальнем Востоке были открыты и самые первые Институты Конфуция в России: в 2006 г. — во Владивостоке, в 2007 г. — в Благовещенске и Улан-Удэ. О значении региона для Китая говорит и факт проведения в 2009 г. на базе Института Конфуция ДВГУ совещания руководителей всех Институты Конфуция на территории постсоветского пространства (Се, Еланцева, 2019, с. 63–64).

Выполняя задачу всемерного распространения китайского языка и культуры за рубежом, Институты Конфуция значительно расширили направления деятельности по сравнению с китайскими культурными центрами (Лю, 2009; Hong, Qiu & Lin, 2013). Главной функцией тем не менее осталось развитие образовательных программ. Именно глобальное продвижение китайского языка китайские исследователи считают важнейшей частью формирования культурной «мягкой силы» (Wang & Lu, 2008; Xu, 2012). Они цитируют по этому поводу американскую газету *The Wall Street Journal*, отдавшую должное этой стратегии китайского правительства: «Поощрение изучения языка — это наиболее эффективный способ расширить влияние страны, он поможет углубить понимание Китая внешним миром» (Li, 2011, p. 38). Действительно, история знает немало примеров, когда язык становился важной составной частью международных отношений.

Образовательные программы, включающие обучение всех желающих китайскому языку и культуре, подготовку к сдаче квалификационных экзаменов разных уровней по китайскому языку и организацию учебных туров в Китай, являются одним из пяти направлений работы Институты Конфуция в Дальневосточном регионе. Ежегодно в каждый региональный Институт Конфуция поступает от 100 до 150 слушателей разного возраста, выбирая один из трех уровней обучения — от базового до повышенного, четырехгодичного. Общее число слушателей таким образом составляет от 200 человек в наиболее молодом Институте Конфуция

при Амурском гуманитарно-педагогическом университете (Комсомольск-на-Амуре) до 900 человек в самом крупном, при ДВФУ (Владивосток)³.

Для совершенствования методики обучения языку создаются центры повышения квалификации преподавателей китайского языка начальной, средней и высшей школы Дальнего Востока и Забайкалья, разрабатываются новые учебники и пособия, в том числе мультимедийные. Имеются примеры совместной работы над ними китайских и российских педагогов. Научно-исследовательская работа включает поддержку научных исследований в области китаеведения, проведение семинаров, тематических «круглых столов» и конференций, в том числе ежегодных «Конфуцианских чтений» (ДВФУ).

Организация конкурсов по китайскому языку и каллиграфии, фестивалей, лекториев, концертов входит в план культурно-просветительской работы. Большое внимание уделяется созданию консультационных центров для информационной поддержки населения российского Дальнего Востока: Институт Конфуция готов предоставить справочную литературу для всех, чья деятельность связана с Китаем, а также консультировать будущих абитуриентов китайских вузов (Се, Еланцева, 2019, с. 62–63).

За последние 15 лет дальневосточные Институты Конфуция сыграли ведущую роль в развитии китайского образования за рубежом, предоставляя услуги тысячам студентов региона по изучению китайского языка и пониманию китайской культуры и содействуя культурному обмену между Китаем и городами Дальнего Востока России. Такое сотрудничество, как пишут в Китае, создает благоприятные внешние условия для мирного развития Китая и выполняет важную миссию реализации зарубежной культурной стратегии страны (Лю, 2009, с. 150; Xu, 2012, p. 53).

Вместе с тем не все страны соглашаются на работу с данным проектом, считая его средством продвижения интересов Китая (Леконцева, 2010, с. 30; Завьялова, 2010,

³ Полевые материалы авторов (далее — ПМА).

с. 58). В отличие от подобных зарубежных организаций (Британского совета, немецкого Института Гёте, испанского Института Сервантеса, французского Альянс Франсез) появление Институтов Конфуция в российских городах чаще всего является следствием дружеских отношений между российскими и китайскими вузами, когда Институт открывается как подразделение местного университета. Именно так, благодаря вузовскому содружеству, были открыты все дальневосточные Институты Конфуция. Это создало преимущество для китайской организации, позволив быстро решить юридические проблемы при регистрации, так как вне Москвы иностранные культурно-информационные центры могут создаваться на территории России лишь с согласия правительства Российской Федерации⁴.

При этом замечено, что даже на территории российского вуза, предоставившего Институту Конфуция учебные площади и оборудование, при наличии совместной российско-китайской администрации он остается автономным китайским учреждением с собственными программами и финансированием. Учебная литература, которую Китай предоставляет через Институты Конфуция на безвозмездной или льготной основе организациям, где преподается китайский язык, подготовлена с учетом официальной политики. Тем самым, по мнению исследователей, распространяется идеологическое влияние КНР (Михневич, 2015, с. 96).

В прессе отмечаются факты, когда Институты Конфуция подрывают академическую свободу вузов, занимаются промышленным и военным шпионажем, следят за китайскими студентами в российском вузе и стремятся продвинуть позицию китайской компартии по вопросам Далай Ламы, Тибета

⁴ Положение о порядке учреждения и условиях деятельности иностранных культурно-информационных центров на территории Российской Федерации (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 июля 1995 г. № 746; с изменениями и дополнениями от 14 апреля 2010 г.) // Гарант. URL: [https://base.garant.ru/103816/#:~:text=\(дата обращения: 09.02.2023\).](https://base.garant.ru/103816/#:~:text=(дата обращения: 09.02.2023).)

или независимости Тайваня⁵. Ряд авторов заостряют внимание на государственном финансировании Институтов Конфуция, а следовательно, их полной зависимости от правительства КНР (Леконцева, 2010; Михалев, 2017; Callahan, 2008). Эти моменты стали поводом для обвинения Институтов Конфуция, расположенных в Новосибирске и Благовещенске, в нарушении российских законов, а в Якутске Институт Конфуция был закрыт как учреждение, призванное содействовать проникновению китайской идеологии и экономической экспансии на территорию России⁶.

Анализируя деятельность Институтов Конфуция в Дальневосточном федеральном округе, можно выделить три главных аспекта, подтверждающих, что работа в регионе Институтов Конфуция создает преимущества для Китая.

1. «Мягкая сила» способствует «мирному» освоению Китаем дальневосточных земель. Как хорошо известно, отток населения с российского Дальнего Востока не ослабевает уже много лет («Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте..., 2016, с. 94), и если он не прекратится, может встать вопрос о развитии региона с помощью китайского соседа. Уже сегодня почти во всех дальневосточных городах имеются своего рода «чайна-тауны» — обширные площади, занятые китайскими лавками, ресторанами, парикмахерскими и мастерскими. Тысячи китайцев каждый сезон привлекаются для работы в сельском хозяйстве Приморья и Приамурья, а тысячи гектаров сельскохозяйственных земель сдаются гражданам Китая в аренду⁷.

⁵ Что скрывается под «культурной» оберткой Институтов Конфуция? // Asia Russia Daily. 02.10.2014. URL: <https://asiarussia.ru/articles/4494/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁶ NTDTV: Институту Конфуция в Благовещенске могут указать на дверь // ИноТВ. 30.07.2015. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-07-30/NTDTV-Institutu-Konfuciya-v-Blagoveshhenske> (дата обращения: 18.02.2023).

⁷ Мельников М. Миллион гектаров для китайцев: правда и домыслы, выгоды и угрозы // Царьград. 21.08.2018. URL: <https://tsargrad.tv/articles/million->

Пока еще отношение жителей Дальнего Востока к соседней стране остается настороженным: ссылаясь на опросы населения, исследователи называют китайскую иммиграцию самой актуальной международной угрозой для российского пограничья («Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте..., 2016, с. 144). По мере же приобщения с помощью Институтов Конфуция к китайским культурным ценностям эта настороженность может постепенно перерасти в доверие и тем самым облегчить для Китая приход на российский Дальний Восток.

2. Институт Конфуция повышает интернационализацию китайского высшего образования. Грантовые программы и обмен студентами для бесплатного обучения в вузах Китая вызывают отток из России способных молодых людей. В первом десятилетии XXI в., например, в КНР обучались около 17 тыс. студентов из России (Бобыло, Севастьянов, 2016, с. 77). До закрытия границы с КНР, связанного с пандемией коронавируса, Амурский государственный педагогический университет ежегодно отправлял в вузы Китая 70, а Благовещенский — до 100 студентов на долгосрочные курсы китайского языка, краткосрочные стажировки и практики. Сегодня, когда граница снова открыта, обмен студентами постепенно восстанавливается⁸.

Часть молодых людей склонна оставаться после учебы за рубежом. Так, опрос авторами статьи 20 студентов ВВГУ, изучающих китайский язык, показал, что все они положительно оценивают возможность продолжить изучение языка в КНР, а половина опрошенных хотели бы остаться работать там и после учебы. Пример выпускницы ДВФУ 2018 г. Е.К. объясняет это желание. Из восьми ее одногруппников только двое смогли найти на родине работу по специальности, в сфере внешнеэкономической деятельности, с зарплатой до 40 тыс. руб. В Китае же их диплом дает возможность зарабатывать в 2–2,5 раза больше⁹. Опрос студентов-китаистов показывает,

что они с нетерпением ожидали окончательной отмены ковидных ограничений и полного открытия границы с Китаем.

3. Распространяя китайскую культуру за рубежом, Институты Конфуция способствуют развитию культуры внутри страны. По мнению китайских исследователей, важной целью зарубежной культурной стратегии Китая является повышение его конкурентоспособности в этой сфере. Осуществляя мечту о статусе мировой державы, именно с развитием национальной культуры КНР связывает достижение этой цели мирным путем (Лю, 2009, с. 150; Ху, 2012, р. 53). В китайской прессе все чаще звучат предложения отойти от традиционных символов (Китайский новый год, драконы, праздник фонарей, танец льва и др.) и активнее развивать новые направления, шире заимствовать элементы национальных культур других народов. Современная китайская культура, как отмечается, должна унаследовать лучшие традиционные элементы и соединить их с иностранными достижениями¹⁰. Хороший пример такого культурного тандема дает Благовещенск, где ежегодно при поддержке местного Института Конфуция проходит российско-китайский фестиваль культуры и искусства. 12-й по счету фестиваль состоялся даже в условиях пандемии, в августе 2022 г.¹¹

Таким образом, китайская «мягкая сила» культуры и образования соседствует с «жесткой силой», связанной с экономикой и политикой, позволяя Китаю реализовывать стратегические задачи. Это вполне соотносится

28.11.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁰ См.: Ying Ni. How to Develop and Advance China's Cultural Exports // *China Daily*. May 11, 2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202105/11/WS609a32fca31024ad0babd39a.html> (accessed: 12.02.2023); Zhao Ruinan. Chinese Culture That Goes Beyond Borders // *China Daily*. June 30, 2021. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202106/30/WS60dbd7f9a3106abb319fb901.html> (accessed: 12.02.2023).

¹¹ Гумлевая М. Российско-китайская ярмарка культуры и искусства открылась у обоих берегов Амура // *Вести: Амурская область*. 22.06.2021. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/06/22/168163> (дата обращения: 04.01.2022).

gektarov-dlja-kitajcev-pravda-i-domysly-vygody-i-ugrozy_153592 (дата обращения: 28.02.2023).

⁸ ПМА.

⁹ Степанова Е. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // *East Russia*.

с характеристикой «мягкой силы» Дж. Ная, который назвал ее «способностью получать то, что вы хотите, посредством привлечения, а не принуждения или платежей» (Nye, 2004, p. 10). Этот тезис нашел развитие и у китайских исследователей. Лю Цзайци, например, считает «мягкой силой» мудрую стратегию государства в использовании «твердой силы», недостаток которой можно компенсировать увеличением «мягкой силы». Ослабление же «мягкой силы», считает он, приведет к сокращению совокупной государственной мощи, даже если «твердая сила» крепка (Лю, 2009, с. 152). Неслучайно на фоне продвижения по миру китайского языка и культурных ценностей появился новый термин — культурная торговля, отражающий размах китайской культурной стратегии. В этом случае можно говорить о «мягкой силе» как своеобразном «зонтике», под которым Китай намерен в будущем решать свои политические и экономические задачи.

Летом 2020 г. в ответ на критику в Китае предприняли структурную реорганизацию Института Конфуция, объяснив ее появлением ряда проблем: замедлением ежегодного прироста количества институтов, снижением числа преподавателей, уменьшением финансирования, отставанием учебных программ от уровня развития информационных систем. Параллельно с канцелярией «Ханьбань», переименованной в Центр языкового образования и сотрудничества (*Centre for Language Education and Cooperation*), создали Китайский международный фонд обучения китайскому языку, благотворительную организацию, учредителями которой стали 27 ведущих китайских университетов¹². Реформа коренным образом изменила принадлежность

¹² См.: Quinn C. China: Confucius Institutes Get Rebrand // The Pie. July 9, 2020. URL: <https://thepienews.com/confucius-institutes-rebrand/> (accessed: 09.02.2023); Китай учредил Центр по сотрудничеству в образовании // Рамблер. 05.07.2020. URL: https://news.rambler.ru/education/44455544-kitay-uchredil-tsentr-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-obucheniya-yazykam/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.08.2023).

Института Конфуция: он стал негосударственным образовательным учреждением, получающим финансирование не от правительства, а от китайских и зарубежных учебных заведений, которые отныне играют основную роль в управлении. По словам Чжао Линшаня, генерального секретаря Фонда, механизм работы институтов улучшится с учетом международной практики, что повысит качество образования: «Фонд поможет расширить платформу Институтов Конфуция за рубежом, сконцентрировать все ресурсы и добиться более качественного развития. Поддержка зарубежных Институтов Конфуция станет более разнообразной и оптимизированной»¹³.

Не ставя под сомнение эти слова и осознавая большую помощь, оказываемую Институтами Конфуция любителям китайского языка и культуры во всем мире, все же выскажем предположение, что реформы последних лет не меняют сущности применения Китаем культурных инструментов «мягкой силы». Если продвижением по миру китайского языка и культуры Китай, как зонтиком, прикрывает далекоидущие планы, то реорганизация Института Конфуция — это лишь попытка сделать этот зонтик более прочным и надежным. И все же пример Дальнего Востока показывает, что на проблему следует взглянуть и с другой стороны. «Если китайское влияние на российский Дальний Восток считать угрозой, то она растет, — считает доктор политических наук, главный научный сотрудник академического Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока С.К. Песцов, — но это зависит не от Китая, а от нас: чем слабее мы будем, тем большее влияние станет приобретать Китай»¹⁴.

¹³ Chinese International Education Foundation Holds the Fourth Meeting of Its First Council in Beijing // Chinese International Education Foundation. April 1, 2021. URL: <https://www.cief.org.cn/newsinfo/1322206.html> (accessed: 09.02.2023).

¹⁴ Степанова Е. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // East Russia. 28.11.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 08.02.2023).

Заключение

Идея «мягкой силы» весьма важна в современную эпоху, когда многие страны выбирают мирный путь в конкуренции со странами-соперниками, стремясь привлечь к себе интерес и симпатии мирового сообщества. Одним из основных инструментов «мягкой силы» любой страны являются культурно-образовательные учреждения, такие как китайские Институты Конфуция, создаваемые с 2004 г. в разных странах для обучения китайскому языку и знакомству с национальной

культурой. Международные обмены при изучении языка и культурное сотрудничество являются неотъемлемой частью будущего мирного сосуществования, и роль «мягкой силы» как политического инструмента будет только расти. Однако при анализе плюсов и минусов Институты Конфуция важно учитывать экономическую и политическую ситуацию в том регионе, где они работают. В противном случае этим культурно-образовательным учреждениям не избежать обвинений в роли «тройного коня».

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 20.02.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Бобыло А. М., Севастьянов С. В.* «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4 (39). С. 75–85. EDN: XHVXAF
- Будаев А. В.* Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106–129. EDN: VODSNZ
- Бянкин К. Ю.* Институт Конфуция и его место в культурной глобализации и культурной регионализации КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2014. № 15. С. 145–149. EDN: SXKNQT
- Гурулёва Т. Л.* «Мягкая сила» китайского образования в России // Азия и Африка сегодня. 2020. № 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.31857/S032150750008158-5>; EDN: FBBXFD
- Завьялова А. А.* Институты Конфуция: интеграция или экспансия // Высшее образование сегодня. 2010. № 9. С. 54–59. EDN: MVVICP
- Леконцева К. В.* Институт Конфуция как инструмент «гибкой власти» Китая // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 7 (64). С. 27–31. EDN: MVMAXB
- Лю Цзайци.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155. EDN: KYGVRV
- Михалев А. В.* Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 129–135. EDN: ZGRWNV
- Михневич С. В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 1. С. 80–117. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-01-61>; EDN: UCUGWT
- Морозова Н. В.* Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 1 (7). С. 106–112. EDN: YSECEH
- «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики / под ред. С. К. Песцова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. EDN: WZHDHZ
- Самойлова М. П., Лобанова Е. А.* Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. С. 29–31. EDN: YUONZD
- Се Ф., Еланцева О. П.* Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). С. 61–70. EDN: QXBWCD
- Селезнева Н. В.* Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 291–305. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-291-305>; EDN: PDFMUV

- Callahan W. A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10, iss. 4. P. 749–761. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x>
- Hong Xiaonan, Qiu Linying, Lin Dan. Guo jia wen hua ruan shi li de gou cheng yao su yu ti sheng zhan lue // *Jiang hai xue kan* [Компоненты государственной культурной «мягкой силы» и стратегия продвижения // Цзянхайский научный журнал]. 2013. Vol. 001. P. 202–207. (На китайском языке).
- Li Dongfang, Chen Jian. Zhong guo ren min de wei da meng xiang jing shen // *Gòngchǎndǎng zázhi* [Великая мечта китайского народа // Журнал Коммунистической партии]. 2019. Vol. 9. P. 8–10. (На китайском языке).
- Li Xia. Kongzi xueyuan dui ti sheng wo guo wen hua ruan shi li de ying xiang // *Shen zhou Di yi ban* [Влияние Институтов Конфуция на продвижение культурной «мягкой силы» нашей страны // Журнал Университета Шэньчжоу]. 2011. Vol. 4. P. 38–43. (На китайском языке).
- Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.
- Nye J. S. *The Future of Power*. New York : Public Affairs, 2011.
- Wang Hongying, Lu Yeh-Chung. The Conception of Soft Power and Its Policy Implications: A Comparative Study of China and Taiwan // *Journal of Contemporary China*. 2008. Vol. 17, iss. 56. P. 425–447. <https://doi.org/10.1080/10670560802000191>
- Wong Ka-Ho. Analysis of Chinese Narrative of World Order and Foreign Policy: Is China a Revisionist or Reformist Power? // *Comparative Politics Russia*. 2018. Vol. 9, no. 3. P. 154–161. EDN: XTKUTZ
- Wu Huiyong. A Confucian Holistic World Order and China's Vision of a Shared Future // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2018. Vol. 20, iss. 2. P. 2–10. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.3232>
- Xu Yan. Dui quan qiu hua bei jing xia ti gao guo jia wen hua ruan shi li de zai si kao // *Líní yú xuéyuàn xuébào* [Переосмысление национальной культурной «мягкой силы» в контексте глобализации // Журнал Университета Линьни]. 2012. No. 2. P. 51–55. (На китайском языке).
- Zhang Guozuo. 'Ruan shi li' gai nian de you lai // *Wǔhàn lǐgōng dàxué xuébào* [Происхождение понятия «мягкая сила» // Журнал Уханьского технологического университета]. 2014. No. 4. P. 521–538. (На китайском языке).
- Zhang Xiaoming. Yue Se Fu-Nai de 'Ruan shi li' si xiang fen xi // *Měiguó yánjiū* [Анализ идеи «мягкой силы» Джозефа Ная // Американские исследования]. 2005. Vol. 19. P. 20–36. (На китайском языке).
- Zhang Xiping. Jian lun Kongzi xue yuan de ruan shi li gong neng // *Hǎiwài hànǔ* [Краткое обсуждение функции «мягкой силы» Институтов Конфуция // Китайский язык за рубежом]. 2007. Vol. 3. P. 25–27. (На китайском языке).

Сведения об авторах:

Хисамутдинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры кросс-культурной коммуникации, Институт педагогики и лингвистики, Владивостокский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 3324-0664; ORCID: 0000-0003-4536-2083; e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Ян Юэ — независимый исследователь, Харбин, Китай; e-mail: ian.ue1@dvfu.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-427-438

EDN: YSJDTK

Научная статья / Research article

Сотрудничество Камбоджи и России в рамках АСЕАН

П. Пичкхун✉, У. Юок

Посольство Королевства Камбоджа в России, Москва, Российская Федерация

✉panhapk@yahoo.com

Аннотация. Анализируется двустороннее сотрудничество Камбоджи и России в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Авторы опираются на теорию неореализма, которая позволяет объяснить внешнюю политику государств стремлением обеспечить свои национальные интересы. Принципы историзма и научной объективности позволили установить, как Камбоджа и Россия выстраивают двусторонние отношения, используя такую авторитетную региональную организацию, как АСЕАН. Наиболее интересен политический аспект отношений, так как в современных реалиях глобализации помимо военных и экономических аспектов двустороннего взаимодействия государств, претендующих на значимую роль в системе международных отношений, именно политический аспект приобретает особую значимость ввиду необходимости создавать новую модель глобального управления. Цель исследования — определение роли сотрудничества России и Камбоджи в развитии международного режима под руководством АСЕАН, являющейся ядром региональных интеграционных процессов. Для достижения поставленной цели прослежена эволюция отношений России и АСЕАН от их зарождения до придания им статуса стратегического партнерства в контексте российского «поворота на Восток». Затем изучена динамика участия Камбоджи в АСЕАН в контексте национальных интересов, которые данное государство стремится реализовать во внешней политике. В заключительной части было установлено, как взаимодействуют Российская Федерация и Королевство Камбоджа на площадке АСЕАН. Авторами сделан акцент на широкомасштабности структуры сотрудничества России и АСЕАН. По итогам анализа развития двустороннего диалога было выявлено, что вступление Камбоджи в состав АСЕАН стало импульсом для формирования механизмов двустороннего взаимодействия, которое зачастую осуществлялось «на полях» мероприятий Ассоциации. Базовые ценности АСЕАН оказали влияние на внешнюю политику Камбоджи, поспособствовав укреплению ее сотрудничества с Россией на современном этапе.

Ключевые слова: двусторонние отношения, политический диалог, диалоговое партнерство, Юго-Восточная Азия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Пичкхун П., Юок У. Сотрудничество Камбоджи и России в рамках АСЕАН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 427–438. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-427-438>

© Пичкхун П., Юок У., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Cooperation Between Cambodia and Russia Within the ASEAN Framework

Panha Pichkhun✉, Ousaphea Yuok

Embassy of the Kingdom of Cambodia in Russia, Moscow, Russian Federation
✉ panhapk@yahoo.com

Abstract. The study examines the nature of the bilateral cooperation between Cambodia and Russia within the framework of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). The authors employ the neorealist theory, which allows explaining the foreign policy of states by the desire to ensure their national interests. The principles of historicism and scientific objectivity are used, which allowed establishing how Cambodia and Russia build bilateral relations, relying on such an authoritative regional organization as ASEAN. The most interesting aspect of relations is the political one, since in the modern realities of globalization, in addition to the military and economic aspects of bilateral interaction between states claiming a significant role in the system of international relations, it is the political aspect that is of particular importance due to the need to create a new model of global governance. The purpose of the article is to determine the role of cooperation between Russia and Cambodia in the development of the international regime under the leadership of ASEAN, which is the core of regional integration processes. To achieve this goal, the authors analyze the evolution of relations between Russia and ASEAN from their inception to giving them the status of a strategic partnership in the context of Russia's turn to the East. The authors then focus on the dynamics of Cambodia's participation in ASEAN in the context of the national interests that this state seeks to implement in its foreign policy. In the final part, it was established how the Russian Federation and the Kingdom of Cambodia interact on the ASEAN platform. The authors emphasize the large-scale structure of cooperation between Russia and ASEAN. Based on the results of the analysis of the development of the bilateral dialogue, it was revealed that Cambodia's accession to ASEAN became an impetus for the formation of mechanisms of bilateral cooperation, which was often carried out "on the sidelines" of the Association's events. ASEAN's core values have influenced Cambodia's foreign policy, contributing to strengthening its cooperation with Russia at the present stage.

Key words: bilateral relations, political dialogue, dialogue partnership, Southeast Asia

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Pichkhun, P., & Yuok, O. (2024). Cooperation between Cambodia and Russia within the ASEAN framework. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 427–438. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-427-438>

Введение

В настоящее время становится очевидным, что Азиатский регион в целом, в частности Юго-Восточная Азия (ЮВА), начинает играть все более значимую роль в мировой экономике и политике. И этим успехом страны региона во многом обязаны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Укрепление АСЕАН как признанной международной организации со своим Уставом, нормами, принципами и ценностями позволило ей играть центральную роль в делах ЮВА, основательно продвинувшись к созданию Сообщества АСЕАН, а также создать прочный механизм диалоговых партнерств, охвативший девять стран и Европейский союз. Как региональная организация она

внесла большой вклад в сохранение мира, стабильности и развития в регионе, раздираемом внутренними противоречиями и конфликтами.

Актуальность темы исследования связана с активизацией внешней политики России на азиатском направлении в рамках «поворота на Восток», целью которого является укрепление политического и экономического взаимодействия со странами Азии ввиду кризиса в отношениях со странами «коллективного Запада». Страны Юго-Восточной Азии в XXI в. перестали играть роль лишь реципиентов международных изменений и все в большей степени становятся значимыми субъектами международных трансформаций, стремящимися отстаивать свою точку зрения в вопросах международной повестки дня.

Наиболее показательным видится пример Камбоджи, которая после вступления в АСЕАН в 1999 г. приобрела значительный дипломатический вес, все активнее участвуя в работе данной региональной организации.

Сотрудничество России и Камбоджи в рамках АСЕАН служит воплощению национальных интересов как России, так и Камбоджи. Структурно доказательство данного тезиса представлено в статье следующим образом. Вначале приводится анализ эволюции отношений России и АСЕАН от их зарождения до придания им статуса стратегического партнерства в контексте российского «поворота на Восток». Затем авторы анализируют динамику участия Камбоджи в АСЕАН в контексте национальных интересов, которые данное государство стремится реализовать во внешней политике. В заключительной части было установлено, как взаимодействуют Российская Федерация и Королевство Камбоджа на площадке АСЕАН.

Цель исследования — выявление роли сотрудничества России и Камбоджи в развитии международного режима под руководством АСЕАН, которая интегрировала практически все страны ЮВА и стала ядром региональных интеграционных процессов.

Теоретической основой исследования является концепция неореализма. В работе также использовались принципы историзма и научной объективности, что позволило рассмотреть причинно-следственные связи развития сотрудничества России и Камбоджи. Авторы опирались на труды ряда выдающихся российских ученых-востоковедов. Среди них особое место занимают фундаментальные работы академика М.Л. Титаренко (Титаренко, 2008), а также профессора А.Д. Богатурова (Богатуров, 1997) и профессора А.Д. Воскресенского («Большая Восточная Азия»..., 2010; Воскресенский, 2020). Для глубокого анализа особенностей внешней политики Камбоджи авторы использовали труды Н.Н. Бектимировой (Бектимирова, 2015; 2016), Н.П. Малетина¹, Д.В. Мосякова

¹ Малетин Н. П. Внешняя политика Камбоджи 1953–1998 гг.: учебное пособие. Москва: МГИМО (У), 2004. EDN: QOXNHV

(Мосяков, 2010). Процессы региональной интеграции в ЮВА и деятельность АСЕАН по их развитию освещены в трудах Е.В. Колдуновой (Колдунова, 2015; 2017), Г.М. Костюниной (Костюнина, 2017; 2019), Е.А. Канаева (Канаев, 2017; Канаев, Королев, 2019), Г.М. Локшина, Е.В. Кобелева, В.М. Мазырина (Локшин, Кобелев, Мазырин, 2019).

История развития АСЕАН как общерегиональной организации

АСЕАН возникла в 1967 г. по инициативе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин. Данная организация появилась в сложных исторических условиях: процесс формирования современных государств региона находился на начальной стадии, особенно в восточной части п-ова Индокитай, где процессы деколонизации были сопряжены с вооруженными конфликтами.

В годы холодной войны отсутствовало представление о Юго-Восточной Азии как едином политическом регионе, так как регион был объектом соперничества между США, СССР и КНР. К 1970-м гг. отношения Москвы и Пекина ухудшились. Это привело к усилению внутренних разногласий в коммунистическом лагере и негативно отразилось на странах ЮВА. На этом фоне страны — члены АСЕАН выразили свое желание избавить регион от внешнего вмешательства, подписав два важных документа — Декларацию о зоне мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН) (1971 г.)², а также Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (1976 г.), в котором были закреплены принципы суверенитета и невмешательства³.

Принцип невмешательства является одним из основополагающих в международном

² 1971 Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration // International Center for Not-for-Profit Law. November 27, 1971. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_zone.pdf (accessed: 05.02.2024).

³ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // United Nations Treaty Collection. February 24, 1976. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201025/volume-1025-I-15063-English.pdf> (accessed: 05.02.2024).

праве, и его провозглашение странами — членами АСЕАН имело двойную цель. С одной стороны, принцип подчеркивал нежелание региональных стран быть объектами внешнего вмешательства, а с другой — помог поддерживать стабильность внутренних структур и изолировать местную оппозицию от внешней помощи (Jones, 2012, p. 97). Это позволяло странам АСЕАН демонстрировать свою политическую и экономическую состоятельность, сохраняя при этом автономию от международных игроков, включая США. Этот принцип стал особенно важным во время конфликта между Вьетнамом и Камбоджей, приведшим к вмешательству соседних государств и разрушительным последствиям в регионе (Мосяков, 2010, с. 391). АСЕАН активно участвовала в урегулировании конфликта, изолируя новое камбоджийское правительство и принимая меры по ограничению его доступа к международной помощи (Jones, 2007, p. 527). В дальнейшем АСЕАН нацелилась на замыкание региональных проблем на себя, исключая внешние силы из переговорного процесса и демонстрируя коллективную позицию по ключевым вопросам региона⁴.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. активное участие АСЕАН в решении камбоджийской проблемы привело к проведению международных переговоров, учитывающих интересы региона и обеспечивающих гарантии невмешательства третьих сторон. Этот период также стал временем, когда АСЕАН разработала новые методы управления регионом и нейтрализации внешнего влияния. Окончание биполярности позволило АСЕАН объединить все 10 стран ЮВА, несмотря на различия в идеологиях и политических системах. Региональная организация смогла поддерживать разумную конкуренцию между внешними игроками, чтобы выигрывать от их соперничества и стать центральным элементом регионального сотрудничества в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) (Severino, 2007, p. 406).

⁴ Богатуров А. Д. Лидерство и критерии лидерства в мировой системе // Современная мировая политика: прикладной анализ: учебное пособие / отв. ред. А. Д. Богатуров. Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2009. С. 161.

Сегодня региональная институциональная сеть, сформированная вокруг АСЕАН, включает в себя диалоговые партнерства с ключевыми игроками в регионе и за его пределами: Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Форум «Азия — Европа» (АСЕМ) и Восточноазиатский саммит (ВАС). Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), хотя формально и не связан с АСЕАН, отражает ее нормативную культуру, известную как «путь АСЕАН», который подчеркивает предпочтение консультаций, консенсуса и движения к общей цели (Колдунова, 2017, с. 60).

С начала своего существования в 1970-х гг. АСЕАН стремилась к установлению привилегированных отношений с ключевыми внерегиональными партнерами. Это выразилось в установлении диалога с Австралией, Европейским экономическим сообществом, США и Японией. В последующие десятилетия АСЕАН расширила свои партнерства на Китай, Индию, Россию и Южную Корею, сформировав форматы АСЕАН+3 (с Китаем, Японией и Республикой Корея) и АСЕАН+6 (с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией), которые послужили основой для ВАС. К концу XX в. АСЕАН стала влиятельным участником макрорегиональных процессов и равноправным партнером для ведущих международных игроков.

В начале 2010-х гг. региональная динамика начала меняться, особенно с усилением экономической роли Китая, что вызвало разнонаправленные реакции политических элит стран ЮВА. Территориальные споры в Южно-Китайском море, начавшиеся в 2011 г., усилили опасения малых и средних стран относительно стратегии Пекина (Понька, Бельченко, Трусова, 2017). Американская политика разворота в АТР, начатая в 2011 г. при Бараке Обаме с целью ограничения влияния Китая, также способствовала поляризации региона. Это выдвинуло китайско-американские противоречия на передний план в региональной политике и подчеркнуло необходимость для АСЕАН расширения своих внешнеполитических контактов.

Политика России в АСЕАН: от диалогового к стратегическому партнерству

За последние 30 лет отношения между Россией и АСЕАН прошли путь от случайных контактов до установления стратегического партнерства. Понятие «стратегическое партнерство» стало распространенным после окончания холодной войны и сейчас принимает различные формы и содержание. Такие партнерства обычно помогают балансировать внешнеполитические контакты и выделять ключевые направления в международных отношениях. Несмотря на это, они не приводят к образованию альянсов или блоков.

Первые официальные контакты между Россией и АСЕАН состоялись в 1991 г., когда заместитель министра иностранных дел Российской Федерации принял участие в министерской встрече АСЕАН по приглашению Малайзии, а через 5 лет с Ассоциацией были установлены отношения диалогового партнерства⁵. В 1994 г. Россия присоединилась к АРФ⁶.

Для установления диалогового партнерства с АСЕАН России требовалось подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 1976 г. Россия присоединилась к этому договору в 2004 г., а уже в 2005 г. состоялся первый саммит Россия — АСЕАН. В ходе этого саммита были подписаны ключевые документы, определившие направления сотрудничества между Россией и АСЕАН⁷, которые включали в себя

⁵ История диалогового партнерства России и АСЕАН // Саммит Россия — АСЕАН. 2016. URL: http://russia-asean20.ru/russia_asean/20160309/7163.html (дата обращения: 05.02.2024).

⁶ Участие России в деятельности Регионального форума АСЕАН (АРФ) (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.03.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/regional-nij-forum-asean-po-bezopasnosti-arf-1741131/ (дата обращения: 05.02.2024).

⁷ См.: Распоряжение Правительства РФ от 09.12.2005 № 2150-Р «О Подписании соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами государств — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о сотрудничестве в области экономики и развития» // Консультант Плюс. 2005. URL: <https://rulaws.ru/goverment/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-09.12.2005-N-2150-r/?ysclid=ls8y3wp>

сотрудничество в области безопасности и борьбы с преступностью, а также укрепление экономических связей.

Институциональное взаимодействие между Россией и АСЕАН включало в себя обмен на уровне министров, экспертные мероприятия, участие в саммитах и конференциях. Были созданы инструменты партнерства, такие как Совместный комитет сотрудничества и Финансовый фонд диалогового партнерства для финансирования совместных проектов. Россия присоединилась к ВАС в 2010 г.⁸, что свидетельствует о росте интересов АСЕАН и ее стремлении к центральной роли в институциональном сотрудничестве вне своего региона.

Второй саммит между Россией и АСЕАН прошел в 2010 г. в Ханое, а в 2016 г. было отмечено 20-летие их диалогового партнерства, которое ознаменовалось проведением юбилейного саммита в Сочи. Перед этим саммитом была сформирована Группа видных деятелей, которая представила свои рекомендации о двусторонних отношениях, включая предложения о более тесном стратегическом партнерстве через улучшение координации на международной арене и интенсификацию встреч на высшем уровне⁹.

После юбилейного саммита Россия — АСЕАН были утверждены Сочинская декларация и Комплексный план действий на 2016–2020 гг.¹⁰ В декларации подчеркивалась

be0467540425 (дата обращения: 05.02.2024); Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг. // Президент России. 13.12.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3708> (дата обращения: 05.02.2024).

⁸ Восточноазиатский саммит (справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 29.12.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/vostocnoaziatskij-sammit-vas/1923920/ (дата обращения: 05.02.2024).

⁹ Доклад Группы видных деятелей Россия АСЕАН «Россия АСЕАН: обращение в будущее многоплановое стратегическое партнерство» // Саммит Россия — АСЕАН. 2016. URL: <http://russia-asean20.ru/load/194089> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁰ Сочинская декларация юбилейного саммита Россия — АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» от 20 мая 2016 г. // Саммит

важность многополярности и необходимость создания прозрачной и всесторонней региональной безопасности на основе международного права. Также было отмечено стремление к взаимовыгодному сотрудничеству между АСЕАН, Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Это добавило новое, трансрегиональное измерение в диалоговое партнерство, включая поиск возможностей для взаимодействия не только на двустороннем, но и на региональном уровне.

В ноябре 2018 г. на третьем саммите России и АСЕАН в Сингапуре было принято заявление о переходе к стратегическому партнерству¹¹. В заявлении подчеркивалась важность соблюдения международного права, равноправных отношений и развития свободной торговли, а также укрепления ВАС как форума для стратегических обсуждений. Однако процесс движения к стратегическому партнерству не был прямолинейным. Россия изначально была не так активна в Ассоциации по сравнению с другими партнерами АСЕАН и рассматривалась скорее как дополнительный игрок, который должен сдерживать амбиции других крупных держав в регионе.

Россия, частично выполняя эту функцию, поддерживала сотрудничество в военнотехнической области с Вьетнамом, Индонезией и Малайзией, а также стала альтернативным партнером в политическом и военнотехническом плане для Таиланда, Филиппин и Мьянмы. Например, после военных переворотов в Таиланде в 2014 г.¹² и в Мьянме в 2021 г.¹³ новое руководство этих стран

обратилось к России. Однако в конфликте между Филиппинами и Китаем по поводу спорных островов в Южно-Китайском море Россия предпочитала оставаться нейтральной, чтобы не обострять отношения ни с одной из сторон¹⁴.

Таким образом, в условиях эскалации региональной напряженности Россия заинтересована в развитии сотрудничества с АСЕАН, поскольку данную организацию сближает с Россией стремление к формированию полицентричной мировой и региональной системы. Россия в свою очередь оказывает действенную поддержку идее центральности АСЕАН, что укрепляет ее позиции во взаимодействии с другими внешними акторами. В активе Москвы — политика «поворота на Восток», которая постепенно начинает приобретать видимые очертания и готовность выстраивать продуктивные самоценные отношения с Ассоциацией. Вместе с тем Россия демонстрирует нежелание соревноваться за экономическое и политическое внимание объединения только для того, чтобы удобным для АСЕАН способом уравновесить действия Китая и США.

Политика Камбоджи в АСЕАН: от изоляции к проактивному членству

Вступление Камбоджи в Ассоциацию было задержано из-за Камбоджийского конфликта, который начался в 1979 г. после освобождения Пномпеня от режима «красных кхмеров». В тот период главной опасностью для АСЕАН было распространение коммунизма (Кео, 2012, р. 10) и втягивание в конфликты, влияющие на интересы СССР и США. Ситуация улучшилась после встречи представителей конфликтующих сторон в Париже в 1987 г. и сокращения поддержки СССР Вьетнаму. В 1991 г. внутренняя ситуация стабилизировалась с подписанием Парижских мирных соглашений¹⁵, что открыло

Россия — АСЕАН. 2016. URL: <http://russia-asean.20.ru/load/194715> (дата обращения: 05.02.2024).

¹¹ Белуза А. Лидеры РФ и стран АСЕАН приняли заявление о стратегическом партнерстве // Российская газета. 14.11.2018. URL: <https://rg.ru/2018/11/14/lidery-rf-i-stran-asean-priniali-zaiavlenie-o-strategicheskom-partnerstve.html> (дата обращения: 05.02.2024).

¹² Ehrlich R. S. Russia Boosts Prayuth Chan-ocha's Military in Thailand as U.S. Steps Aside After Coup // The Washington Times. February 21, 2016. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2016/feb/21/russia-boosts-prayuth-chan-ochas-military-in-thail/> (accessed: 05.02.2024).

¹³ Russian Arms and Influence in Myanmar // East Asia Forum. November 5, 2022. URL: <https://eastasiaforum.org/2022/11/05/russian-arms-and-influence-in-myanmar/> (accessed: 05.02.2024).

¹⁴ РФ поддерживает усилия Китая по выработке кодекса для Южно-Китайского моря // РИА Новости. 14.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160714/1465931510.html> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁵ 1991 Paris Peace Agreements // Cambodian Information Center. URL: <https://web.archive.org/web/20140923163627/http://www.cambodia.org/facts/?page=1991+Paris+Peace+Agreements> (accessed: 05.02.2024).

путь к вступлению Камбоджи в АСЕАН. Страна стала наблюдателем в 1995 г. и полноправным членом в 1999 г., после чего начала активно участвовать в укреплении мира, стабильности и процветания в регионе¹⁶.

Камбоджа внесла значительный вклад в развитие АСЕАН, выступая в качестве члена и председателя АСЕАН в 2002, 2012 и 2022 гг. Страна приложила немало усилий для проведения саммитов АСЕАН и связанных с ними совещаний и успешно содействовала разработке многих ключевых документов для АСЕАН. Кроме того, Камбоджа активно использовала основные ценности АСЕАН в своей внешней политике и дипломатии, включая принцип неприменения силы и мирного урегулирования споров, в частности на границе с Таиландом в 2008 г.¹⁷

В 2002 г. Камбоджа добилась того, чтобы АСЕАН и Китай совместно подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, в которой предусматривалось заселение необитаемых островов, рифов и других объектов¹⁸. Также Камбоджа достигла соглашения о туризме в рамках АСЕАН, направленного на развитие региона как единого туристического направления¹⁹.

На XXI саммите АСЕАН в 2012 г. в Пномпене под председательством Камбоджи были приняты Декларация прав человека АСЕАН и документ о создании Регионального центра противоминной деятельности АСЕАН (Strangio, 2014, p. 218). Под руководством Камбоджи в 2012 г. было достигнуто несколько важных соглашений, включая

¹⁶ Cambodia's ASEAN Chairmanship 2022: Priorities and Challenges // Konrad Adenauer Stiftung. 2022. URL: <https://www.kas.de/en/web/kambodscha/ausgaben/detail/-/content/cambodia-s-asean-chairmanship-2021-priorities-and-challenges-2> (accessed: 05.02.2024).

¹⁷ Kesavapany K. ASEAN and the Cambodia — Thailand Conflict // East Asia Forum. March 1, 2011. URL: <https://eastasiaforum.org/2011/03/01/asean-and-the-cambodia-thailand-conflict/> (accessed: 05.02.2024).

¹⁸ Chairman's Statement of the 21st ASEAN Summit // ASEAN. November 18, 2012. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/documents/Chairman%E2%80%99s%20Statement%20of%20the%2021st%20ASEAN%20Summit.pdf> (accessed: 05.02.2024).

¹⁹ ASEAN Tourism Agreement // ASEAN. November 4, 2002. URL: <https://asean.org/asean-tourism-agreement/> (accessed: 05.02.2024).

Декларацию VII саммита стран Восточной Азии по борьбе с малярией и Пномпеньскую декларацию о развитии стран Восточной Азии²⁰. Кроме того, во время председательства Камбоджи были приняты Декларация прав человека АСЕАН и Балийский план действий III согласия (2013–2017 гг.), проведен первый Глобальный диалог АСЕАН и создан Институт мира и примирения АСЕАН²¹. Кроме того, Камбоджа активно участвовала в принятии Заявления из шести пунктов по вопросам Южно-Китайского моря (Var, 2021, p. 198).

В роли председателя АСЕАН на саммите 2022 г. Камбоджа выбрала девиз «АСЕАН: вместе против вызовов» (Lin, 2023). В качестве основных целей деятельности АСЕАН было установлено поддержание мультилатерализма, устойчивого развития и молодежных обменов в рамках создания сообщества безопасности, экономического сообщества и социально-культурного сообщества АСЕАН²². Премьер-министр Камбоджи Хун Сен на церемонии закрытия отметил, что в свете сложной международной и региональной обстановки страны АСЕАН провели эффективные консультации по укреплению роли Ассоциации в развитии отношений с внешними партнерами (Чувиллов, 2023).

На саммитах АСЕАН в 2022 г. не было принято значимых решений по ключевым проблемам регионального и глобального политического и экономического развития. В период председательства Камбоджи в Ассоциации стороны предпочли не вносить существенных изменений в региональные связи. Благодаря усилиям Камбоджи было достигнуто соглашение о вступлении Восточного Тимора в АСЕАН в качестве полноправного члена (Bunthorn, 2022).

²⁰ Outcomes of the 21st ASEAN Summit Phnom Penh // ASEAN. November 19, 2012. URL: <https://asean.org/outcomes-of-the-21st-asean-summit-phnom-penh/> (accessed: 05.02.2024).

²¹ Heng S. A Job Well Done: Cambodia as ASEAN Chair in 2012 // East Asia Forum. January 19, 2013. URL: <https://eastasiaforum.org/2013/01/19/a-job-well-done-cambodia-as-asean-chair-in-2012/> (accessed: 05.02.2024).

²² 40-й и 41-й саммиты АСЕАН открылись в столице Камбоджи // Синьхуа. 11.11.2022. URL: <http://russian.news.cn/20221111/5c16454e947b407aabc21deb52d990e4/c.html> (дата обращения: 05.02.2024).

13 ноября 2022 г. в Пномпене прошел 17-й Восточноазиатский саммит под руководством премьер-министра Камбоджи Хун Сена. На встрече присутствовали представители государств — членов АСЕАН, Австралии, Китая, Индии, Японии, Новой Зеландии, Южной Кореи, России и США. Хун Сен в своем выступлении отметил необходимость укрепления саммита для его актуальности и эффективности в быстро меняющемся регионе²³.

Таким образом, Камбоджа активно выступила в роли государства — председателя в АСЕАН, стремясь поддерживать региональную стабильность и решать общие проблемы, такие как пандемия, экономические кризисы и политический кризис в Мьянме.

Диалог России и Камбоджи в рамках АСЕАН

Отношения Москвы и Пномпеня берут свое начало с середины XX в. СССР оказывал материально-техническую поддержку Камбодже, построив здания больницы и Высшего технологического института. Кроме того, Камбоджа хранит позитивную историческую память в отношении России за ту помощь, которая была оказана ей в восстановлении страны после того, как СССР совместно с Вьетнамом свергли режим «красных кхмеров». Создание Национального фронта освобождения Камбоджи и нового правительства страны в 1979 г. стало началом наиболее активного периода сотрудничества между СССР и Камбоджей. Обширные поставки продовольствия, текстиля, нефтепродуктов, отправка многочисленных советников и специалистов, подготовка новых управленцев в СССР — все это стало основными приметами нового этапа отношений²⁴.

²³ Chair's Statement of the 17th East Asia Summit // East Asia Summit. November 13, 2022. URL: https://eastiasummit.asean.org/storage/chairmans_statements_file/UbWVlu6F71lxHrXxqgZyu3TZBSXnidVBrS7toIMH.pdf (accessed: 05.02.2024).

²⁴ Мосяков Д. В. Непростая история российско-камбоджийских отношений // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 04.06.2021. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2021/russia-cambodian-complicated-history?ysclid=ltd68l3nflk429838153> (дата обращения: 05.03.2024).

Впервые министр иностранных дел и международного сотрудничества Камбоджи Хор Намхонг посетил Москву в 2001 г.²⁵ Интенсификация диалога способствовало присоединению России к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии в 2004 г., в рамках которого в 2005 г. в Пномпене состоялись российско-камбоджийские консультации²⁶. Стороны обсудили пути расширения взаимодействия в политической, торгово-экономической и инвестиционной областях, а также пути углубления диалогового партнерства Россия — АСЕАН. Подобное смещение акцента свидетельствует о ключевой роли Ассоциации в развитии двусторонних контактов.

Более насыщенным политическими контактами ознаменовался период с 2014 г., по итогам которого показатели торговли между государствами увеличились до 132,7 млн долл. США (Костюнина, 2019), а также был отмечен рост числа туристов, посетивших Камбоджу. В следующем году по итогам Российско-Камбоджийской межправительственной комиссии был подписан совместный план действий на 2015–2017 гг. между Ростуризмом и Министерством туризма Камбоджи²⁷.

В ноябре 2015 г. председатель правительства Российской Федерации Д.А. Медведев посетил Пномпень. В рамках этого визита были подписаны соглашения о воздушном сообщении, меморандумы о сотрудничестве в инвестиционной сфере, соглашение о сотрудничестве между российскими и камбоджийскими СМИ и др.²⁸

²⁵ Российско-камбоджийские политические контакты (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 06.09.2003. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kh/1739821/> (дата обращения: 05.02.2024).

²⁶ О российско-камбоджийских консультациях в Пномпене // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.02.2005. URL: <https://mid.ru/ru/maps/kh/1657009/> (дата обращения: 05.02.2024).

²⁷ Состоялась VIII сессия Российско-Камбоджийской Межправительственной комиссии // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 04.03.2015. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/32796/> (дата обращения: 05.02.2024).

²⁸ Российско-камбоджийские переговоры // Правительство России. 24.11.2015. URL: <http://government.ru/news/20698/> (дата обращения: 05.03.2024).

Как уже отмечалось, 2016 г. был юбилейным в истории как диалогового партнерства России с АСЕАН, так и дипломатических отношений между Камбоджей и Россией. В честь юбилея в Сочи был проведен саммит Россия — АСЕАН, в ходе которого состоялась встреча президента РФ и премьер-министра Камбоджи. В этот момент началась реализация узко ориентированных инициатив, был разработан проект строительства гидроэнергетического узла в западной части Королевства Камбоджа²⁹.

В 2017 г. состоялись переговоры глав внешнеполитических ведомств Российской Федерации и Королевства Камбоджи — С.В. Лаврова и Прака Сокхона. Повестка дня встречи в Москве министров иностранных дел России и Камбоджи включала вопросы, которые отражали суть договоренностей, достигнутых на встрече президента РФ В.В. Путина и премьер-министра Камбоджи Хун Сена «на полях» саммита Россия — АСЕАН³⁰.

Доброй традицией стали встречи глав правительств России и Камбоджи, которые проходили ежегодно до начала пандемии COVID-19. Данный формат взаимодействия выступает важным каналом коммуникации и позволяет странам делиться мнениями по поводу насущных проблем в двусторонних отношениях.

Важную лепту в укрепление сотрудничества между двумя странами вносят общественные и научно-образовательные организации. В частности, в 2018 г. состоялась церемония подписания Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве между Общественной палатой РФ и Форумом гражданского общественного альянса Камбоджи³¹. В 2019 г. состоялось подписание меморандума

о сотрудничестве в сфере науки и образования между Национальным институтом дипломатии и международных отношений (NIDIR) Королевства Камбоджи и МГИМО МИД России³². Позднее, в 2021 г., был подписан Меморандум о взаимопонимании между Российской академией наук и Королевской академией Камбоджи³³. Данные факты свидетельствуют о том, что научно-академическое сообщество становится значимым участником двустороннего диалога, продвигая инструментарий публичной дипломатии.

Во время пандемии COVID-19 процесс двустороннего взаимодействия приостановился, поскольку диалог осуществлялся только через Посольство России в Камбодже и все внимание было направлено на поддержание диалоговых форматов в новой реальности. В частности, в 2020 г. стороны обсудили аспекты инициированной Пномпенем идеи проведения онлайн-конференции министров иностранных дел региональных координаторов АСЕМ и Камбоджи в качестве страны — организатора XIII саммита указанного Форума по проблематике коронавируса³⁴.

Традиция поддержания регулярных политических контактов привносит позитивный вклад в двусторонние отношения России и Камбоджи. В частности, среди совпадающих взглядов России и Камбоджи на международные проблемы и мироустройство в целом — «право каждого народа самостоятельно выбирать пути развития». Это является прочной

³² Делегация Национального института дипломатии и международных отношений Камбоджи в МГИМО // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. 19.02.2019. URL: https://asean.mgimo.ru/news/2019/delegatsiya-natsionalnogo-instituta-diplomatii-i-mezhdunarodnykh-otnoshenij-kambodzhi-v-mgimo?ysclid=lxufmuu0cu968757027&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 05.03.2024).

³³ Подписание меморандума о взаимопонимании между академиями России и Камбоджи // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.06.2021. URL: https://www.mid.ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezhdeniyah/1766643/ (дата обращения: 05.03.2024).

³⁴ Представители России и Камбоджи обсудили онлайн-встречу глав МИД АСЕМ // РИА Новости. 27.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200527/1572040026.html?ysclid=lxugb9szag599777128> (дата обращения: 05.03.2024).

²⁹ Сокхон П. Камбоджа и Россия: 60 лет крепкого и динамичного партнерства // *Международная жизнь*. 2016. № 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1494> (дата обращения: 05.03.2024).

³⁰ Главы МИД РФ и Камбоджи обсудят развитие двустороннего сотрудничества и ситуацию в АТР // РИА Новости. 24.08.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4503068> (дата обращения: 05.03.2024).

³¹ Наблюдатели от Общественной палаты РФ признали парламентские выборы в Камбодже честными // ТАСС. 30.07.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5413622> (дата обращения: 05.03.2024).

основой для двустороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в рамках ООН и на других международных площадках.

Двустороннее сотрудничество между Россией и Камбоджей характеризуется новыми совместными проектами в области энергетики, торгово-экономической сфере, в военном и военно-техническом взаимодействии, а также подготовке специалистов из Камбоджи в российских вузах. Известно, что «Газпром» рассматривает возможность геологоразведки и освоения месторождений газа на шельфе Камбоджи³⁵. По линии министерств обороны стороны заинтересованы в совместных действиях по борьбе с терроризмом, гуманитарном разминировании и подготовке камбоджийских военных кадров в вузах Минобороны России³⁶. Перспективы взаимовыгодного экономического сотрудничества между Россией и Королевством Камбоджа определяются в рамках Межправительственной российско-камбоджийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Об эффективности работы двусторонней межправительственной комиссии можно судить уже по тому факту, что в 2016 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийским экономическим союзом, куда входит Россия, и Камбоджей, входящей в АСЕАН, что открывает перспективы для заключения соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Королевством Камбоджа. В рамках данного Меморандума очерчен широкий круг сфер, сотрудничество в которых позволит странам вывести отношения на качественно новый уровень. В документе обозначены 17 сфер — от экономической интеграции до информационных технологий³⁷.

³⁵ Газпром рассматривает проекты по добыче газа совместно с РТТ на шельфе Таиланда и в России // Neftegaz.RU. 27.04.2017. URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/210649-gazprom-rassmatrivaet-proekty-podobyche-gaza-sovmestno-s-rtt-na-shelfe-tailanda-i-v-rossii/> (дата обращения: 05.03.2024).

³⁶ В Москве состоялась первая в истории встреча министров обороны России и Камбоджи // Министерство обороны Российской Федерации. 26.04.2016. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12083979@egNews (дата обращения: 05.03.2024).

³⁷ Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 мая 2016 г. № 56 «О проекте Ме-

Несмотря на позитивную динамику, следует отметить слабую сторону двусторонних отношений. Таковой можно считать относительно низкую интенсивность реализации принятых политических договоренностей. Однако данную характеристику можно рассмотреть в качестве перспективной зоны роста. По мнению авторов, широкое вовлечение политических и предпринимательских кругов в деятельность форматов АСЕАН позволит странам ускорить воплощение всех планов и проектов.

Влияние Ассоциации на укрепление двусторонних отношений России и Камбоджи можно охарактеризовать как значительное. Оба государства реализуют приверженность принципу АСЕАН о нейтралитете во внешней политике, поэтому после начала Специальной военной операции на Украине Хун Сен заявил, что не поддерживает антироссийские санкции западных стран³⁸. Благодаря такому внешнеполитическому курсу двустороннее сотрудничество было продолжено. Позднее в 2022 г. Россия приняла участие в ВАС в Пномпене и в 2023 г. — в Джакарте.

Кроме того, Камбоджа является страной — координатором отношений «Россия — АСЕАН» на период 2021–2024 гг. По словам замглавы отдела АСЕАН МИД Королевства Чун Сованнарит, Камбоджа намерена вывести стратегическое партнерство России и АСЕАН на новую высоту³⁹. Инициативность Камбоджи в данном вопросе уже принесла свои плоды. Благодаря ее посредничеству Россия и АСЕАН приняли план стратегического партнерства на 2021–2025 гг., в котором определены приоритеты обеих сторон и меры, которые им надлежит принять в целях полной

морандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Королевства Камбоджа» // Альта-Софт. 10.05.2016. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/16r00056/> (дата обращения: 05.03.2024).

³⁸ Премьер Камбоджи заявил, что не верит в военную победу Украины, пишут СМИ // РИА Новости. 15.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230615/kambodzha-1878411581.html> (дата обращения: 05.03.2024).

³⁹ The Momentum of ASEAN — Russia Cooperation Continues to Rise // Khmer Times. April 24, 2023. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501278052/the-momentum-of-asean-russia-cooperation-continues-to-rise/> (accessed: 05.02.2023).

реализации потенциала партнерства во всех областях, представляющих взаимный интерес⁴⁰. Данный документ позволил России и АСЕАН сблизить свои интересы во внешнеполитической плоскости и укрепить правовую базу сотрудничества.

В июне 2024 г. Королевская армия Камбоджи и Сухопутные войска России подписали Меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление связей и сотрудничества между армиями двух стран на основе взаимного уважения и помощи. Обе стороны высоко оценили российско-камбоджийское военное сотрудничество и обязались укреплять взаимодействие между армиями двух стран, которое уже добилось устойчивого прогресса для достижения плодотворных результатов⁴¹. Несмотря на то, что данный меморандум охватывает только один вид войск вооруженных сил двух стран, сам факт заключения документа о двустороннем сотрудничестве в военной сфере в период беспрецедентного давления западных стран на Россию свидетельствует о выходе российско-камбоджийских отношений на новый уровень и трансформации России в провайдера безопасности для развивающихся стран.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что отношения России и Камбоджи, реализующиеся

⁴⁰ Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы) // Президент России. 28.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 05.02.2023).

⁴¹ RCA and Russian Ground Forces Sign Cooperation MoU // Khmer Times. June 24, 2024. URL: <https://www.khmertimeskh.com/501510889/rca-and-russian-ground-forces-sign-cooperation-mou/> (accessed: 24.06.2024).

в формате АСЕАН, находятся на пике своего развития. Россия играет важную роль в выстраивании и сохранении баланса сил в АТР. Камбоджа, чья внешняя политика направлена на продвижение инклюзивного, многостороннего подхода к решению международных проблем, основанного на международном праве, принципах справедливости и равенства, заинтересована в присутствии России в регионе. Руководящая роль Камбоджи в АСЕАН в 2002, 2012 и 2022 гг. отражает большее доверие мирового сообщества Камбодже и, следовательно, ее возросшее дипломатическое влияние на международной арене.

На развитие отношений между Россией и Королевством Камбоджа на протяжении всей их истории влияют особенности мировой политической и экономической конъюнктуры. В сложной и противоречивой обстановке в Юго-Восточной Азии, где противостояние США и Китая наиболее заметно, малые государства особенно заинтересованы в том, чтобы иметь сильных друзей для балансирования. Для Камбоджи Россия может стать одним из таких противовесов, снижая зависимость Пномпеня от одной или другой великой державы. Данный курс заметен в шагах двух стран на современном этапе. На данный момент страны стоят на пороге подписания соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Королевством Камбоджа. Кроме того, уже состоялось подписание первого в истории военного соглашения, которое открывает возможности для военно-технического сотрудничества и военных обменов между двумя странами. Данный уровень взаимодействия выступает рекордным в двусторонних отношениях Российской Федерации и Королевства Камбоджа.

Поступила в редакцию / Received: 08.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 16.06.2024

Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Бектимирова Н. Н.* Камбоджа в XXI в.: современные политические процессы. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. EDN: XVWUKL
- Бектимирова Н. Н.* Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 26. С. 114–137. EDN: UNZFTH
- Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). Москва : Сьюита, 1997. EDN: TOHSEN

- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / отв. ред. А. Д. Воскресенский. Москва : МГИМО-Университет, 2010. EDN: PJBXVZ
- Воскресенский А. Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 4. С. 5–26. EDN: MLBEJL
- Канаев Е. А. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3. С. 81–89. EDN: ZTCGRZ
- Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43>; EDN: LRLAQV
- Колдунова Е. В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3. С. 55–66. EDN: ZTCGRF
- Колдунова Е. В. АСЕАН на современном этапе и проблемы региональной стабильности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 28. С. 13–19. EDN: VZENYR
- Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43–59. EDN: HPPSTO
- Костюнина Г. М. Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 441–457. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457>; EDN: ZEWERT
- Локшин Г. М., Кобелев Е. В., Мазырин В. М. Сообщество АСЕАН в современном мире. Москва : ИД «Форум», 2019. EDN: JIQJKP
- Мосяков Д. В. История Камбоджи. XX век. Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. EDN: QPQMKF
- Понька Т. И., Бельченко А. С., Трусова А. А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 518–529. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529>; EDN: ZEWESV
- Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. Москва : Памятники исторической мысли, 2008. EDN: QPKSJB
- Чувилев И. А. Внешняя политика Камбоджи в 2022 году: основные достижения // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XIII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 2 февраля 2023 г. / под ред. Е. А. Достанко. Минск : БГУ, 2023. С. 80–84.
- Bunthorn K. Small State Dilemma: Cambodia Between the ASEAN and China in the Indo-Pacific Context // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Vol. 8, no. 1. P. 116–137. <https://www.doi.org/10.47305/JLIA2281116b>
- Jones L. ASEAN Intervention in Cambodia: From Cold War to Conditionality // The Pacific Review. 2007. Vol. 20, iss. 4. P. 523–550. <https://doi.org/10.1080/09512740701672001>
- Jones L. ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia. London : Palgrave Macmillan, 2012. <https://doi.org/10.1057/9780230356276>
- Keo Duong. Role of ASEAN in Cambodia Conflict: Road Towards Peace Agreement (1979–1991) [MA thesis]. Bangkok : Chulalongkorn University, 2012. URL: https://www.academia.edu/33214683/ASEAN_Role_in_Cambodian_Conflict_Road_towards_Peace_Agreement_1979_1989_pdf (accessed: 24.03.2024).
- Lin J. Cambodia's ASEAN Chairmanship in 2022: Rising above Doubts and Pushing Through a Difficult Year // Southeast Asian Affairs / ed. by Thi Ha Hoang, D. Singh. Singapore : ISEAS Publishing, 2023. P. 89–103. <https://doi.org/10.1355/9789815104189-007>
- Severino R. C. ASEAN Beyond Forty: Towards Political and Economic Integration // Contemporary Southeast Asia. 2007. Vol. 29, no. 3. P. 406–423.
- Strangio S. Hun Sen's Cambodia. New Haven, CT : Yale University Press, 2014.
- Var V. Cambodia's South China Sea Policy: From ASEAN Aligned to Echoing Chinese Clientism // Security, Strategy, and Military Dynamics in the South China Sea / ed. by G. Houlden, S. Romaniuk, Nong Hong. Bristol : Bristol University Press, 2021. P. 193–214. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781529213454.003.0011>

Сведения об авторах:

Пичхун Паня — Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Камбоджа в России, посольство Королевства Камбоджа в России; e-mail: panhapk@yahoo.com

Юок Усапеа — торговый атташе, посольство Королевства Камбоджа в России; e-mail: yuokphea2015@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-439-449

EDN: YSYTJA

Научная статья / Research article

Роль Мьянмы в китайской инициативе «Пояс и путь»

Д.В. Мосяков¹ , М.А. Шпаковская² , Т.И. Понька² ¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерацияmosyakov.d@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено значение Мьянмы для формирования китаецентричного макрорегиона посредством инициативы «Пояса и пути». Авторы опираются на теорию транзита власти, которая позволяет объяснить механизмы происходящей смены глобального лидерства в мировой системе и связанные с этим региональные процессы. Исследование построено на принципах историзма, научной объективности и достоверности. В первой части изучена китайская инициатива «Пояс и путь» как геостратегический инструмент КНР. Проанализированы особенности ее развития и стратегические результаты ее реализации. В частности, подчеркивается, что данная инициатива направлена на формирование китаецентричного макрорегионального пространства. Во второй части рассмотрены роль и место Мьянмы в рамках китайской инициативы «Пояса и пути». Подчеркивается, что Мьянма, будучи пограничным государством, является незаменимым элементом в реализации сухопутных и энергетических транспортных коридоров макрорегионального значения. Географическое расположение этого государства позволяет Китаю обеспечить выход в Индийский океан, являющийся транзитным регионом для энергоресурсов, а также преодолеть одну из стратегических уязвимостей своего геополитического положения — «Малаккскую дилемму». В условиях стратегической конкуренции США и КНР повышается важность обеспечения стабильности в критической близости от государственных границ КНР, особенно в условиях отсутствия стабильного внутригосударственного положения в Мьянме. Среди дополнительных факторов авторы уделяют внимание значению настроений государственных и местных элит для развития данной инициативы. Особенно показательным в данной связи стал анализ реакции Китая на военный переворот в Мьянме, произошедший в феврале 2021 г. По идеологическим и дипломатическим причинам, а также благодаря реалистичному пониманию политического баланса сил в Мьянме Пекин открыто демонстрирует поддержку военного режима. Авторы приходят к выводу, что КНР рассматривает Мьянму в качестве ключевого элемента своей политической и торгово-экономической деятельности в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: торгово-экономическое сотрудничество, инвестиции, китаецентричный порядок, военный переворот

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И. Роль Мьянмы в китайской инициативе «Пояс и путь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 439–449. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-439-449>

© Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Myanmar's Role in China's Belt and Road Initiative

Dmitry V. Mosyakov¹ , Marina A. Shpakovskaya² , Tatiana I. Ponka²

¹Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

mosyakov.d@gmail.com

Abstract. This study examines the importance of Myanmar for the formation of a Sino-centric macro-region through the Belt and Road Initiative (BRI). The authors rely on the transit of power theory that helps to analyze systemic imperatives and internal characteristics of China's foreign policy. The authors applied the principles of historicism, scientific objectivity and reliability. In the first part of the work, the Chinese Belt and Road initiative is studied as a geostrategic tool of the People's Republic of China (PRC). The authors consider the features of its development and the strategic results of its implementation. In particular, the article emphasizes that this initiative is aimed at the formation of a Sino-centric macro-regional space. Based on this, the role of Myanmar is characterized as essential. The geographical location of this state allows China to gain access to the Indian Ocean, a transit region for energy resources, as well as to overcome one of the strategic vulnerabilities of its geopolitical position — the 'Malacca dilemma.' Moreover, as a border state, Myanmar is an indispensable link in the implementation of land and gas energy transport corridors of macro-regional importance. Finally, in the context of strategic competition between the United States and China, the importance of ensuring stability in critical proximity to the PRC's state borders is growing, especially in the absence of a stable internal state situation in Myanmar. Among the additional factors, the authors highlight the importance of the mood of state and local elites for the development of this initiative. In this regard, the analysis of China's reaction to the military coup in Myanmar in February 2021 was particularly indicative that Myanmar is of key importance because of its strategic location between China and the Indian Ocean, as well as its resource potential.

Key words: trade and economic cooperation, investments, Sino-centric order, military coup

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the development of the design, research and preparation of the text of the article.

For citation: Mosyakov, D. V., Shpakovskaya, M. A., & Ponka, T. I. (2024). Myanmar's role in China's Belt and Road Initiative. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 439–449. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-439-449>

Введение

Процесс трансформации Китая из периферийного государства в один из глобальных центров мира стал одним из ключевых элементов развития международных процессов на рубеже XX–XXI вв. Высокие темпы роста и в целом динамичное развитие китайской экономики создали предпосылки для дальнейшей конвертации экономической мощи Китайской Народной Республики (КНР) в ее политическую и военную силу. Поэтому превращение КНР в крупнейшую экономику мира имело не только экономическое, но и геополитическое значение (Лауне, 2012, р. 206).

После «однополярного момента» 1990-х гг.¹ и «плюралистической однополярности»

(Богатуров, 1996) 2000-х гг. вновь наступает период стратегической неопределенности. Глобальное соперничество разворачивается в политической, технологической, экономической, военной, а также идеологической сферах с постепенным расколом мира на соответствующие зоны влияния («декаплинг»). Стратегическая конкуренция КНР и США, вызванная транзитом власти — перераспределением комплексной мощи от США к КНР, — выступает фактором, способным влиять на траекторию развития всей международной системы в среднесрочной перспективе (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 213).

Повышение стратегической неопределенности на глобальном уровне, характеризующейся конфликтами, санкциями и торговыми войнами, привело к решению китайского внешнеполитического руководства

¹ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70, no. 1. P. 23–33.

перейти от активного участия в глобальном управлении в роли ответственного участника к собственным стратегическим инициативам на региональном и макрорегиональном уровнях (Виноградов, 2021, с. 23–32). Флагманским проектом в этом контексте выступает инициатива «Пояс и путь», в рамках которой создается не просто интеграционное объединение или сеть партнерских отношений, но китаецентричный макрорегион из государств Азии, Африки и некоторых стран Восточной Европы.

В этих условиях особую значимость стали приобретать сопредельные страны, которые, как отмечал председатель КНР Си Цзиньпин, «имеют весьма важное стратегическое значение для нашей страны как с точки зрения географического расположения и природной окружающей среды, так и с точки зрения взаимных отношений»².

Будучи развивающимся государством, соседствующим с более развитым Китаем, Мьянма с момента обретения независимости в отношениях с КНР пыталась придерживаться политики нейтралитета, оставаясь вне соперничества между странами стратегического треугольника США — СССР — Китай, а затем между Китаем и Вьетнамом в субрегионе бассейна р. Меконг (Maung, 2011). После военного переворота в сентябре 1988 г. из-за изменения баланса сил в Юго-Восточной Азии Мьянма перешла от нейтральной политики к тесным отношениям с Китаем (*Dictatorship, Disorder and Decline in Myanmar*, 2008). С 2011 г. Мьянма, сохранив тесное взаимодействие с Китаем, осуществляет шаги по балансированию его влияния, которое все активнее распространяется благодаря реализации инициативы «Пояс и путь» (Gong, 2020).

В этой связи актуальной выглядит цель исследования, которая заключается в выявлении значения Мьянмы для формирования китаецентричного макрорегиона посредством инициативы «Пояс и путь». Теоретическим

фундаментом исследования выступает уходящая корнями в логику наступательного реализма теория транзита власти (*power transition theory*), позволяющая рассматривать внешнеполитические усилия КНР в Мьянме в контексте реализации собственной инициативы как элемента более масштабной стратегической задачи (Organski, 1958). Такой задачей служит ревизия сложившейся системы международных отношений и достижение более выгодного для Китая мирового порядка.

На данном этапе значимым инструментом КНР по формированию стабильной макрорегиональной среды выступает инициатива «Пояс и путь», мироустроительные особенности которой наиболее ярко проявляются в сопредельных странах.

Инициатива «Пояс и путь» как геополитический инструмент

Превращение КНР из региональной державы в глобальную с соответствующим экономическим ростом подтолкнуло Пекин к созданию геополитических проектов, нацеленных на выход на мировые рынки и обеспечение стабильного потока природных ресурсов, необходимых для поддержания экономической стабильности. Первым таким проектом стала инициатива «Пояс и путь». Ее создание также связано с личностью Си Цзиньпина, в 2012 г. ставшего генеральным секретарем Коммунистической партии Китая, а в 2013 г. — председателем КНР. Целью новой инициативы стало развитие торгово-экономических отношений и улучшение связей между Китаем и Африкой, Европой, Ближним Востоком, а также Центральной, Южной и Юго-Восточной Азией³.

В отличие от многих предыдущих схожих проектов Европейского союза, России, Японии или США Китай основывает свою инициативу на значительных средствах, ссужаемых государствам по привлекательным ставкам (Volosyuk & Phyo Naing, 2019, p. 305).

² Си Ц. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 420.

³ China's Myanmar Dilemma // International Crisis Group: Asia Report. 2009 (September 14). No. 177. P. 34. URL: <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/177-china-s-myanmar-dilemma.pdf> (accessed: 14.04.2022).

По разным оценкам, стоимость всех проектов в рамках «Пояса и пути» составляет более 4 трлн долл. США, которые Китай намерен вложить совместно со странами-партнерами⁴.

Инициатива «Пояс и путь» состоит из двух компонентов — «Морского Шелкового пути XXI века» и «Экономического пояса Шелкового пути» (Намжилова, 2018, с. 66).

Первый проект — «Морской Шелковый путь XXI века» — направлен на укрепление позиций китайских компаний в развитии портовой сети между Китаем и Европой через традиционный маршрут, который проходит через Малаккский пролив и Суэцкий канал и включает развитие нескольких портов и железных дорог на Африканском континенте.

Вторая часть инициативы «Пояс и путь» представляет собой проект «Экономический пояс Шелкового пути» и предусматривает создание шести транспортных коридоров, соединяющих Китай с Европой и охватывающих весь Азиатский континент (Лебедева, 2010, с. 46). Ключевыми элементами этого проекта являются три транспортных коридора. В рамках первого — Нового шелкового пути, или Евразийского сухопутного моста, — предполагается развитие инфраструктуры с целью соединить Китай и Европу через территории России и стран Центральной Азии. Вторым коридором Китай — Центральная Азия — Западная Азия подразумевается создание транспортных маршрутов между Китаем и Юго-Западной Азией через территорию центральноазиатских государств с последующим выходом к водам Персидского залива и Средиземного моря. В рамках последнего, третьего транспортного коридора «Китай — Пакистан» планируется развивать инфраструктуру, связывающую КНР и Индийский океан через территорию стран Южной Азии. Три других коридора должны завершить сеть вышеозначенных сухопутных маршрутов: коридор Китай — Монголия — Россия, проходящий через Трансмонгольскую и Транссибирскую магистрали; коридор Бангладеш —

Китай — Индия — Мьянма; коридор Китай — п-ов Индокитай через Северный Лаос.

Каждый из указанных проектов обеспечивает Китаю выход в мировое геоэкономическое пространство. В этом ключе особую роль играет Индокитайский п-ов, особенно такие страны, как Мьянма и Лаос. На сегодняшний день основной морской путь, через который осуществляется торговля с КНР, проходит через Малаккский пролив. Безопасность в водах этого пролива является очень важной в контексте обеспечения экономического роста Китая. Поэтому Пекин прилагает усилия для развития альтернативных сухопутных и морских маршрутов, например проходящих через территорию стран Юго-Восточной Азии. Таким образом, Пекин обеспечивает себе доступ к побережью Индийского океана, что, в свою очередь, позволяет избежать «Малаккской дилеммы»⁵. Вместе с тем совершенствование инфраструктуры в сопредельных регионах позволяет придать дополнительный импульс для внутреннего развития КНР. Например, в случае с Мьянмой реализация китайских транспортно-логистических проектов создаст новые возможности для провинции Юньнань, которая не имеет прямого выхода к морю. При этом важно отметить, например, что более 80 % экспорта Мьянмы в Китай и 40 % импорта из Китая осуществляется через территорию этой провинции (Singh, 2016).

Инвестиции КНР в стратегические проекты Мьянмы в рамках инициативы «Пояс и путь»

С 2013 г. КНР начала активно наращивать свою экономическую активность в Мьянме (Ананьин, 2013, с. 124), однако только после победы Национальной лиги за демократию (НЛД) на выборах в 2015 г.⁶ Нейпидо активно включился во взаимодействие с Пекином.

⁵ 'Malacca Dilemma' a Major Security Challenge for PRC // Indo-Pacific Defense FORUM. October 27, 2023. URL: <https://ipdefenseforum.com/2023/10/malacca-dilemma-a-major-security-challenge-for-prc/> (accessed: 14.04.2023).

⁶ Dinmore G. NLD Wins Absolute Majority in Parliament // The Myanmar Times. November 13,

⁴ Our Bulldozers, Our Rules // The Economist. July 2, 2016. URL: <https://www.economist.com/china/2016/07/02/our-bulldozers-our-rules> (accessed: 14.04.2022).

В 2015 г. Мьянма участвовала в создании нового международного финансового института, учрежденного Китаем, — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ)⁷. Ее доля от общей капитализации в абсолютном выражении составила 264,5 млн долл. США⁸.

В апреле 2016 г. министр иностранных дел Китая Ван И посетил Мьянму, став первым высокопоставленным иностранным чиновником, прибывшим в страну после создания нового правительства⁹. Четыре месяца спустя До Аун Сан Су Чжи посетила Китай в качестве государственного советника¹⁰ Мьянмы. По итогам этого визита обе стороны подтвердили приверженность политике добрососедства и согласились продолжить сотрудничество в целях укрепления взаимовыгодного партнерства в различных областях¹¹.

2015. URL: <https://web.archive.org/web/20160205084501/http://www.mmmtimes.com/index.php/national-news/17623-nld-wins-absolute-majority-in-parliament.html> (accessed: 14.04.2022).

⁷ Asian Infrastructure Investment Bank Articles of Agreement // АИВ. URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/basic-documents/download/articles-of-agreement/basic_document_english-bank_articles_of_agreement.pdf (accessed: 14.04.2022).

⁸ Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank (АИВ) // АИВ. May 15, 2024. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 14.05.2022).

⁹ Wang Yi Holds Talks with Foreign Minister Aung San Suu Kyi of Myanmar // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of the Philippines. April 5, 2016. URL: http://ph.china-embassy.gov.cn/eng/chinew/201604/t20160407_1159838.htm (accessed: 14.04.2022).

¹⁰ Согласно принятой 29 мая 2008 г. Конституции Республики Союза Мьянмы, кандидат в президенты, а также его родители, супруг или супруга, один из детей и его супруг(-а) не могут иметь иностранное гражданство. Двое сыновей До Аун Сан Су Чжи, лидера партии НДЛ, являются гражданами Великобритании. Поэтому в правительстве Мьянмы была создана новая должность — государственный советник, эквивалентная посту премьер-министра. См.: Cochrane L. Aung San Suu Kyi to Become 'State Counsellor' of Myanmar // ABC News. April 5, 2016. URL: <https://www.abc.net.au/news/2016-04-05/aung-san-suu-kyi-to-become-state-counsellor/7301994> (accessed: 14.04.2022).

¹¹ Joint Press Release Between the People's Republic of China and the Republic of the Union of Myanmar //

В апреле 2017 г. президент Мьянмы Тхин Чжо совершил первый официальный визит в КНР, по итогам которого было достигнуто соглашение по реализации давно остановленного проекта китайско-мьянманского нефтепровода¹².

В мае 2017 г. Мьянма присоединилась к инициативе «Пояс и путь». Тогда в ходе визита До Аун Сан Су Чжи в Пекин на полях первого международного форума «Пояса и пути» был подписан меморандум о взаимопонимании «О сотрудничестве в рамках Экономического пояса Шелкового пути и Инициативы Морского Шелкового пути XXI века»¹³. В рамках инициативы территория Мьянмы становилась частью двух экономических коридоров: Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма и Китай — п-ов Индокитай.

В сентябре 2018 г. был подписан новый меморандум о взаимопонимании, согласно которому оба государства планировали создать китайско-мьянманский экономический коридор (КМЭК)¹⁴, который должен был соединить китайскую провинцию Юньнань через основные экономические центры Мьянмы, такие как Мандалай и Янгон, со специальной экономической зоной (СЭЗ) Кьяукпью в штате Ракхайн¹⁵. Как отмечается, реализация данного проекта может стать начальной фазой развития экономического коридора «Бангладеш — Китай — Индия —

Chinalawinfo. August 20, 2016. URL: <https://lawinfochina.com/display.aspx?id=7651&lib=tax&SearchKeyword=&SearchCKeyword=&EncodingName=gb2312> (accessed: 14.04.2022).

¹² Li X. Myanmar Oil Pipeline Deal Reached in Beijing // China Daily. April 11, 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/11/content_28868541.htm (accessed: 14.04.2022).

¹³ Yhome K. The BRI and Myanmar's China Debate // ORF. July 11, 2018. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/bri-myanmar-china-debate> (accessed: 14.04.2022).

¹⁴ Lwin N. Gov't Signs MoU with Beijing to Build China — Myanmar Economic Corridor // The Irrawaddy. September 13, 2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/govt-signs-mou-beijing-build-china-myanmar-economic-corridor.html> (accessed: 14.05.2022).

¹⁵ Lwin N. China's Six Belt and Road Projects in Myanmar to Watch in 2019 // The Irrawaddy. January 24, 2019. URL: <https://www.irrawaddy.com/specials/chinas-six-belt-road-projects-myanmar-watch-2019.html> (accessed: 14.05.2022).

Мьянма»¹⁶. Кроме того, создание нового проекта в рамках «Пояса и пути» стало актом поддержки со стороны Пекина в адрес мьянманского правительства, которое подверглось международному давлению в связи с кризисом рохинджа¹⁷.

По предложению КНР в рамках КМЭК планировалось реализовать около 38 проектов, однако Мьянма одобрила только 9 из них¹⁸. Ключевыми являются следующие: глубоководный порт и СЭЗ в Кьяукпью, железная дорога Мусхэ — Мандалай и три зоны экономического сотрудничества в штатах Качин и Шан.

Соглашение о реализации проекта глубоководного морского порта Кьяукпью было подписано в ноябре 2018 г.¹⁹ По прогнозам, в случае его реализации в течение следующих 50 лет только налоговые поступления от новой портовой инфраструктуры составят 6,5 млрд долл. США, а от промышленной зоны — 7,8 млрд долл. США²⁰. Кроме того, глубоководный порт Кьяукпью станет первым международным портом Мьянмы, что позволит экспортировать местную продукцию в страны Южной Азии, Африки и Европы напрямую, а не через Сингапур и Малайзию²¹.

¹⁶ Lwin N. Potential Environmental and Social Impacts of Chinese Mega-Projects in Myanmar Raise Concerns // The Irrawaddy. November 19, 2019. URL: <https://www.irrawaddy.com/opinion/analysis/potential-environmental-social-impacts-chinese-mega-projects-myanmar-raise-concerns.html> (accessed: 14.05.2022).

¹⁷ Yhome K. The BRI and Myanmar's China Debate // ORF. July 11, 2018. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/bri-myanmar-china-debate> (accessed: 14.04.2022).

¹⁸ Lwin N. In Myanmar, China's BRI Projects Are Old Wine in a New Bottle // The Irrawaddy. November 8, 2019. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/in-myanmar-chinas-bri-projects-are-old-wine-in-a-new-bottle.html> (accessed: 14.06.2024).

¹⁹ Kyaukphyu Deep Seaport // Myanma Port Authority. URL: <https://www.mpa.gov.mm/ports/kyaukphyu-deep-sea-port/> (accessed: 14.06.2024).

²⁰ The Belt and Road Initiative in ASEAN — Myanmar // HKUST IEMS Reports. December 2020. No. 2021-04. P. 13. URL: https://iems.ust.hk/assets/publications/reports/2021/uob/hkustiems-uob_bri_myanmar.pdf (accessed: 14.06.2024).

²¹ Myanmar, China Ink Addendum for Kyaukphyu Deep Seaport Project // The Global New Light of Myanmar. December 27, 2023. URL: <https://www.gnlm.com.mm/myanmar-china-ink-addendum-for-kyaukphyu-deep-seaport-project/> (accessed: 14.06.2024).

Однако, по мнению западных исследователей, новый порт может иметь двойное назначение, прекрасно вписываясь в китайскую концепцию «Нить жемчуга», в рамках которой планируется создать сеть пунктов логистической поддержки для обеспечения деятельности кораблей гражданского и военного флота КНР в Индийском океане. Хотя конституция Мьянмы не допускает иностранного военного присутствия в стране, остается открытым вопрос о том, хватит ли у правительства возможностей эффективно сдерживать использование Китаем порта для сбора разведанных и других геополитических целей (Kobayashi & King, 2022, p. 1030).

План строительства китайско-мьянманской железной дороги существовал еще в 2011 г., однако он так и не был реализован из-за протестов со стороны местного населения²². Тогда предполагалось соединить железной дорогой города Жуйли и Кьяукпью через Мусхэ. Только в октябре 2018 г. было подписано новое соглашение между компаниями *China Railway Eryuan Engineering Group* и *Myanmar Railways*²³, после чего началась работа над технико-экономическим обоснованием строительства.

В августе 2019 г. был объявлен предварительный маршрут новой железной дороги: он должен был состоять из 36 станций, проходящих через 11 населенных пунктов, и, по прогнозам, обойдется примерно в 7 млрд долл. США²⁴. Предполагалось, что в итоге железная дорога будет продлена до Кьяукпью и дополнена скоростной автострадой.

²² Lwin N. China-backed Muse — Mandalay Railway to Cost \$9 Billion // The Irrawaddy. May 14, 2019. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/china-backed-muse-mandalay-railway-cost-9-billion.html> (accessed: 14.06.2024).

²³ China, Myanmar Look into Railway Project Linking Muse to Mandalay // SCMP. October 23, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2169878/china-myanmar-look-railway-project-linking-muse-mandalay> (accessed: 14.06.2024).

²⁴ The Belt and Road Initiative in ASEAN — Myanmar // HKUST IEMS Reports. December 2020. No. 2021-04. P. 12. URL: https://iems.ust.hk/assets/publications/reports/2021/uob/hkustiems-uob_bri_myanmar.pdf (accessed: 14.06.2024).

Развитие и модернизация железнодорожной инфраструктуры Мьянмы позволило бы, с одной стороны, связать ключевые торговые центры страны с китайской провинцией Юньнань, а с другой — открыть дорогу для китайских товаров в Бенгальский залив, минуя Малаккский пролив.

13 июля 2018 г., после визита министра торговли Мьянмы У Тан Мьинта в Китай, мьянманское правительство обнародовало информацию о местах, где предусматривалось создание зон экономического сотрудничества²⁵. Все три зоны располагались вдоль китайско-мьянманской границы: «Пограничная экономическая зона Канпикети» в штате Качин, «Пограничная экономическая зона Чин Шве Хо» в г. Лауккай и «Пограничная экономическая зона Мусэ» в г. Мусэ штата Шан. В создаваемых зонах планировалось разместить торговые и перерабатывающие комплексы, малые и средние промышленные предприятия, торгово-логистические центры и центры по упаковке сельскохозяйственной продукции для экспорта в материковый Китай.

Отдельно можно выделить проект «Новый Янгон», который также включен в рамки КМЭЖ и представляет собой план развития бывшей столицы Мьянмы. Проект позволит создать новые рабочие места и разгрузить инфраструктуру Янгона, который является одним из быстрорастущих городов страны. Первоначально проект развития Янгона появился в 2014 г. во время пребывания у власти Партии солидарности и развития Союза (ПСРС), однако его реализация была омрачена общей непрозрачностью сделки, а также опасениями по поводу возросшего риска наводнений²⁶. К реализации инициативы вернулись в 2017 г., когда правительство во главе с НЛД выбрало в качестве единственного застройщика компанию *New Yangon*

Development Company (NYDC), полностью принадлежащую региональному правительству Янгона. В целом проект, первоначальным подрядчиком которого выступала *China Communications Construction Company* (CCCC), занимает видное место в официальной программе сотрудничества Мьянмы и Китая.

Политико-дипломатическое сопровождение геостратегической инициативы КНР в Мьянме

Успех китайских инвестиционных проектов в Мьянме тесно связан с развитием мирного процесса между правительством и этническими вооруженными организациями (ЭВО), базирующимися в районе китайско-мьянманской границы. Например, создаваемые в рамках КМЭЖ экономические зоны находятся очень близко к зоне конфликта между ЭВО и вооруженными силами Мьянмы²⁷.

Китай является не только заинтересованной стороной, но и влиятельным актором, воздействующим на внутривластную ситуацию в Мьянме, что обусловлено распространённостью китайского языка, валюты, товаров и даже образовательных услуг в северной и восточной части пограничного штата Шан (Roy, 2022, p. 80).

Следует отметить, что Пекин и раньше участвовал в миротворческих процессах и межнациональном диалоге в Мьянме (Симония, 2017). Например, когда в середине 2011 г. вспыхнул конфликт в штате Качин, КНР выступила в качестве посредника, проведя в г. Жуйли пять раундов переговоров между мьянманским правительством и Организацией независимости Качина²⁸.

Начиная с 2010-х гг. правительство Мьянмы предприняло ряд попыток договориться с многочисленными ЭВО, и в результате

²⁵ Lwin N. Govt Approves Sites for 3 New Economic Zones Along China Border // *The Irrawaddy*. July 13, 2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/business/govt-approves-sites-3-new-economic-zones-along-china-border.html> (accessed: 14.06.2024).

²⁶ New Yangon City // *The People's Map of Global China*. April 20, 2021. URL: <https://thepeoplesmap.net/project/new-yangon-city/> (accessed: 14.04.2022).

²⁷ Topcu N. A Relationship on a Pipeline: China and Myanmar // *China Research Center*. 2020. Vol. 19, no. 3. URL: https://www.chinacenter.net/2020/china_currents/19-3/a-relationship-on-a-pipeline-china-and-myanmar/ (accessed: 14.04.2022).

²⁸ Li J. China's Conflict Mediation in Myanmar: Examining How China's Interest and Relationships Fit into the Conflict // *The Henry L. Stimson Center*. 2020. URL: <https://www.stimson.org/2020/chinas-conflict-mediation-in-myanmar/> (accessed: 10.04.2022).

в 2015 г. было подписано Общенациональное соглашение о прекращении огня, однако к договору не присоединились семь ЭВО на севере страны, на границе с КНР (за исключением Армии Аракана, действующей в штате Ракхайн на западе страны): Организация независимости Качина, Армия Национального демократического альянса Мьянмы, Партия прогресса штата Шан, Объединенная партия государства Ва, Армия демократического альянса народностей Мьянмы и Армия национального освобождения Та-ан (Latt, 2022). Эти ЭВО объединились в Федеральный комитет по политическим переговорам и консультациям (*Federal Political Negotiations and Consultation Committee, FPNCC*) с целью проведения дальнейших переговоров с Нейпидо.

В феврале 2015 г. на территории самоуправляемой зоны Коканг в штате Шан вспыхнул конфликт между Армией Национального демократического альянса Мьянмы и мьянманской армией. 13 марта 2015 г. в ходе боестолкновений ВВС Мьянмы нанесли авиаудар, в результате которого погибли четыре китайских фермера и еще девять человек получили ранения. В этой связи китайское правительство призвало противоборствующие стороны сесть за стол переговоров, и в июне 2015 г. было объявлено о прекращении огня²⁹.

В 2016–2019 гг. Мьянма столкнулась с нарастанием конфликта в регионе Шан, и КНР вновь использовала свой посреднический потенциал для стабилизации ситуации. С одной стороны, Пекин оказывал влияние на северные ЭВО. В марте 2017 г. специальный представитель КНР Сунь Госян во время встречи в Куньмине убедил их остановить все наступательные действия³⁰. С другой

стороны, Пекин также надавил на Нейпидо с целью остановить наступательные действия и принудить мьянманское правительство решить спорные вопросы мирным путем, и действия КНР способствовали началу переговоров в декабре 2018 г. (Latt, 2022, p. 97). Кроме того, Пекин выделял средства на финансирование мирного процесса. Например, в ноябре 2019 г. КНР пожертвовала Мьянме 1 млн долл. США, что стало четвертым подобным пожертвованием такого рода³¹.

Достижение мира в стране было особенно важно на фоне негативной реакции местного населения на деятельность КНР в Мьянме, рассматриваемую как посягательство на независимость последней. В частности, в 2011 г. реализация проекта ГЭС Мьитсоне на р. Иравади столкнулась с масштабным сопротивлением со стороны местных жителей (Wai, 2020, p. 384). Дело в том, что эта река пересекает страну с севера на юг, ее протяженность составляет более 2000 км, бассейн занимает 411 тыс. км², то есть более 61 % площади всей страны³². Более того, р. Иравади имеет историческое, культурное и символическое значение для качинов и бирманцев — двух основных этнических групп, проживающих на ее берегах.

Таким образом, Китай подталкивал ЭВО к подписанию соглашения о прекращении огня для достижения стабильности в зоне реализации проекта КМЭК, что позволило бы осуществить крупные инфраструктурные проекты в Мьянме, особенно в приграничной зоне. Вместе с тем Китаю необходимо сбалансировать отношения между правительством Мьянмы и ЭВО на долгосрочной основе, чтобы обеспечить безопасность для своих инвестиций.

²⁹ McLaughlin T., Yadana Zaw H. Under Pressure from China, Kokang Rebels Declare Myanmar Ceasefire // Reuters. 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/us-myanmar-rebels-ceasefire-idUSKBN0OR0T120150611> (accessed: 10.04.2022).

³⁰ Weng L. Chinese Envoy Asks Northern Alliance to Halt Offensives // The Irrawaddy. March 15, 2017. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/chinese-envoy-asks-northern-alliance-halt-offensives.html> (accessed: 10.04.2022).

³¹ Htwe Z. Z. China Gives \$1 Million to Myanmar for Peace Process // The Irrawaddy. November 8, 2019. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/china-gives-1-million-myanmar-peace-process.html> (accessed: 15.05.2022).

³² Owen L., Leinbach T. R. Irrawaddy River // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Irrawaddy-River> (accessed: 15.05.2022).

Влияние военного переворота на развитие инициативы «Пояс и путь» в Мьянме

Военный переворот, произошедший в феврале 2021 г., поставил под вопрос дальнейшую реализацию китайских инвестиционных проектов в стране. Мьянма столкнулась с политической нестабильностью и стычками между военными и протестующими гражданскими. Кроме того, в стране росли антикитайские настроения, так как КНР в целом поддержала новое правительство Мьянмы. Например, заявление Совета Безопасности ООН, осуждающее захват власти в Мьянме военными, было заблокировано Китаем и Россией³³. Это свидетельствовало о готовности Пекина вести бизнес с военным режимом, даже несмотря на потерю благосклонности населения. Ориентацию КНР на пришедших к власти военных продвигают идеологи провоенной ПСРС, которые имеют деловые интересы в Китае и в настоящее время составляют большинство в высшем органе власти Мьянмы — Государственном административном совете.

Кроме того, стратегический характер интересов в Мьянме ставит Китай в положение уязвимости перед лицом захвата власти генералами. Пекину необходимо поддерживать конструктивные отношения с любой политической элитой, которая обладает реальной властью. К этому следует добавить идеологическую и дипломатическую инерцию, коренящуюся в приверженности Китая публичной позиции невмешательства на международной арене. Это особенно важно в условиях растущей напряженности между Китаем и США (Wai, 2020, p. 379).

Экономические прогнозы для Мьянмы после переворота тревожны: ВВП сократился по меньшей мере на 10 %³⁴, что вкупе с недавними предложениями о переориентации

ряда проектов в сторону более прибыльных демонстрирует влияние переворота на перспективы реализации проектов в рамках КМЭК в Мьянме, поскольку рентабельность предлагаемой инфраструктуры во многом зависит от темпов роста экономики Мьянмы. Если мьянманская экономика не преодолит негативные тенденции в ближайшем будущем, Китай рискует воспроизвести пакистанский и шри-ланкийский сценарий, где мегапроекты превратились в долговые ловушки из-за низкой рентабельности инфраструктуры.

В этой связи после относительной стабилизации ситуации в стране военное правительство приняло ряд мер, связанных со стремлением получить большую политическую поддержку Пекина за счет активизации деятельности в рамках КМЭК. В первую очередь были реорганизованы основные комитеты, ответственные за проекты «Пояса и пути» и в целом за торгово-экономическое сотрудничество с КНР³⁵. Также в марте 2021 г. Нейпидо дал добро на реализацию проекта стоимостью 2,5 млрд долл. США, предусматривающего строительство завода по производству сжиженного природного газа *Mee Lin Gyang* в регионе Иравади (Sigit, Setiawan & Bachtiar, 2022, p. 83).

В целом Пекин пытается оказать поддержку Мьянме и одновременно защитить свои инвестиции в стране. Однако сниженная рентабельность последних и непопулярность отдельных проектов, таких как ГЭС Мьитсоне, напротив, могут превратить эти инвестиции в риски и долговые ямы, а не в возможности (Ahamed, Rahman & Hossain, 2020, p. 321).

Кроме того, экономические санкции в отношении Мьянмы, введенные Министерством финансов США, вполне могут стать беспрецедентным вызовом для китайских компаний в Мьянме. США уже включили

³³ Myanmar Coup: China Blocks UN Condemnation as Protest Grows // BBC News. 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-55913947> (accessed: 30.06.2022).

³⁴ The World Bank in Myanmar // World Bank. April 3, 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/myanmar/overview> (accessed: 14.03.2024).

³⁵ Myanmar Junta Implementing China's BRI Projects by Stealth // The Irrawaddy. July 23, 2021. URL: <https://www.irrawaddy.com/opinion/analysis/myanmar-junta-implementing-chinas-bri-projects-by-stealth.html> (accessed: 14.04.2022).

Государственный административный совет под председательством генерала Мин Аун Хлайна в свой санкционный список³⁶.

Заключение

Подытоживая все вышеизложенное, следует отметить, что Китай всегда был приоритетом во внешней политике Мьянмы с момента обретения ею независимости в 1948 г.

С точки зрения теории транзита власти политика Мьянмы в отношении КНР зависит от китайско-американского соперничества и стратегических предпочтений мьянманского руководства. В частности, экономическая и политическая конкуренция между Китаем и США создает ограниченную инклюзивную внешнюю среду, которая создает для Мьянмы как риски, так и выгоды. Инициатива «Пояс и путь» имеет ключевое значение для КНР и влечет за собой весомые изменения в регионе. В рамках «Пояса и пути» Мьянма представляет ключевое значение вследствие ее страте-

гического расположения между Китаем и Индийским океаном, а также ресурсного потенциала. Значимость Мьянмы подтверждает компромиссная позиция Китая после военного переворота февраля 2021 г. По идеологическим и дипломатическим причинам, а также благодаря реалистичному пониманию политического баланса сил в Мьянме Китай открыто демонстрирует поддержку военного режима. Кроме того, КНР также поддерживает процесс национального примирения в Мьянме благодаря наработанным политическим связям с различными ЭВО, действующими преимущественно на севере страны.

Однако, несмотря на это, тесное взаимодействие с Китаем оказывает негативное влияние на самостоятельность Мьянмы, которая постепенно становится все более зависимой от КНР. Поскольку в двусторонних отношениях очевидно доминирование Китая, взаимозависимость двух стран приобретает асимметричный характер. Кроме того, антикитайские настроения в бирманском обществе могут поставить под сомнение авторитет правительства Мьянмы.

³⁶ Burma Sanctions // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/burma-sanctions/> (accessed: 14.04.2022).

Поступила в редакцию / Received: 04.05.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 25.04.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Ананьин М. А. Внутренняя политика независимого государства и стратегические интересы мировых держав (опыт Мьянмы) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2013. Т. 6, № 4. С. 118–128. EDN: ROXWIF
- Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // *Свободная мысль*. 1996. № 2. С. 25–36. EDN: WCAPKZ
- Виноградов А. В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 3. С. 23–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-23-32>; EDN: CTWDQV
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 2. С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>; EDN: PXYZEE
- Лебедева Н. Б. Треугольник «Индия — Мьянма — Китай» (проблемы и компромиссы взаимодействия) // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2010. № 15. С. 46–78; EDN: NULFNH
- Намжилова В. О. Экономические коридоры на евразийском пространстве: инициативы Китая и мировой опыт // *Россия и АТР*. 2018. № 1. С. 65–81. EDN: YWJEZN
- Симония А. А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2017. № 34. С. 171–187. EDN: ZELRTX

- Ahamed A., Rahman M. S., Hossain N. China — Myanmar Bilateral Relations: An Analytical Study of Some Geostrategic and Economic Issues // *Journal of Public Administration and Governance*. 2020. Vol. 10, no. 3. P. 321–343. <https://doi.org/10.5296/jpag.v10i3.17704>
- Dictatorship, Disorder and Decline in Myanmar / ed. by M. Skidmore, T. Wilson. Canberra : ANU Press, 2008. <http://doi.org/10.22459/DDDM.12.2008>
- Gong Xue. Understanding the Belt and Road Initiative in Myanmar: A Socio-Political and Economic Approach // *China and the World*. 2020. Vol. 3, no. 4. Art. 2050016. <https://doi.org/10.1142/S2591729320500169>
- Kobayashi Y., King J. Myanmar's Strategy in the China — Myanmar Economic Corridor: A Failure in Hedging? // *International Affairs*. 2022. Vol. 98, no. 3. P. 1013–1032. <https://doi.org/10.1093/ia/iaac049>
- Latt L. Ch. China's Involvement in Myanmar's Peace Negotiations: An Analysis with Special Emphasis on the Non-Interference Principle // *Journal of the Asia — Japan Research Institute of Ritsumeikan University*. 2022. Vol. 4. P. 85–107. https://doi.org/10.34389/asiajapan.4.0_85
- Layne Ch. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // *International Studies Quarterly*. 2012. Vol. 56, no. 1. P. 206–213. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x>
- Maung M. In the Name of Pauk-Phaw: Myanmar's China Policy Since 1948. Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2011.
- Organski A. F. K. *World Politics*. New York : A. Knopf, 1958.
- Roy C. China's Grand Strategy and Myanmar's Peace Process // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022. Vol. 22, no. 1. P. 69–99. <https://doi.org/10.1093/irap/lcaa012>
- Sigit S., Setiawan T. J., Bachtiar J. W. Myanmar's Dilemma in the United States — China Rivalry in Southeast Asia // *Malaysian Journal of International Relations*. 2022. Vol. 10, no. 1. P. 79–93. URL: <https://mjir.um.edu.my/index.php/mjir/article/view/36638> (accessed: 12.04.2022).
- Singh S. Rebuilding Lifelines of Its Soft Under Belly: China Engages Its Southwest Frontiers // *The New Great Game: China and South and Central Asia in the Era of Reform* / ed. by T. Fingar. Stanford, CA : Stanford University Press, 2016. P. 147–179. <https://doi.org/10.1515/9780804797641-011>
- Volosyuk O. V., Phyto Naing W. Ya. The Expansion of Chinese Business in Myanmar and Sino-Myanmar Relations (1988–1990) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11, no. 4. P. 305–314. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-4-305-314>; EDN: SEXXTL
- Wai Ya. Ph. N. The Dilemma of Sino-Myanmar Relations: The Case of Myitsone Hydropower Dam Project // *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2020. Vol. 1, no. 1. P. 379–389. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-379-389>; EDN: QFNFWW

Сведения об авторах:

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН; eLibrary SPIN-код: 5707-5500; ORCID: 0000-0003-2701-3533; e-mail: mosyakov.d@gmail.com

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 5857-3760; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

Понька Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 5858-3578; ORCID: 0000-0003-4944-115X; e-mail: ponka-ti@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-450-466

EDN: YTXPEV

Научная статья / Research article

Австралийско-китайские отношения в свете нарратива вмешательства: конфронтационная секьюритизация

А.А. Киреева

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 a.kireeva@my.mgimo.ru

Аннотация. Согласно теоретическим исследованиям, вмешательство во внутренние дела и даже подозрения в такого рода действиях приводят к негативным последствиям как для межгосударственных отношений, так и для внутренней политики стран, усиливая поляризацию политической системы и общества ввиду секьюритизации трансграничных связей с предполагаемым инициатором вмешательства. Исследование проверяет эти положения на примере реакции правительства и общества Австралии на совокупность явлений, которые в 2017 г. стали позиционироваться Канберрой как попытка воздействия Китайской Народной Республики (КНР) на внутреннюю политику страны. Автор ставит целью ответить на вопрос, какие последствия имели обвинения в иностранном вмешательстве КНР во внутренние дела Австралии для двусторонних отношений и австралийской политики. Установлено, что риторика о китайском вмешательстве во внутренние дела Австралии возникла в публичном дискурсе как комплексная проблема, включающая нежелательное влияние не только на политику, но и на общество, экономику и информационную сферу. Именно это стало поворотным внутривнутриполитическим событием, которое привело к существенной эрозии доверия, значительному усилению негативного отношения в австралийском обществе к Китаю и запустило процесс ужесточения австралийской политики в отношении КНР на фоне роста геополитической напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Произошла секьюритизация трансграничных связей с КНР, которые стали рассматриваться Австралией как потенциальные каналы влияния Пекина на политические, общественные и экономические процессы в стране. В результате этих событий и иных внешнеполитических факторов произошло серьезное ухудшение австралийско-китайских отношений. Правительство Австралии приняло ряд оперативных и жестких мер, в том числе первым приняло обширное специализированное законодательство по противодействию иностранному вмешательству. Произошла инструментализация проблемы вмешательства, использовавшейся в политической борьбе, преимущественно со стороны Либеральной партии. В то же время существенной поляризации политической системы и электората не произошло. Итогом стал широкий общественный и межпартийный консенсус по поводу необходимости повышения надзора за связями с Китаем и создания эффективной системы противодействия иностранному вмешательству. Австралийский пример демонстрирует, что инструментализация обвинений во вмешательстве в странах с либерально-демократическим режимом необязательно приводит к поляризации, а, наоборот, может способствовать формированию внутривнутриполитического консенсуса на почве борьбы с внешним врагом.

Ключевые слова: выборы, Азиатско-Тихоокеанский регион, Китайская Народная Республика, КНР, китайско-австралийские отношения, США

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. Автор выражает благодарность И.А. Истомину и анонимным рецензентам за ценные комментарии и рекомендации.

© Киреева А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Киреева А. А. Австралийско-китайские отношения в свете нарратива вмешательства: конфронтационная секьюритизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 450–466. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-450-466>

The Interference Narrative in Australia — China Relations: Towards Confrontational Securitization

Anna A. Kireeva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 a.kireeva@my.mgimo.ru

Abstract. Theoretical research indicates that foreign interference, and even allegations thereof, cause long-term negative effects: they erode trust, damaging the bilateral relationship, and lead to a greater polarization of the political system and society due to the securitization of the relationship with the presumed interferer. The article examines the case of how the Australian government and society have reacted to the perceived attempts of interference by the People’s Republic of China (PRC). It tests theoretical hypotheses by answering the question of what are the implications of the above-mentioned issue for Australia — China relations and Australia’s politics. The study has identified that the rhetoric about foreign interference by the PRC into Australia’s internal affairs has been publicly attributed to a complex of attempts at unwanted influence not only in politics but also in other domains such as society, economics, education and mass media. This issue served as a critical juncture in initiating a downward trend in bilateral relations by significantly eroding Australia’s trust in China and public opinion about it as well as by prompting the Australian government to reassess its policy vis-à-vis the PRC against the background of challenging geopolitical landscape of the Asia-Pacific. The securitization of cross-border links with China has become a notable phenomenon. As a result of these events as well as other foreign policy factors, Australia — China relations deteriorated significantly. The Australian government promptly took a hard stance against the perceived foreign interference, becoming the first to adopt a special legislation to combat it. This issue was instrumentalized in political competition, especially by the Liberal Party of Australia. However, there has been no polarization of the Australian political system and society. The result has been a broad public and bipartisan consensus on the need for a greater transparency and public scrutiny over the links with China, as well as the establishment of an effective system to counter foreign interference. The Australian case demonstrates that the instrumentalization of the interference issue may lead not to a polarization but, on the contrary, to a domestic consensus over standing up to a perceived threat.

Key words: elections, Asia-Pacific, People’s Republic of China, PRC, Chinese-Australian relations, the United States, USA

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. The author would like to express her gratitude to I.A. Istomin and anonymous reviewers for their valuable insights and recommendations.

For citation: Kireeva, A. A. (2024). The interference narrative in Australia — China relations: Towards confrontational securitization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 450–466. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-450-466>

Введение

Вслед за возросшим вниманием к проблеме иностранного вмешательства во внутренние дела других государств в 2010–2020-х гг. сформировался консенсус по поводу того, что цифровые технологии привели к появлению новых форм и методов данного явления, значительно расширивших его охват и

масштаб, и либерально-демократические режимы оказались особенно уязвимы перед ним (Dowling, 2021).

Согласно имеющимся исследованиям, вмешательство во внутренние дела и даже подозрения в такого рода действиях приводят к негативным последствиям как для межгосударственных отношений, подрывая доверие

и ухудшая отношения общества к предполагаемому инициатору, так и для внутренней политики стран, усиливая поляризацию политической системы и общества ввиду секьюритизации трансграничных связей с предполагаемым инициатором вмешательства (Tomz & Weeks, 2020; Istomin, 2022). Вопрос о возможном вмешательстве часто эксплуатируется политиками в их стремлении удержаться у власти, особенно если существуют предположения о том, что в рамках такого вмешательства планировалось привести к власти их конкурентов внутри страны. В результате принимаются особенно жесткие меры (Wohlforth, 2020; Istomin, 2023). Кроме того, риторика о вмешательстве нередко используется для дискредитации политических оппонентов.

В исследовании обоснованность утвердившихся в литературе выводов относительно дестабилизирующих последствий секьюритизации проблемы вмешательства проверяется с опорой на опыт Австралии. Со второй половины 2010-х гг. в австралийском дискурсе широкое распространение получил тезис о китайском вмешательстве. В ходе последующего анализа будет рассмотрено влияние этих обвинений на динамику внутренней политики Австралии и ее отношений с Китайской Народной Республикой (КНР). При этом имеющихся в открытом доступе в настоящий момент данных недостаточно для оценки обоснованности подозрений Канберры в отношении Пекина. В связи с этим вопрос о том, действительно ли КНР совершала действия, которые могут быть квалифицированы как вмешательство, в статье в принципе не рассматривается. В фокусе анализа находится секьюритизация трансграничных связей, в том числе на общественном уровне, и ее влияние на межгосударственные отношения, а также внутреннюю политику Австралии.

Австралийский кейс выделяется масштабом и остротой выдвигаемых обвинений, а также оперативностью реакции со стороны правительства. Австралия стала первой страной, принявшей комплексное законодательство по противодействию иностранному вмешательству (Medcalf, 2019; Köllner, 2021).

Дополнительную репрезентативность примеру Австралии придает характер ее политического режима и предшествующий опыт отношений с КНР. В Австралии сложилась высококонкурентная партийная система, построенная вокруг соперничества Лейбористской партии и коалиции Либеральной и Национальной партий (ЛНК). Наличие двух основных противоборствующих сил и их регулярная сменяемость порождают тенденцию к политической поляризации, в отличие от систем с множеством мелких партий или одной доминирующей политической силой, а федерализм предполагает наличие достаточно высокой степени автономии штатов в пределах их компетенций. Как отмечали эксперты, открытость системы предоставляла больше возможностей для вмешательства и оказания влияния, а законодательство делало Австралию особенно уязвимой для внешнего вмешательства в выборы из-за отсутствия запрета на пожертвования со стороны иностранных граждан¹.

При этом, несмотря на наличие альянса с США, до середины 2010-х гг. Канберра вне зависимости от находящейся у власти администрации активно и прагматично развивала сотрудничество с КНР. Особенно успешно взаимодействие укреплялось в период правления Лейбористской партии (2007–2013 гг.). В 2014 г. при коалиционном кабинете, возглавляемом Либеральной партией, были провозглашены отношения всеобъемлющего стратегического партнерства². В Австралии проживает активная китайская диаспора с долей порядка 5,5 % населения страны, а экономические отношения, гуманитарные и образовательные обмены, а также туристический поток из КНР стали играть большую

¹ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 32. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

² Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 3. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023). См. также: (Graham, 2023, pp. 16–18).

роль для Австралии в качестве значимого источника доходов, что привело к очень высокому уровню экономической зависимости от Китая в сфере торговли товарами и услугами (Гарин, 2021, с. 209–210; Köllner, 2021, p. 408; Graham, 2023, p. 16).

Статья структурирована следующим образом. В первом разделе приводятся результаты теоретических исследований, посвященных вопросу последствий вмешательства для двусторонних отношений и внутренней политики. Во второй части рассматривается становление нарратива о китайском вмешательстве в Австралии. В третьем разделе анализируются два типа последствий: для австралийской политики, включая меры правительства страны по противодействию вмешательству, а также для двусторонних отношений.

Теоретическое осмысление проблемы иностранного вмешательства во внутренние дела и его последствий

Теоретические исследования демонстрируют, что вмешательство является сущностно неопределимым концептом, который может включать в себя множество различных явлений, однако не обладает четкой и однозначной дефиницией по причине «неясности, размытости и изменчивости описываемого явления» (Истомин, 2023, с. 122). Как отмечает И.А. Истомин, под вмешательством понимается «разновидность осознанного внешнеполитического действия принудительной направленности» (Истомин, 2023, с. 130). В узком понимании вмешательство предполагает действия в отношении лиц, которые находятся у власти (Истомин, 2023, с. 133). Вмешательство также может рассматриваться как часть межгосударственного противоборства, обладающего собственной «лестницей эскалации» (Сучков, 2024).

Государства очень остро реагируют на подозрения относительно вмешательства во внутреннюю политику со стороны внешних сил, так как, в отличие от других способов внешнего давления (политические заявления, санкции, военные демонстрации), такого рода деятельность направлена непосредственно на

интересы политических элит и возникающие риски не могут быть перераспределены на другие слои общества. Политические элиты крайне чувствительны к угрозам собственного политического выживания, поэтому они имеют склонность очень остро реагировать на предполагаемое вмешательство (Istomin, 2023, pp. 111–113), особенно со стороны их противников. Поскольку вмешательство в выборы в большинстве случаев имеет реальное влияние на их результаты (усредненный показатель увеличения голосов, согласно исследованиям Д. Левина, — 3 % (Levin, 2020)), происходит политизация этой проблемы и ее инструментализация для получения электоральных преимуществ. Обвинения во вмешательстве также могут быть использованы для дискредитации конкурентов как проводников воли зарубежных спонсоров, а не национальных интересов, примером чего являются обвинения в сговоре с Россией со стороны Демократической партии США в пользу Дональда Трампа в 2016 г.

Описываемая логика дестабилизирующего влияния обвинений во вмешательстве отражается в феномене секьюритизации — представлении какого-либо сюжета в качестве угрозы безопасности, сформулированном представителями Копенгагенской школы (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998). Секьюритизация трансграничных связей с предполагаемым инициатором вмешательства провоцирует ужесточение политики в отношении него и принятия экстренных мер, которые были бы недоступны в режиме обычной политики. Она подрывает доверие и двустороннее сотрудничество (Wohlforth, 2020, p. 469; Istomin, 2022, pp. 1678, 1693–1694).

В зрелых демократических системах население крайне негативно реагирует на вмешательство в выборы, которое, как предполагается, оказывает реальное влияние на их результаты. Уровень неодобрения населением вмешательства в электоральный процесс зависит от его степени: относительно невысокий в случае, если иностранное государство выражает свои предпочтения касательно той или иной политической силы, значительный — в случае вербальных угроз со стороны

иностранным государством и действительно высокий — в случае проведения реальных действий по вмешательству — финансирование кампаний, распространения информации или взлома электоральной системы. Вмешательство также способствует большей поляризации электората тогда, когда разногласия уже существуют (Tomz & Weeks, 2020, pp. 7–9, 15–16).

Ключевым для данного исследования является вывод, что сами обвинения во вмешательстве приводят не только к глубокому недоверию в отношениях между государствами, но и к обострению общественно-политической ситуации в стране, выдвигающей подобные обвинения.

Становление риторики о китайском вмешательстве в Австралии

Обвинения в адрес Пекина относительно попыток вмешательства во внутренние дела Австралии стали распространяться с июня 2017 г., когда Австралийская телерадиовещательная корпорация (*Australian Broadcasting Corporation*, ABC) показала серию ТВ-передач в рамках программы *Four Corners*, представляющих результаты журналистского расследования, проведенного совместно с *Fairfax Media*³. Авторы программы утверждали, что КНР и даже непосредственно Коммунистическая партия Китая (КПК) стремится через своих агентов оказать влияние на австралийских политиков, политические партии и китайских студентов в Австралии с тем, чтобы они поддерживали политику Пекина. Эти программы вызвали широкий общественный и политический резонанс. Они способствовали публичному обсуждению уже существовавших ранее подозрений, формируя картину масштабной и системной кампании по воздействию на австралийскую политику, инспирированной извне⁴. Опасения в разведыва-

³ Schulz T. Power and Influence — Four Corners // Vimeo. June 5, 2017. URL: <https://vimeo.com/279445142> (accessed: 06.04.2024).

⁴ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 4. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023). См. также: (Graham, 2023, p. 22).

тельном сообществе страны существовали и до этих событий, а в 2016 г. правительство Австралии поручило разведывательным службам подготовить закрытый доклад по поводу внешнего вмешательства (Medcalf, 2019, p. 119). За журналистским расследованием последовал целый ряд публикаций СМИ, исследовательских институтов и отдельных ученых⁵.

В качестве ключевого механизма осуществления китайского влияния был обозначен Патриотический единый фронт китайского народа (сокращенно — Единый фронт) — объединение КПК, Всекитайской федерации промышленности и коммерции и остальных формально существующих в КНР партий под руководством Отдела Единого фронта Центрального комитета (ЦК) КПК⁶. Деятельность Единого фронта позиционировалась в телепрограммах и вышедшем в 2020 г. докладе Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute*, ASPI)⁷ как осуществляемая с помощью различных посредников и агентов влияния: общественных организаций, студенческих коллективов, ассоциаций, этнических китайцев, журналистов, исследовательских групп, ведущих дела с Китаем бизнесменов, развед-

⁵ См.: Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023); Joske A. Picking Flowers, Making Honey. The Chinese Military's Collaboration with Foreign Universities // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2018. No. 10/2018. URL: <https://www.aspi.org.au/report/picking-flowers-making-honey> (accessed: 06.04.2024); Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024). См. также: (Hamilton, 2018; Taking the Low Road..., 2022).

⁶ Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 3–9. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024).

⁷ Ibid.

Сэма Дастьяри. 17 июня 2016 г. сенатор дал пресс-конференцию для китаезычных СМИ и заявил, что Австралия не должна вмешиваться в конфликт в Южно-Китайском море (ЮКМ), уважая китайскую позицию, и оставаться нейтральной¹³, что в корне отличалось от позиции Лейбористской партии¹⁴. Как впоследствии утверждалось, Хуан Сянмо помог С. Дастьяри покрыть расходы на юридические услуги суммой в 5 тыс. долл. США, а другой китайский бизнесмен, также член Единого фронта, помогал оплачивать его поездки, когда отведенные парламентом средства на эти цели были исчерпаны¹⁵. Кроме того, в СМИ появилась информация, что в 2016 г. Хуан Сянмо хотел использовать свое обещание пожертвовать 400 тыс. австралийских долл. в предвыборный фонд Лейбористской партии, пытаясь повлиять на политику Лейбористской партии в отношении конфликта в ЮКМ и угрожая отменить взнос

¹³ См.: Tillet A. Chinese Political Influence Sparks Espionage, Foreign Interference Law Changes // The Australian Financial Review. June 6, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-political-influence-sparks-espionage-foreign-interference-law-changes-20170606-gwl5ue> (accessed: 06.04.2024); Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 20–24. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 7–8. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

¹⁴ См.: Chan G. Sam Dastyari Contradicted South China Sea Policy a Day After Chinese Donor's Alleged Threat // The Guardian. June 5, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/jun/05/sam-dastyari-contradicted-south-china-sea-policy-a-day-after-chinese-donors-alleged-threat> (accessed: 10.07.2024); Yaxley L. Election 2016: Federal Labor Would Green-Light South China Sea Military Exercise: Conroy // ABC. June 16, 2016. URL: <https://www.abc.net.au/news/2016-06-16/labor-would-approve-south-china-sea-military-exercise/7518330> (accessed: 06.11.2023).

¹⁵ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 8–9. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

в случае отказа партии занять прокитайскую позицию¹⁶.

Также имели место информационные и политические кампании в отношении отдельных политиков. Одним из примеров стала избирательная кампания в ходе дополнительных выборов федерального уровня в округе Беннелонг в штате Новый Южный Уэльс в 2017 г. В ходе предвыборных мероприятий было распространено анонимное письмо, адресованное австралийцам китайского происхождения, призывающее голосовать против кандидата от Либеральной партии Джона Александра. Похожие заявления можно обнаружить и в местных китаезычных СМИ¹⁷. В качестве другого примера приведем жесткую критику со стороны Лейбористской партии в адрес представителя Либеральной партии Глэдис Лиу, избранной в 2019 г. депутатом от штата Виктория, по поводу того, что она не придавала публичности факт своего членства в организациях, связанных с КПК и Единым фронтом¹⁸.

Во-вторых, звучали обвинения в проведении *информационных кампаний, нацеленных на системное изложение прокитайских взглядов в австралийских СМИ*. Журналисты и исследователи утверждали, что Китай проводит целенаправленную линию, включающую скупку медиа-активов и коммерческое давление через рекламодателей на редакционную политику, с целью продвижения нарратива, одобряемого КПК и не содержащего критики КНР¹⁹.

¹⁶ McKenzie N., Uhlmann C. ASIO Warned Politicians About Taking Cash from Huang Xiangmo, Chau Chak Wing // The Australian Financial Review. June 5, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/asio-warned-politicians-about-taking-cash-from-huang-xiangmo-chau-chak-wing-20170605-gwktc9> (accessed: 06.04.2024).

¹⁷ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 6. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023).

¹⁸ Gladys Liu: The Row Over a Trailblazing Chinese-Australian MP // BBC. September 16, 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-49712187> (accessed: 10.07.2024).

¹⁹ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 16–17. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia>

В-третьих, авторы проведенных исследований обвинили Пекин во *влиянии на образовательную и научную политику австралийских университетов* с помощью Ассоциации китайских студентов и ученых, являющейся структурой Единого фронта, и финансовых инструментов²⁰. В качестве примера подобной деятельности исследователями приводился следующий факт: в 2019 г. студенты из материкового Китая пришли на студенческую демонстрацию в поддержку демократии в Гонконге в Университете Квинсленда и устроили потасовку, что впоследствии получило высокую оценку генерального консула КНР в Брисбене Сю Цзиэ как патриотическое поведение, направленное против сепаратизма. В правоохранительных органах Австралии отмечали возможность того, что эта акция, как и аналогичные в других кампусах, были скоординированы китайским консульством²¹.

С учетом значимости китайских студентов, оценочно составлявших от 13 до 19 % студентов восьми ключевых австралийских университетов (за исключением Университета Западной Австралии) и Сиднейского технологического университета, и наличия инструментов их мобилизации многие австралийские образовательные учреждения, как отмечалось в исследованиях, опасались выступать с критических по отношению к Китаю позиций. Указывалось также, что бизнесмены Хуан Сянмо и Чау Чак Вин направляли крупные пожертвования в пользу австралийских вузов: Университета Западного Сиднея, Университета Сиднея и Сиднейского технологического университета, в котором был основан выражающий прокитайские взгляды Институт австралийско-

activities-lessons-australia (accessed: 06.04.2024). См. также: (Hamilton, 2018).

²⁰ Schulz T. Power and Influence — Four Corners // Vimeo. June 5, 2017. URL: <https://vimeo.com/279445142> (accessed: 06.04.2024).

²¹ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 21. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

китайских отношений²². Сообщалось, что недовольство китайских студентов критическими по отношению к КНР материалами на занятиях нередко выливалось в кампании в социальных сетях или административное давление на таких преподавателей из-за протестов дипломатических представительств Китая. Это в свою очередь приводило к самоцензуре и ограничению свободы самовыражения²³.

В-четвертых, Китай обвинялся в *создании совместных с австралийскими учеными научных коллективов для реализации целей КНР*, например по продвижению прокитайских взглядов, осуществлению трансфера знаний и технологий в Китай, а также в экономическом шпионаже. В качестве основного инструмента указывались гранты университетам и исследовательским центрам на проведение целевых исследований, результаты которых впоследствии передавались представителям КНР — например, грантодателям или партнерским организациям²⁴.

²² См.: Babones S. The China Student Boom and the Risks It Poses to Australian Universities // CIS Analysis Paper. 2019 (August). No. 5. URL: <https://www.cis.org.au/wp-content/uploads/2019/08/ap5.pdf> (accessed: 06.11.2023); Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 5. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023); Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 23. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 6–7, 11–12. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024). См. также: (Hamilton, 2018, p. 94).

²³ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 20–22. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

²⁴ Joske A. Picking Flowers, Making Honey. The Chinese Military's Collaboration with Foreign Universities // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2018. No. 10/2018. URL: <https://www.aspi.org.au/report/picking-flowers-making-honey> (accessed: 06.04.2024).

В-пятых, фигурировали обвинения во влиянии на политику австралийских штатов, территорий и муниципалитетов, в особенности в целях заключения выгодных для китайских компаний бизнес-сделок и продвижения обозначенных выше приоритетов на местном уровне. Высказывались опасения, что принятые на местном уровне решения по заключению инвестиционных соглашений с Китаем могли привести к усилению экономического влияния КНР и получению китайскими компаниями доступа к критической физической и телекоммуникационной инфраструктуре из-за рассогласованности местной и федеральной повесток, что, как считается, создает риски для национальной безопасности (Taking the Low Road..., 2022, pp. 5–6, 187). В качестве примеров приводились соглашение 2015 г. об аренде порта Дарвин (который находится недалеко от австралийской военно-морской базы) сроком на 99 лет, подписанное правительством Северной территории с китайской компанией *Landbridge Group*, предположительно связанной с Народно-освободительной армией Китая²⁵, а также соглашения о сотрудничестве между штатом Виктория и КНР в рамках реализации инициативы «Пояс и путь». Оба договора были заключены без консультаций с федеральным правительством (Taking the Low Road..., 2022, pp. 142–146, 202–203).

Таким образом, к концу 2010-х гг. произошла комплексная секьюритизация трансграничных связей с Китаем, который обвинялся в попытках оказать нежелательное влияние не только на австралийскую политику, но и на общество, экономику и информационную сферу.

Последствия риторики вмешательства для внутренней политики Австралии и отношений с Китаем

Вначале будут рассмотрены внутривнутриполитические последствия. После выхода серии ТВ-передач в рамках программы *Four Corners*

²⁵ Wade G. Landbridge, Darwin and the PRC // Australian Strategic Policy Institute. November 9, 2015. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/landbridge-darwin-and-the-prc/> (accessed: 10.07.2024).

Лейбористская партия заявила о том, что больше не будет принимать предвыборные пожертвования от Хуана Сянмо и Чау Чак Вина²⁶. В декабре 2017 г. глава Либеральной партии и ЛНК Малкольм Тернбулл заявил, что сенатор от лейбористов С. Дастъяри продал Австралию, став примером того, как политики принимают средства от китайского правительства и в ответ занимают фактически китайскую позицию²⁷. Спустя несколько дней С. Дастъяри ушел в отставку, а в декабре 2018 г. Хуану Сянмо было отказано в гражданстве Австралии, а его вид на жительство был отозван²⁸. По заявлению австралийской разведки, китайский бизнесмен был замешан в актах вмешательства во внутренние дела Австралии²⁹. В 2018 г. глава Австралийской службы безопасности и разведки (*Australian Security Intelligence Organisation, ASIO*) Дункан Льюис назвал уровень иностранного вмешательства и шпионажа «беспрецедентным», а в 2019 г. охарактеризовал его как «экзистенциальную угрозу»³⁰.

В ходе широкой общественной и политической дискуссии звучали различные точки зрения на проблему вмешательства КНР во внутренние дела Австралии. В результате со стороны австралийского общества и ведущих политических партий был четко сформулирован запрос на повышение прозрачности

²⁶ Tillett A. Chinese Political Influence Sparks Espionage, Foreign Interference Law Changes // The Australian Financial Review. June 6, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-political-influence-sparks-espionage-foreign-interference-law-changes-20170606-gwl5ue> (accessed: 06.04.2024).

²⁷ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 9. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

²⁸ Ibid.

²⁹ Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 24. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024).

³⁰ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 34. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

взаимодействия с КНР, а австралийское правительство заявило о разработке законодательства, направленного на противодействие такому вмешательству³¹, став первопроходцем в этой сфере (Medcalf, 2019, p. 109).

В декабре 2017 г. кабинет М. Тернбулла представил на рассмотрение пакет законопроектов, включающий Закон о повышении прозрачности иностранного влияния (*Foreign Influence Transparency Scheme Act 2018*). Нормативно-правовые акты, принятые парламентом Австралии в 2018 г. при сильной поддержке всех ведущих партий, содержат запрет на взносы политическим партиям со стороны иностранных граждан, необходимость регистрации в качестве иностранных агентов для лиц, работающих на иностранное государство и стремящихся оказывать влияние на политику, и предусматривают юридическую ответственность за отказ от регистрации, а также закрепляют определение «иностранного вмешательства» и его криминализацию³². Кроме того, был создан Координационный центр по противодействию иностранному вмешательству в Министерстве внутренних дел и учреждена должность национального координатора по противодействию иностранному вмешательству в целях работы с различными государственными и негосударственными структурами³³.

В марте 2018 г. парламент Австралии принял Закон о безопасности критической инфраструктуры, предполагающий создание единого реестра в 11 сферах, таких как обеспечение электроэнергией, водо- и газоснабжение, транспорт (например, портовая

инфраструктура) и др., и надзор за контролем над этой инфраструктурой. В результате стал возможен пересмотр соглашений в указанных сферах в случае рисков национальной безопасности³⁴. Так, в августе 2018 г. правительство Австралии фактически запретило *Huawei* и *ZTE* участвовать в строительстве сетей 5G, став первой страной, которая ввела подобный запрет (Köllner, 2021, p. 415).

Сменившее кабинет М. Тернбулла в августе 2018 г. правительство Скотта Моррисона от той же коалиции осуществило дополнительные шаги в указанном направлении из-за критики по поводу недостаточности мер, принятых предшественниками. В декабре 2019 г. под руководством представителя ASIO была создана Рабочая группа по противодействию иностранному влиянию, которая объединила ресурсы данной службы, федеральной полиции и иных служб безопасности для осуществления правоохранительных действий в случае подозрений на иностранное вмешательство. В августе 2019 г. была создана Рабочая группа по противодействию вмешательству в университеты, а в июле 2020 г. — Рабочая группа по обеспечению прозрачности выборов³⁵.

Следующим последствием стала инструментализация проблемы китайского вмешательства, прежде всего Либеральной партией Австралии, для получения преимуществ на выборах. Партия использовала ситуацию с С. Дастъяри в политической борьбе и сознательно повышала резонанс этого кейса, сделав сенатора «мальчиком для битья» и называя его «Сычуаньским Сэмом» или «Шанхайским Сэмом». Многие депутаты от

³¹ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 4. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023).

³² Foreign Influence Transparency Scheme // Australian Government. Attorney-General's Department. URL: <https://www.ag.gov.au/integrity/foreign-influence-transparency-scheme> (accessed: 17.06.2024).

³³ Countering Foreign Interference // Australian Government. Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/countering-foreign-interference> (accessed: 06.04.2024).

³⁴ Security of Critical Infrastructure Act 2018 // Australian Government. URL: <https://web.archive.org/web/20220505075210/https://www.legislation.gov.au/Details/C2022C00160> (accessed: 06.04.2024).

³⁵ См.: Countering Foreign Interference // Australian Government. Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/countering-foreign-interference> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 36–37. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

Лейбористской партии, особенно из штата Новый Южный Уэльс, рассматривали такие действия как целенаправленную оппортунистическую и не очень порядочную кампанию со стороны правительства М. Тернбулла с целью приобретения дополнительных очков на выборах. Еще один пример: в упоминавшейся выше предвыборной кампании 2017 г. в округе Беннелонг кандидат от Лейбористской партии Кристина Кенеалли обвинила премьер-министра М. Тернбулла в синофобии и пообещала защищать китайскую диаспору в округе. Несмотря на активную информационную кампанию против кандидата от Либеральной партии Д. Александра, он все же победил на выборах, удержав свое место, но его поддержка снизилась на 4,8 % по сравнению с выборами 2013 и 2016 гг.³⁶

Диаметрально противоположным примером стала публичная критика в адрес депутата от Либеральной — этнической китайки Глэдис Лиу в 2019 г. со стороны Лейбористской партии, члены которой, как сообщалось, называли ее «предателем» из-за ее членства в структурах, связанных с КПК и Единым фронтом. Премьер-министр С. Моррисон назвал это клеветнической кампанией и оскорблением в адрес австралийцев китайского происхождения, а бывший министр обороны Кристофер Пайн — ксенофобской паранойей³⁷.

В то же время, несмотря на ужесточение риторики в отдельных избирательных кампаниях и политической борьбе, кардинальной поляризации политической системы и электората не произошло. Ситуации, подобные описанным выше, происходили преимущественно в случаях наличия кандидатов с четкими анти- и прокитайскими позициями или политиков из числа этнических китайцев, но не были характерны для позиций партий

в целом, даже при условии, что Лейбористская партия считается более прокитайской, а Либеральная — более критически настроенной по отношению к КНР. Вероятно, это связано с тем, что пожертвования со стороны китайских бизнесменов осуществлялись в отношении всех трех ведущих политических партий, а не какой-то одной силы. Вместе с тем сумма пожертвований в пользу ЛНК описывалась даже как бóльшая, чем в пользу Лейбористской партии³⁸, а решение о сдаче в аренду порта Дарвин китайской компании принимало местное отделение Либеральной партии³⁹, тогда как лейбористы выступали против.

Помимо этого, обе партии критиковали друг друга за предполагаемое влияние со стороны КНР и призывали к большей прозрачности связей с Китаем. Сразу после выхода резонансной программы ABC лидер находившейся в оппозиции Лейбористской партии Билл Шортен первым заявил об отказе от дальнейшего взаимодействия с фигурировавшими в расследовании бизнесменами и призвал парламентский комитет по разведке провести расследование касательно прямого и непрямого воздействия внешних сил на выборы, а правительство М. Тернбулла — принять законы, запрещающие подобное вмешательство в будущем⁴⁰. Когда стало известно, что сенатор С. Дастьери на пресс-конференции озвучивал позицию по ЮКМ, кардинально отличающуюся от партийной,

³⁶ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 6–7. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023).

³⁷ Gladys Liu: The Row Over a Trailblazing Chinese-Australian MP // BBC. September 16, 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-49712187> (accessed: 10.07.2024).

³⁸ McKenzie N., Uhlmann C. ASIO Warned Politicians About Taking Cash from Huang Xiangmo, Chau Chak Wing // The Australian Financial Review. June 5, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/asio-warned-politicians-about-taking-cash-from-huang-xiangmo-chau-chak-wing-20170605-gwktc9> (accessed: 06.04.2024).

³⁹ Gibson J. Labor Accuses Scott Morrison of 'Encouraging' Darwin Port Lease with Nearly \$20 Million Incentive Payment // ABC News. May 12, 2022. URL: <https://www.abc.net.au/news/2022-05-12/scott-morrison-nt-government-darwin-port-labor-documents/101060900> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁰ Tillet A. Chinese Political Influence Sparks Espionage, Foreign Interference Law Changes // The Australian Financial Review. June 6, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-political-influence-sparks-espionage-foreign-interference-law-changes-20170606-gwl5ue> (accessed: 06.04.2024).

Б. Шортен снял его со всех постов в сенатских комиссиях и заявил об утрате доверия к нему в связи с неверно принятыми сенатором решениями⁴¹. Тем самым позиция Лейбористской партии была также жесткой и направленной на противодействие тому, что воспринималось как иностранное вмешательство.

По результатам всеобщих выборов в Австралии в мае 2022 г. ЛНК потерпела поражение, а лейбористы получили большинство. Во время предвыборной кампании С. Моррисон и другие либералы активно критиковали представителей Лейбористской партии за слишком мягкую позицию по отношению к Китаю и даже за то, что они стоят на стороне Пекина. При этом на деле позиции обеих партий по отношению к КНР по большей части сходятся, а не различаются⁴². В избирательных округах с большой долей этнических китайцев поражение коалиции было более явным. Эксперты связывали это с тем, что премьер-министр С. Моррисон и министр обороны Питер Даттон навязывали разделительные линии по следующей логике: вы или на стороне Австралии, или на стороне Китая. Неудивительно, что многим австралийцам китайского происхождения не понравилась подобная риторика⁴³.

Ключевым последствием для двусторонних отношений стало резкое *ухудшение отношений между Австралией и КНР*. Официальные лица КНР охарактеризовали фигурирующие в журналистском расследовании обвинения как абсурдные и надуманные. Помимо этого, в качестве контрстратегии они

⁴¹ Sam Dastyari Resignation: How We Got Here // ABC News. December 12, 2017. URL: <https://www.abc.net.au/news/2017-12-12/sam-dastyari-resignation-how-did-we-get-here/9249380> (accessed: 10.07.2024).

⁴² Hurst D. Factcheck: The Coalition Says Labor Always ‘Takes China’s Side’, But Are the Parties’ Positions So Different? // The Guardian. April 21, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/apr/22/factcheck-the-coalition-says-labor-always-takes-chinas-side-but-are-the-parties-positions-so-different> (accessed: 10.07.2024).

⁴³ Read M. Chinese-Australians Abandon Liberals Over Anti-China Rhetoric // The Australian Financial Review. May 25, 2022. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-australians-abandon-liberals-over-anti-china-rhetoric-20220524-p5ao46> (accessed: 10.07.2024).

стали обвинять австралийское правительство и общество в расовых предрассудках и синофобии как основных причинах всей кампании против иностранного вмешательства. Посольство КНР в Австралии заявило, что сложившаяся ситуация представляет собой «типичную антикитайскую истерию»⁴⁴. КНР на некоторое время прервала встречи на высшем уровне, и запланированный визит министра иностранных дел Австралии в Китай состоялся только в конце 2018 г. (Köllner, 2021, p. 415). В мае 2018 г. китайская газета *Global Times* охарактеризовала отношения между двумя странами как худшие среди отношений КНР и западных стран⁴⁵. Со стороны китайских чиновников начали поступать сигналы о том, что за подобной антикитайской политикой может последовать бойкот австралийских товаров и ввод ограничений на обучение китайцев в австралийских вузах и посещение страны в туристических целях⁴⁶, а спустя несколько месяцев произошло ужесточение таможенных процедур в отношении австралийского вина и железной руды⁴⁷.

Реакция китайского правительства была расценена Канберрой как неконструктивная и нацеленная на раздувание расового вопроса в самой Австралии⁴⁸, а экономические меры давления только усилили негативное

⁴⁴ Cave D. China Scolds Australia Over Its Fears of Foreign Influence // The New York Times. December 6, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/06/world/australia/china-foreign-influence.html> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁵ Canberra’s China Policy Justly Under Fire // Global Times. May 15, 2018. URL: <https://web.archive.org/web/20180515180602/http://www.globaltimes.cn/content/1102433.shtml> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁶ Chambers G. Chinese Warnings of Consumer-Led Boycott Over Worsening Relations // The Australian. December 22, 2017. URL: <https://www.theaustralian.com.au/nation/foreign-affairs/chinese-warnings-of-consumerled-boycott-over-worsening-relations/news-story/00558abc6d9011bc8f4ef7e2ed63d70f> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁷ Searight A. Countering China’s Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 27–28. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁸ Cave D. China Scolds Australia Over Its Fears of Foreign Influence // The New York Times. December 6, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/06/world/australia/china-foreign-influence.html> (accessed: 06.04.2024).

восприятие Китая. Именно проблема вмешательства стала ключевым внутривнутриполитическим фактором, который привел к ухудшению отношения к Китаю в австралийском обществе, эрозии доверия и ужесточению политики Австралии (Köllner, 2021, pp. 413–315; Graham, 2023, p. 22).

Согласно ежегодным опросам общественного мнения *Pew Research Center*, весной 2017 г. 64 % австралийцев выразили положительное отношение к Китаю, и только 32 % — отрицательное. Начиная с 2018 г. четко прослеживается тренд на дальнейшее ухудшение отношения к Китаю: 47 % опрошенных выразили негативное отношение к Китаю в 2018 г., 56 % — в 2019 г. и 81 % — в 2020 г.⁴⁹ (последнее связано уже с неофициальной «торговой войной»).

Похожие результаты, хотя и с несколько менее масштабными изменениями, демонстрирует опрос общественного мнения, проводимый австралийским научно-исследовательским институтом *Lowy Institute*. Согласно его данным, в 2017 и 2018 гг. большинство австралийцев видели в Китае экономического партнера (79 и 82 % соответственно), а не угрозу в сфере безопасности (13 и 12 %). В 2020 г. — уже 55 % оценили Китай как экономического партнера и 41 % — как угрозу в области безопасности, а с 2021 г. стала превалировать оценка Китая как угрозы: 63 % против 34 % респондентов, рассматривающих КНР как партнера. Изменения 2021 г. связываются с охлаждением в политических отношениях и беспрецедентными мерами экономического давления со стороны КНР⁵⁰.

Не менее значимыми для ухудшения австралийско-китайских отношений были и внешнеполитические факторы. Негативная оценка Китая усилилась на фоне нарастания

⁴⁹ Silver L., Devlin K., Huang Ch. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries // *Pew Research Center*. October 6, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁰ China: Economic Partner or Security Threat // *Lowy Institute Poll*. 2024. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/china-economic-partner-or-security-threat/> (accessed: 10.06.2024).

геополитической конфликтности в Индо-Тихоокеанском регионе в целом и ЮКМ в частности. Австралийское руководство связывало обострение обстановки с действиями Китая (создание искусственных островов и размещение на них военной инфраструктуры, отказ принимать вердикт Гаагского арбитражного суда по ЮКМ в 2016 г. и т. д.), что демонстрируется в Белой книге по внешней политике 2017 г.⁵¹ и выступлениях австралийского руководства. Другой причиной роста обеспокоенности вокруг действий Китая как угрожающих безопасности Австралии стало наращивание китайского влияния — экономического, а потенциально политического и военного — в странах Океании, которые Австралия традиционно считала своей сферой влияния (Алешин, 2020, с. 70–72; Köllner, 2021, pp. 412–413).

Безусловно, на ухудшение отношений Австралии и КНР в целом повлиял и переход США к стратегическому соперничеству с Китаем. Австралийская внешняя политика традиционно носит проамериканский характер, а союз между Австралией и США рассматривается австралийской элитой как крайне важный для обеспечения безопасности страны, и Канберра заинтересована в сохранении американоцентричного мирового порядка (Алешин, 2020, с. 67). Однако следует отметить, что начавшееся летом 2017 г. ухудшение отношения к КНР в Австралии из-за событий, которые воспринимались как вмешательство Китая во внутренние дела страны, не было инициировано американской администрацией. Во-первых, переход США к жесткой политике стратегического соперничества с Китаем произошел только с конца 2017 — начала 2018 г., то есть уже после появления риторики о вмешательстве. Во-вторых, отношение австралийской элиты и общества к президенту США Д. Трампу было преимущественно негативным⁵², а какая-либо

⁵¹ 2017 Foreign Policy White Paper // *Australian Government*. 2017. URL: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper> (accessed: 06.04.2024).

⁵² Согласно опросу общественного мнения *Lowy Institute*, проведенному в марте 2017 г., 60 % опрошенных австралийцев выражали негативное отношение

информация о давлении США по вопросу КНР в публичном поле отсутствует, при том что администрация Д. Трампа не скрывала свое давление на союзников по другим вопросам.

К еще большему ухудшению отношений между Австралией и Китаем привело расследование Всемирной организации здравоохранения о происхождении COVID-19, инициированное правительством С. Моррисона в 2020 г., а также расследование Австралийской антидемпинговой комиссии в отношении ряда китайских товаров (Гарин, 2021, с. 211). КНР ответила на эти расследования широкомасштабными неофициальными экономическими санкциями (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020) и «торговой войной» в отношении австралийских товаров, что привело к серьезной деградации взаимодействия и превалированию негативного восприятия Китая со стороны австралийцев. Китайское экономическое и политическое давление привело только к сплочению австралийского общества и политических кругов по вопросу необходимости противодействия китайскому вмешательству и давлению, причем за это выступали как ЛНК, так и оппозиционная Лейбористская партия⁵³. В 2021 г. Австралия вместе с Великобританией и США стала участником формата оборонного сотрудничества АУКУС (*Australia, United Kingdom, United States (AUKUS)*), что еще больше осложнило отношения с Китаем.

В декабре 2020 г. был принят закон *Foreign Arrangements Scheme*, предусматривающий необходимость согласовывать

с федеральным правительством Австралии соглашения с иностранными державами, заключаемые правительствами штатов и территорий, муниципалитетами, университетами и другими организациями, причем как будущие, так и уже подписанные⁵⁴. В результате начался процесс пересмотра сотен соглашений. Так, например, в апреле 2021 г. было отменено действие соглашений между штатом Виктория и КНР⁵⁵.

На фоне ухудшения отношений с Китаем наступил определенный «перегрев» вопроса иностранного вмешательства, и влияние дискурса о китайском вмешательстве в политические и общественные процессы в Австралии стало выступать объектом критики со стороны ряда политических и общественных деятелей. В августе 2019 г. Кевин Радд, занимавший должность премьер-министра Австралии от Лейбористской партии в 2007–2010 гг. и в 2013 г. и много сделавший для расширения сотрудничества с КНР во время своего пребывания у власти, обвинил Либеральную партию, в особенности бывшего премьера М. Тернбулла и главу парламентского комитета по разведке и безопасности Эндрю Хэсти, в разжигании национальной истерии и проведении антикитайского курса⁵⁶. В июле 2021 г. Д. Льюис, сразу после своего ухода с поста генерального директора ASIO, заявлял о том, что имел место целый ряд случаев чрезмерного раздувания проблемы китайского вмешательства, а в этом случае могут померещиться «шпионы под

к президенту США Д. Трампу. См.: 2017 Lowy Institute Poll // Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2017-lowy-institute-poll#heading-4148> (accessed: 22.06.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 38. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

⁵³ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 27–29, 38. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁴ Foreign Arrangements Scheme // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2020. URL: <https://www.foreignarrangements.gov.au/> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁵ Callanan T. What Is China's Belt and Road Initiative and What Were the Four Deals the Federal Government Tore Up? // ABC News. April 22, 2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-04-22/what-was-in-victoria-belt-and-road-deal-with-china/100086224> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁶ Doherty B. Kevin Rudd Accuses Liberals of Stirring Up Hysteria About China // The Guardian. August 23, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2019/aug/23/kevin-rudd-accuses-liberals-of-stirring-up-hysteria-about-china> (accessed: 10.07.2024).

каждой кровати», что не соответствует реальности⁵⁷.

Согласно критической оценке, данной директором Института австралийско-китайских отношений Сиднейского технологического университета Джеймсом Лоуренсоном, случаи трансфера чувствительных технологий в КНР в результате совместных исследований значительно преувеличены, а текущий политический климат обуславливает тот факт, любое научное сотрудничество с Китаем все больше воспринимается как токсичное. Это, в свою очередь, наносит ущерб национальным интересам и академическому потенциалу Австралии. Таким образом, получается, что распространение дискурса о вмешательстве КНР во внутренние дела приводит к тому, что КНР все больше позиционируется как угроза, а ограничение связей с Китаем становится главной целью, а не средством реализации задач по ограждению внутренней политики от иностранного вмешательства⁵⁸.

Когда в мае 2022 г. к власти в Австралии пришел лейбористский кабинет Э. Албаниза, новое руководство стало прилагать усилия по нормализации отношений с Китаем. Этому в значительной мере способствовал визит премьер-министра Австралии в КНР в ноябре 2023 г. В то же время стабилизация отношений с Китаем не сопровождается отменой принятых ранее мер по противодействию иностранному влиянию⁵⁹. Дискуссия ведется

⁵⁷ Dziejdzic S. Former ASIO Chief Duncan Lewis Warns Australia Not to 'Inflate' Foreign Interference Threats // ABC News. July 7, 2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-07/duncan-lewis-asio-downplays-foreign-interference/100275304> (accessed: 06.11.2023).

⁵⁸ Laurenceson J. Lessons from Chinese Government Interference in Australia // Australia — China Relations Institute. February 14, 2022. P. 1–3. URL: https://www.uts.edu.au/sites/default/files/20220214_ACRI%20Opinion_Lessons%20from%20Chinese%20government%20interference%20in%20Australia_James%20Laurenceson_9DashLine.pdf (accessed: 06.11.2023).

⁵⁹ Crowe D., Bagshaw E. Xi Says China and Australia Have 'Worked Out Some Problems' — But Trust Issues Remain // The Sydney Morning Herald. November 6, 2023. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/china-hails-new-starting-point-with-australia-as-albanese-meets-xi-20231106-p5ei1i.html> (accessed: 10.07.2024).

скорее вокруг того, каким образом реформировать систему противодействия вмешательству, прежде всего китайскому, для повышения ее эффективности. Совместный парламентский комитет по разведке и безопасности в марте 2024 г. выпустил доклад, в котором подверг критике законодательство, направленное на противодействие иностранному вмешательству, из-за недостаточности мер и проблем с их имплементацией, и призвал пересмотреть и скорректировать действующие законы⁶⁰. Правительство Австралии в ответном письме от июня 2024 г. выразило полное согласие с содержащейся в докладе оценкой ситуации и обязалось провести кардинальные реформы⁶¹.

Заключение

Проведенный анализ позволил продемонстрировать, что именно восприятие Австралией ряда событий как вмешательства Пекина во внутренние дела страны и соответствующие обвинения стали поворотным внутривнутриполитическим событием, которое привело к существенной эрозии доверия, значительному росту негатива в австралийском обществе по отношению к Китаю и запустило процесс ужесточения австралийской политики на китайском направлении. На фоне усиления геополитической конфликтности в АТР отношения КНР и Австралии в сфере безопасности ухудшились, а действия Китая все чаще стали восприниматься в качестве угрозы безопасности.

Вследствие общественно-политического резонанса начиная с 2017 г. наблюдалось повышение внимания австралийского общества и политических партий к проблеме вмешательства со стороны КПК посредством сети

⁶⁰ Knott M. 'The Scheme Has Failed': Landmark Foreign Interference Laws Set for Overhaul // The Sydney Morning Herald. March 27, 2024. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/the-scheme-has-failed-landmark-foreign-interference-laws-set-for-overhaul-20240327-p5ffom.html> (accessed: 10.07.2024).

⁶¹ Foreign Influence Transparency Scheme // Australian Government. Attorney-General's Department. URL: <https://www.ag.gov.au/integrity/foreign-influence-transparency-scheme> (accessed: 17.06.2024).

организаций Единого фронта. Трансграничные связи с Китаем стали рассматриваться как потенциальные каналы влияния последнего на политические, общественные и экономические процессы в Австралии, которая первой из западных стран разработала специализированное обширное законодательство и создала рабочие группы по противодействию такому влиянию. Другие страны, включая США и Канаду, впоследствии стали опираться на австралийский опыт. Инициативы в сфере инфраструктуры с привлечением китайского капитала послужили объектом подробного рассмотрения, а крупномасштабные инвестиционные и научные проекты с участием Китая де-факто стали считаться нежелательными или как минимум требующими переоценки рисков. Снизилась интенсивность двустороннего образовательного и научного сотрудничества. Таким образом, секьюритизация трансграничных связей обусловила стремительное ухудшение отношений между Канберрой и Пекином.

Исследовательская гипотеза о влиянии Китая на австралийскую политическую систему и внутреннюю политику нашла только частичное подтверждение.

С одной стороны, австралийское правительство действительно оперативно приняло целый спектр мер и создало институциональную структуру по противоборству вмешательству. Налицо и инструментализация проблемы вмешательства для получения электоральных преимуществ не только со стороны находящейся в рассматриваемый период у власти Либеральной партии, но и остальных партий.

С другой стороны, хотя проблема вмешательства и использовалась в политической борьбе, это не носило определяющего характера для большинства избирательных кампаний, и серьезной поляризации политической системы и электората не произошло, как это было в других странах (например, США).

Причины данного феномена заключаются в том, что, в отличие от предполагаемой в теоретических исследованиях модели поддержки какой-то конкретной политической силы со стороны иностранного государства, в изученном кейсе в связях с иностранным государством подозревались представители всех ведущих политических сил в стране. Сыграла роль и позиция Лейбористской партии, которая жестко среагировала на проблеме вмешательства и раскритиковала коалицию за ее нерешительность, по всей видимости, полагая, что мягкость по отношению к этому вопросу могла негативно сказаться на электоральных предпочтениях австралийцев.

Главным итогом стал широкий общественный и межпартийный консенсус по поводу необходимости повышения надзора за связями с КНР. Важно подчеркнуть, что к принятию законодательства, запрещающего иностранное вмешательство, в особенности воздействие на выборы, призывали не только ЛНК, но и находившаяся в 2017 г. в оппозиции Лейбористская партия.

Показательность австралийского кейса заключается в том, что либерально-демократическая система, которая рассматривается как наиболее уязвимая к иностранному вмешательству, наоборот, консолидировалась на антикитайской основе и продемонстрировала жесткую реакцию на предполагаемое вмешательство. Таким образом, пример Австралии подтверждает утвердившиеся в литературе выводы о дестабилизирующем влиянии обвинений во вмешательстве на межгосударственное взаимодействие, а также о политизации и инструментализации политиками этой темы. При этом он опровергает представление о поляризующем воздействии этого вопроса на внутреннюю политику, показывая, что он, напротив, может способствовать формированию внутриполитического консенсуса на почве борьбы с государством, которое воспринимается как внешний враг.

Поступила в редакцию / Received: 14.03.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 12.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Алешин А. А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 63–75. <https://doi.org/10.20542/afj-2020-2-63-75>; EDN: BFFAXV
- Гарин А. А. Актуальные проблемы австралийско-китайских отношений: диверсификация торговли и критическая инфраструктура Австралии под управлением КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 1, № 1. С. 207–219. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-207-219>; EDN: RJXVLL
- Истомин И. А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 120–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.09>; EDN: CRNPK
- Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXVKYE
- Сучков М. А. Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.02>; EDN: ZLHUCK
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers Inc, 1998.
- Dowling M. E. Democracy Under Siege: Foreign Interference in a Digital Era // Australian Journal of International Affairs. 2021. Vol. 75, iss. 4. P. 383–387. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1909534>
- Graham E. Australia's Security in China's Shadow. Abingdon and New York : Routledge, 2023. <https://doi.org/10.4324/9781003426028>
- Hamilton C. Silent Invasion: China's Influence in Australia. Richmond, Australia : Hardie Grant Books, 2018.
- Istomin I. A. Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16, no. 1. P. 106–129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf4>; EDN: YRAXWG
- Istomin I. A. How Not to Interfere in Another Country's Domestic Politics // International Affairs. 2022. Vol. 98, no. 5. P. 1677–1694. <https://doi.org/10.1093/ia/iiacl91>
- Köllner P. Australia and New Zealand Recalibrate Their China Policies: Convergence and Divergence // The Pacific Review. 2021. Vol. 34, no. 3. P. 405–436. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1683598>
- Levin D. H. Meddling in the Ballot Box: The Causes and Effects of Partisan Electoral Interventions. Oxford : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197519882.001.0001>
- Medcalf R. Australia and China: Understanding the Reality Check // Australian Journal of International Affairs. 2019. Vol. 73, iss. 2. P. 109–118. <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>
- Taking the Low Road: China's Influence in Australian States and Territories / ed. by J. Fitzgerald. Barton, ACT : Australian Strategic Policy Institute, 2022.
- Tomz M., Weeks J. L. P. Public Opinion and Foreign Electoral Intervention // American Political Science Review. 2020. Vol. 114, iss. 3. P. 856–873. <https://doi.org/10.1017/S0003055420000064>
- Wohlforth W. C. Realism and Great Power Subversion // International Relations. 2020. Vol. 34, no. 4. P. 459–481. <https://doi.org/10.1177/0047117820968858>

Сведения об авторе:

Киреева Анна Андреевна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения; старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 3248-3223; ORCID: 0000-0002-0376-9734; e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-467-482

EDN: YXJUKG

Научная статья / Research article

Европейская критика политики Китая в сфере прав человека: политические и идеологические аспекты

Н.В. Литвак¹, Н.Б. Помозова²

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

npomozova@mail.ru

Аннотация. Тема прав человека на протяжении нескольких десятилетий представляет собой инструмент давления Запада на Китай, а также служит оправданием внешнеполитических решений (например, введения санкций). Китай в рамках своей дискурсивной политики в последнее время перешел от оборонительной позиции к наступательной, в том числе и по вопросу прав человека. Данная тенденция проанализирована в исследовании на примере трех тем, доминировавших в западном дискурсе в последние годы: Гонконг, Синьцзян-Уйгурский автономный район и методы борьбы с COVID-19. Дискурс Китая не только отстаивает право на собственную модель развития, но и активно указывает на недостатки западных систем. Анализ положений второй главы Конституции КНР, Хартии Европейского союза по правам человека, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод позволил авторам выявить ряд принципиальных отличий в понимании прав человека в Китае и Европе. Несмотря на то что европейские политики позиционируют себя в качестве главных проводников демократических прав и свобод в мире, социологические опросы показывают низкий уровень удовлетворенности респондентов в Великобритании, Германии, Франции и Италии своим экономическим положением, а также тем, как соблюдаются принципы демократии в их странах. Кроме того, установлено, что во многом позиция Европы представляется не принципиальной, а конъюнктурной, поскольку по рассматриваемым темам позиции Китая не изменились, но теперь европейская критика сфокусировалась на «тайваньском вопросе».

Ключевые слова: социологический дискурс-анализ, Китайская Народная Республика, КНР, Европа, дискурсивная политика КНР

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Литвак Н. В., Помозова Н. Б. Европейская критика политики Китая в сфере прав человека: политические и идеологические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 467–482. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-467-482>

© Литвак Н.В., Помозова Н.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

European Criticism of China's Human Rights' Policy: Political and Ideological Aspects

Nikolay V. Litvak¹ , Natalia B. Pomozova²

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²HSE University, Moscow, Russian Federation

 npomozova@mail.ru

Abstract. For several decades, the issue of human rights has been an instrument of Western pressure on China, and also serves as a pretext for foreign policy decisions (such as the imposition of sanctions). As part of its discursive policy, China has recently shifted from a defensive to an offensive position, including on the issue of human rights. This dynamic is considered in this study using the example of three issues that have been most actively discussed in Western discourse in recent years — Hong Kong, the Xinjiang Uygur Autonomous Region and methods of combating COVID-19. The relevant discourse of China not only defended the right to its own development model, but also highlighted the shortcomings of Western systems. This discursive practice corresponds to the fundamental differences in the understanding of human rights in China and Europe, which are shown in the analysis of the provisions of the second chapter of the People's Republic of China (PRC) Constitution, the Charter of the European Union on Human Rights, and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Despite the fact that European politicians see themselves as the main proponents of democratic rights and freedoms in the world, sociological surveys show a low level of satisfaction of respondents in the United Kingdom (UK), Germany, France and Italy with how the principles of democracy are respected in their own countries, against the backdrop of deep dissatisfaction with their economic situation. Moreover, in many ways, Europe's position does not seem to be principled, but opportunistic, since China's position on the topics mentioned above has not changed, but now European criticism has practically switched to the "Taiwan issue."

Key words: sociological discourse analysis, the People's Republic of China, PRC, Europe, PRC discursive politics

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Litvak, N. V., & Pomozova, N. B. (2024). European criticism of China's human rights' policy: Political and ideological aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 467–482. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-467-482>

Введение

Китайская Народная Республика (КНР) как одна из двух крупнейших экономик мира, одна из двух самых населенных стран и лидер по динамике всестороннего развития, все активнее участвует в международных процессах. Несмотря на комплексный характер этой активности (экономический, социальный, технологический, культурный), ведущие европейские страны традиционно рассматривают ее, прежде всего, в контексте прав человека. В этой связи в статье рассмотрены три аспекта.

Во-первых, при всей важности проблематики прав человека помимо внутренней политики отдельных стран, а также региональной

политики, в данном случае политики Европейского союза (ЕС), существуют общемировые процессы, требующие соответствующего отношения. Глобальные черты экономики проявляются, в частности, в том, что такие политические меры, как критика, санкции и прочие рестрикции, без увязки с реальным положением дел могут нанести и наносят ощутимый ущерб и тем, кто их применяет.

Во-вторых, все более заметным становится расхождение «принципиальных» позиций Запада в отношении различных стран, использование уже не только двойных, но и тройных, и индивидуальных стандартов. Например, при очевидных различиях в положении женщин и сексуальных меньшинств в мусульманских странах и Китае, даже при

явном, признаваемом и на Западе прогрессе в Китае с правами человека в целом, Пекину в этом вопросе, тем не менее, не делается «скидка» на «особенности культуры». Энергоресурсы, на которых строятся экономика и общество Европы, спокойно импортируются из мусульманских государств (ими же, к слову, стремятся заместить и российские ресурсы), а Китай, главная «мастерская мира», всячески провоцируется (как минимум дискурсивно) по проблеме прав человека.

В-третьих, универсальным объявлен концепт прав человека в его западной интерпретации, которая не только все больше ставится под сомнение, но и уже имеет альтернативу, в частности китайскую. И эта альтернативная версия разработана на политико-философских основаниях, предложенных на том же самом Западе, — права человека как институт в интересах человека.

Наиболее острая критика политики КНР по проблеме прав человека странами «коллективного Запада» осуществляется по трем основным направлениям: нарушение демократических прав и свобод жителей Гонконга и мусульманского Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), а также всех, находящихся на китайской территории граждан, как КНР, так и других стран, в ходе борьбы с эпидемией COVID-19. Примечательно, что долгое время популярный в западном дискурсе тибетский вопрос в настоящее время фактически не упоминается.

Несмотря на то, что в Европе отмечают значительный прогресс в области прав человека в КНР¹, данная тематика не перестает использоваться в качестве обоснования внешнеполитического поведения, в том числе санкционной политики, ставшей неотъемлемой частью международных отношений. В условиях эскалации борьбы США и Китая за лидерство упомянутая тема часто используется Вашингтоном для влияния на интенсивность сотрудничества ЕС с КНР, в котором

¹ Rühlig T. How China Approaches International Law: Implications for Europe // European Institute for Asian Studies. May 2018. URL: https://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/03/EU_Asia_at_a_Glance_Ruhlig_2018_China_International_Law.pdf (accessed: 14.05.2024). См. также: (Handbook on Human Rights in China, 2019).

Пекин и Брюссель крайне заинтересованы. Дискурсивная политика Китая, в том числе в области прав человека, некоторое время назад перешла из оборонительной в наступательную. Теперь Китай не только настаивает на собственной модели развития, в том числе в этой сфере, но и открыто заявляет о преимуществах китайского понимания прав человека по сравнению с западным.

Методология исследования

Объектом исследования выступают европейский и китайский дискурсы по чувствительной теме прав и свобод человека на примере высказываний официальных лиц ключевых европейских стран — Великобритании, Германии, Франции и Италии в отношении Китая. Предмет исследования — права человека, закрепленные в Конституции КНР, с одной стороны, и в Хартии Европейского союза по правам человека, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод — с другой. Последний документ был включен в анализ ввиду того, что к нему присоединились все вышеупомянутые страны, в том числе Великобритания, которая с 2020 г. не является членом ЕС. Осуществлен сравнительный контент-анализ упомянутых документов, и на его основании проведен их аксиологический анализ с целью выявления отличий китайского восприятия основных прав человека от европейского. Это, по мнению авторов, может служить ключом к пониманию различий и подходов, лежащих в основе дискурсивного противостояния по линии Китай — Запад. Для подтверждения выводов о проблемах, с которыми сталкивается сфера прав человека, будучи одним из главных дискурсивных факторов, консолидирующих страны Запада, были привлечены данные социологических опросов.

Анализ дискурса Великобритании, Германии, Франции, Италии и Китая в контексте прав человека

Гонконг

Тема пренебрежения правами человека в Гонконге стала набирать популярность в западном дискурсе на фоне масштабных

протестов — так называемой «революции зонтиков» 2014 г. (протестующие требовали отменить процедуру одобрения Пекином участников выборов исполнительной власти Гонконга, назначенных на 2017 г.), протестных движений 2019 г. (демонстранты выступали против принятия законопроекта об экстрадиции) и их рецидива в мае 2020 г. на фоне попыток принять закон о защите национальной безопасности в Гонконге². В западном дискурсе Китай активно обвиняется в том, что этот закон нарушает основные свободы его жителей, использует расплывчатые формулировки, которые позволяют подвергать людей политическим репрессиям, затрудняет иностранным компаниям ведение бизнеса и выполнение ими обязательств по соблюдению прав человека, а также ставит под вопрос реализацию принципа «Одна страна — две системы», лишая Гонконг высокой степени автономии.

Риторике официальных лиц Великобритании в отношении ситуации в Гонконге в целом можно охарактеризовать как выдержанную в традиционном дипломатическом стиле. Так, в 2014 г. премьер-министр Д. Кэмерон заявил, что «Британия должна защищать права людей в бывшей британской колонии»³. Когда британские парламентарии не были допущены в Гонконг во время протестов 2014 г., он назвал это решение китайской стороны «ошибочным и контрпродуктивным»⁴.

В 2018 г. следующий премьер-министр Т. Мэй и министр иностранных дел и по делам Содружества Дж. Хант «выражали обеспокоенность» в связи с массовыми протестами, вызванными законом об экстрадиции,

а последний британский губернатор Гонконга К. Паттен назвал попытки принять закон «ужасным ударом... по верховенству закона, стабильности и безопасности Гонконга, позициям Гонконга как крупного международного экономического центра»⁵.

Британский премьер-министр в 2019–2022 гг. Б. Джонсон, придерживаясь сдержанной риторики, выступил с инициативой, предлагающей вернуться в Великобританию не только обладателям английских паспортов, но и любому жителю Гонконга, которые могут оставаться в стране до 5 лет с перспективой получить британское гражданство. Посол КНР в Лондоне Лю Сяомин жестко отреагировал на эту инициативу, оценив ее как попытку вмешательства во внутренние дела Китая и пригрозив «серьезными последствиями»⁶ для китайско-британских отношений.

Более жесткую по сравнению с Б. Джонсоном риторику в отношении Китая использовал глава внешнеполитического ведомства Великобритании в 2019–2021 гг. Д. Рааб: «Китай ввел мир в заблуждение»; «Китай плюет на права человека»; «[Закон об экстрадиции] создает плохую репутацию Компартии на международной арене» и т. п.⁷

Итальянские политики придерживаются различных позиций в отношении Китая, и в частности ситуации в Гонконге. Это продемонстрировала их реакция на провокационную инициативу парламентария от партии «Братья Италии» А. Урсо, который в ноябре 2019 г. пригласил принять участие в пресс-конференции в дистанционном формате одного из основных лидеров гонконгского

² Maizland L., Fong C. Hong Kong's Freedoms: What China Promised and How It's Cracking Down // Council on Foreign Relations. March 19, 2024. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/hong-kong-freedoms-democracy-protests-china-crackdown> (accessed: 14.05.2024).

³ British Values: Article by David Cameron // UK Government. June 15, 2014. URL: <https://www.gov.uk/government/news/british-values-article-by-david-cameron> (accessed: 14.05.2024).

⁴ British MPs Banned from Hong Kong Visit // Financial Times. November 30, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/08919562-78ba-11e4-b518-00144feabdc0> (accessed: 14.05.2024).

⁵ China's Extradition Law Should Respect Hong Kong Deal, Says May // The Guardian. June 12, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/12/chinas-extradition-law-should-respect-hong-kong-handover-deal-may> (accessed: 14.05.2024).

⁶ China Warns UK of 'Consequences' over Hong Kong 'Interference' // BBC. July 21, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-53481397> (accessed: 14.05.2024).

⁷ China 'Misled World on Hong Kong Security Law, Says Dominic Raab // The Guardian. January 6, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/06/british-politicians-urge-eu-to-drop-china-deal-after-hong-kong-arrests> (accessed: 14.05.2024).

протестного движения Джошуа Вонга. На это последовала незамедлительная реакция посольства КНР в Италии, которое в заявлении, опубликованном на официальной странице посольства, охарактеризовало поведение «политиков, организовавших видеоконференцию», как «безответственное»⁸.

М. Сальвини, председатель партии «Лига», прокомментировал сложившуюся ситуацию в резком тоне, отметив, что «невозможно, чтобы Китай говорил, что нам делать, а что — нет». Парламентарий от Демократической партии А. Романо охарактеризовал реакцию посольства КНР как «беспрецедентное вмешательство», а председатель партии «Братья Италии» Дж. Мелони оказалась «потрясена высокомерием и смелостью», которые позволяет себе посольство КНР в отношении Италии. Наиболее мягкой оказалась позиция министра иностранных дел Италии, одного из лидеров «Движения пяти звезд» Л. Ди Майо. Комментируя ситуацию, он подчеркнул: «Мы всегда выступаем за отличные отношения с Пекином, но в парламенте Италии каждый день происходят какие-то мероприятия, и было бы правильным их уважать»⁹.

Сдержанной риторикой относительно ситуации в Гонконге придерживались и канцлер Германии А. Меркель («Я надеюсь, что демонстранты смогут вести диалог [с властями материкового Китая] в соответствии с демократическими свободами»; «Права и свободы должны соблюдаться в соответствии с законом»¹⁰), и министр иностранных дел Х. Маас

(«Мы поддерживаем права жителей Гонконга в рамках политики „Одна страна — две системы“»; «Мы всегда выступали за то, чтобы люди в Гонконге могли выражать свое мнение»¹¹). Такая позиция вызвала недовольство и критику некоторых политиков в Германии: например, председатель комитета Бундестага по правам человека и гуманитарной помощи Г. Йенсен охарактеризовал отношение А. Меркель и Х. Мааса к гонконгским событиям как «беспринципное и обескураживающее»¹².

Китай парировал все обвинения утверждением о том, что «действия правоохранительных органов в Гонконге были направлены на обеспечение безопасности и поддержание порядка в соответствии с законом», и использовал наступательную риторику, указывая, что «такие страны, как США, Великобритания, Канада и Австралия, создали строгие правовые рамки для обеспечения национальной безопасности, не проявляя милосердия в борьбе с правонарушениями, угрожающими национальной безопасности»¹³.

Казалось, что из-за протестов и давления Запада власти Китая пошли на попятную, отозвав проект закона об экстрадиции 2019 г. Однако уже в следующем, 2020 г., был принят закон о защите национальной безопасности. Исследователи М. Лемос и М. Коста назвали ситуацию ироничной — непринятый законопроект об экстрадиции, в отличие от принятого закона, в значительной степени соответствовал политике в отношении Гонконга, согласованной в 1984 г. Великобританией и КНР, в том числе в вопросах,

⁸ Italian MPs 'Irresponsible' with Wong — China Embassy // ANSA English. November 29, 2019. URL: https://www.ansa.it/english/news/2019/11/29/italian-mps-irresponsible-with-wong-china-embassy_2d3dfd28-b973-4ce0-9981-c6730e8eaa88.html (accessed: 14.05.2024).

⁹ Cina attacca i politici italiani su Hong Kong. Di Maio: “Sempre ottimi rapporti con Pechino” // Fanpage.it. 29.11.2019. URL: <https://www.fanpage.it/politica/lambasciata-cinese-attacca-i-politici-italiani-per-la-conferenza-su-hong-kong/> (accessed: 14.05.2024).

¹⁰ Angela Merkel Calls for Peaceful Resolution in Hong Kong // Deutsche Welle. June 9, 2019. URL: <https://www.dw.com/en/angela-merkel-calls-for-peaceful-resolution-in-hong-kong/a-50321822> (accessed: 14.05.2024).

¹¹ „Einflussnahme bekannt“: China geht in Deutschland gegen Hongkong-Aktivisten vor // Merkur.de. 13.09.2019. URL: <https://www.merkur.de/politik/hongkong-protteste-maas-verteidigt-treffen-mit-aktivist-joshua-wong-china-erbost-zr-12978086.html> (accessed: 14.05.2024).

¹² Sorge in der EU um Situation in Hongkong // Deutsche Welle. 30.08.2019. URL: <https://www.dw.com/de/sorge-in-der-eu-um-situation-in-hongkong/a-50230293> (accessed: 14.05.2024).

¹³ What's False and What's True on China-Related Human Rights Matters // The Embassy of the People's Republic of China in Italy. July 8, 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201025030525/http://it.china-embassy.org/ita/xwtdt/t1804894.htm> (accessed: 14.05.2024).

касающихся защиты прав человека (Lemos & Costa, 2022). Однако даже в этой ситуации некоторые исследователи приходят к выводу, что защита основных прав и свобод в Гонконге продолжает действовать (Сохон, 2022). Более того, прозападные активисты в Гонконге сознательно поддерживают популистские настроения, особенно среди молодежи, в частности выпуская соответствующие учебники. Исследование семи таких учебников показало, что значительная часть их содержания выставляет материковый Китай в негативном свете на фоне позитивного образа Гонконга (Li, Wu & Xiao, 2023).

Синьцзян-Уйгурский автономный район

По «уйгурскому вопросу» основные обвинения со стороны Запада в адрес Китая сводятся к жестокому обращению с уйгурами в так называемых «политических лагерях перевоспитания», использованию борьбы с терроризмом в Синьцзяне в качестве предлога для репрессивной деятельности в отношении этнических меньшинств, практике принудительного труда, насильственным абортам и стерилизации уйгурских женщин, а также использованию китайским правительством отказа в продлении паспорта как способа принудить уйгуров, проживающих за границей, вернуться в Синьцзян.

В британском официальном дискурсе наиболее острой риторики придерживался глава британского внешнеполитического ведомства Д. Рааб: «Произвольное задержание, политическое перевоспитание, принудительный труд, пытки, стерилизация... Все это по-настоящему ужасно... Мы надеялись, что варварство осталось в прошлом»¹⁴; «...самопроизвольное задержание более миллиона уйгуров и представителей других меньшинств»¹⁵. Аналогичная риторика харак-

терна и для некоторых других британских политиков. Так, Дж. Хант, парламентарий И. Хан, Н. Гани, Л. Моран и др. неоднократно высказывались о нарушениях прав человека в СУАР: «Британия не должна воспринимать происходящее в Китае иначе как геноцид»; «Поправка о геноциде дает возможность переосмыслить внешнюю политику [Великобритании]»¹⁶.

Несмотря на давление в парламенте, Б. Джонсон, как и его предшественница на посту премьер-министра Т. Мэй¹⁷, относился к китайскому направлению внешней политики достаточно прагматично, что отражается в том числе в его осторожной риторике: «В некоторых вещах мы должны проявлять жесткость, но мы также должны и взаимодействовать»¹⁸; «Китай — это важнейший фактор геополитики, он будет важнейшим фактором в нашей жизни и в жизни наших детей и внуков»¹⁹; «Я не хочу, чтобы наша страна или правительство превращались в недумаящих синофобов»²⁰.

finer-for-chinese-trade-linked-to-labor-camps/ (accessed on: 14.05.2024).

¹⁶ См.: Topical Questions. Volume 648: Debated on Tuesday 30 October 2018 // UK Parliament. October 30, 2018. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2018-10-30/debates/4EFBC063-CEDD-4FFD-B48B-A22871B5B072/TopicalQuestions?highlight=%22concur%20that%20those%20reports%20are%20broadly%20accurate%22#contribution-334FCC5E-CC27-459D-A0C7-0DCAA4DEFB2D> (accessed: 14.05.2024); Human Rights: Xinjiang. Volume 692: Debated on Thursday 22 April 2021 // UK Parliament. April 22, 2021. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2021-04-22/debates/6FA4F300-D244-443E-A48C-57378876DE54/HumanRightsXinjiang> (accessed: 14.05.2024).

¹⁷ Ma A. Chinese State Media Praises ‘Pragmatic’ Theresa May for not Mentioning Their Atrocious Human Rights While Visiting Them // Business Insider. February 2, 2018. URL: <https://www.businessinsider.com/china-global-times-praises-theresa-may-for-not-mentioning-human-rights-on-trip-2018-2> (accessed: 14.05.2024).

¹⁸ McGuinness A. Boris Johnson Says He Won’t Be ‘Pushed into Becoming a Knee-Jerk Sinophobe’ amid Deterioration in China Ties // Sky News. July 20, 2020. URL: <https://news.sky.com/story/boris-johnson-says-he-wont-be-pushed-into-becoming-a-knee-jerk-sinophobe-amid-deterioration-in-china-ties-12032515> (accessed: 14.05.2024).

¹⁹ Ibid.

²⁰ UK PM Boris Johnson Warns Against ‘Unthinking Sinophobia’ amid Tensions with China // WION. January

¹⁴ China’s Treatment of Uighurs Amounts to Torture, Says Dominic Raab // The Guardian. January 12, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/12/chinas-treatment-of-uighurs-amounts-to-torture-dominic-raab> (accessed: 14.05.2024).

¹⁵ Isaac A. UK Firms Face Fines for Chinese Trade Linked to Forced Labor Camps // Politico. January 12, 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/uk-firms-face->

В мае 2022 г. министр иностранных дел, по делам Содружества и развития, кандидат на пост премьер-министра Великобритании Л. Трасс выступила с рядом заявлений, осуждающих нарушения прав человека в СУАР. В частности, она упомянула «гонения в Китае на уйгурских мусульман и другие этнические меньшинства, включая принудительный труд, строгие ограничения свободы вероисповедания, разлучение родителей и их детей, принудительный контроль над рождаемостью и массовые тюремные заключения»²¹.

В Италии ситуация в Синьцзяне фактически выпала из официального дискурса несмотря на то, что глава Ватикана — папа Франциск — обратил на нее внимание²². Министр иностранных дел Л. Ди Майо, известный своими симпатиями к Пекину и проекту «Пояс и путь», комментируя «уйгурский вопрос», обходился общими фразами о приверженности невмешательству во внутренние дела суверенных государств и защите прав человека («Наша цель — защита прав человека и этнических меньшинств»²³). Пролоббированная правой партией «Лига» М. Сальвини законодательная инициатива, в рамках которой предлагалось назвать политику Пекина в отношении уйгуров «геноцидом», не была поддержана администрацией премьер-министра Италии М. Драги, занявшей достаточно сдержанную позицию по этому вопросу²⁴.

14, 2021. URL: www.wionews.com/world/uk-pm-boris-johnson-warns-against-unthinking-sinophobia-amid-tensions-with-china-356542 (accessed: 14.05.2024).

²¹ China's Human Rights Violations in Xinjiang: Foreign Secretary's Statement // UK Government. May 24, 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-statement-on-xinjiang-24-may-2022> (accessed: 14.05.2024).

²² China Says Pope's Remarks About "Persecuted" Uighurs Are Groundless // Reuters. November 24, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/world/china-says-popes-remarks-about-persecuted-uighurs-are-groundless-idUSKBN28417Q/> (accessed: 14.05.2024).

²³ Intervista del Ministro Di Maio a Il Foglio // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 13.07.2020. URL: <https://web.archive.org/web/20200713093328/https://www.esteri.it/mae/it/sala stampa/interviste/2020/07/intervista-del-ministro-di-maio-a-il-foglio.html> (accessed: 14.05.2024).

²⁴ Leali G. Italy Debate on Charges of China 'Genocide' Puts Pressure on Draghi Coalition // Politico.

Выступая в Бундестаге, А. Меркель отметила, что «Германия и вся Европа оказались в центре соперничества между Китаем и США», охарактеризовав социальное устройство Китая как обладающее государственным, а иногда и репрессивным характером²⁵. Высказываясь об «уйгурском вопросе», она подчеркнула, что его нужно «критиковать», однако и сам канцлер подвергается критике немецкими коллегами за излишнюю мягкость в отношении ситуации в Синьцзяне. Так, председатель комитета по правам человека и гуманитарной помощи немецкого парламента Г. Йенсен призывает А. Меркель «включить Синьцзян в повестку заседания Совета Европы, чтобы обсудить перспективы введения общеевропейских санкций»²⁶.

Несмотря на публикацию *Human Rights Watch* «Китайский вызов Олафу Шольцу», в которой отмечается «худший период репрессий со стороны китайского правительства со времени жестокого подавления демократического движения на площади Тяньаньмэнь» и содержится призыв «правительства Германии совместно с союзниками в Евросоюзе ввести санкции в отношении официальных лиц, ответственных за притеснения уйгуров и других национальных меньшинств», канцлер О. Шольц придерживается прагматичного подхода, предпочитая не допускать дипломатической эскалации²⁷.

Китай же парирует обвинения в нарушении прав и свобод уйгуров в «центрах профессионального образования и обучения» в Синьцзяне, отмечая, что они «по своему

April 6, 2021. URL: <https://www.politico.eu/article/italy-debate-on-charges-of-china-genocide-puts-pressure-on-draghi-coalition/> (accessed: 14.05.2024).

²⁵ Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Deutschen Bundestag // Der Bundeskanzler. 27.11.2021. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-im-deutschen-bundestag-1699682> (accessed: 14.05.2024).

²⁶ Rahn W. Germany Stays Quiet on China Rights Abuses // Deutsche Welle. May 12, 2019. URL: <https://www.dw.com/en/why-is-germany-silent-on-chinas-human-rights-abuses/a-51545962> (accessed: 14.05.2024).

²⁷ Roth K. The China Challenge for Olaf Scholz // Human Rights Watch. May 20, 2022. URL: <https://www.hrw.org/news/2022/05/20/china-challenge-olaf-scholz> (accessed: 14.05.2024).

характеру не отличаются от общественных исправительных учреждений в США и Великобритании и центров дерадикализации во Франции. Все они являются полезными мерами для превентивного противодействия терроризму и соответствуют принципам и духу Глобальной контртеррористической стратегии ООН и других резолюций о борьбе с терроризмом»²⁸.

В ответ на обвинения в нарушении религиозных свобод и уничтожении мечетей в СУАР на официальных сайтах посольств КНР в некоторых европейских странах была размещена информация о том, что «число мечетей в Синьцзяне выросло с 2000 в начале реформ и открытия в конце 1970-х гг. до 24 400 сегодня, что более чем в 10 раз больше, чем в Соединенных Штатах. А уйгурское население СУАР (в качестве ответа на обвинения в геноциде и принудительной стерилизации уйгурских женщин. — *Прим. авт.*) с 1978 по 2018 г. увеличилось с 5,55 млн до 11,68 млн человек, что составляет 46,8 % от общей численности населения автономного района»²⁹. Кроме того, там же не раз упоминаются прецеденты ущемления прав расовых и этнических меньшинств в США, в частности, в качестве яркого примера нарушения прав и свобод афроамериканцев как этнического меньшинства приведена резонансная ситуация вокруг убийства Дж. Флойда 25 мая 2020 г.

Политическая ангажированность также присутствует во многих научных исследованиях (Roberts, 2018; Finley, 2019; Çaksu, 2020). Например, даже когда стоит задача сравнить западный и китайский дискурсы, тексты статей нередко начинаются с констатации «преступлений против человечности» в Китае, то есть еще до постановки проблемы и представления результатов ее исследования (Çiçek, 2022). К настоящему времени

о ситуации в СУАР написано значительное количество научной литературы, и можно определить основное отличие подходов западных исследователей от их китайских и других коллег. На Западе исходят из того, что в регионе существует межэтнический, религиозный и даже межкультурный конфликт, а на Востоке — что проблема безопасности не должна рассматриваться под углом этнического, религиозного, политического факторов. Однако Х. Ариодигуно утверждает, что китайское правительство запрещает не религию, а радикальные действия во имя религии, совершаемые ее приверженцами. Он также определяет дух китайского национализма как «концепцию, в которой этническое равенство, национальное единство, общее процветание и развитие в совокупности и составляют понятие китайского национализма» и что западные СМИ обвиняют Китай в нарушении прав человека, исходя из предпосылок западно-центризма (Aryodiguno, 2021).

В.С. Новичков отмечает, что в СУАР большую часть разнородного населения составляют неханьские народы, всего около 47 этнических групп (около 62,05 % от общей численности населения). Кроме того, регион отличается своей многоконфессиональностью, при этом наиболее распространен ислам, исповедуемый большинством населения (уйгурами, хуэйцами, казахами, кыргызами, таджиками и т. д.). Ученый делает вывод, что центральное правительство уделяет особое внимание социально-экономическому развитию региона, выравниванию уровня жизни местного неханьского населения до уровня восточных провинций, противодействию различным вызовам и угрозам безопасности, обусловленным этническим национализмом, сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом (Новичков, 2017). Это не означает, что такая политика не сопряжена с проблемами. Однако власти демонстрируют способность критически осмысливать ее результаты и вносить соответствующие, как правило эффективные, изменения в меры по борьбе с экстремизмом и терроризмом в СУАР (Моисеев, 2021).

²⁸ What's False and What's True on China-Related Human Rights Matters // The Embassy of the People's Republic of China in Italy. July 8, 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201025030525/http://it.china-embassy.org/ita/xwtd/t1804894.htm> (accessed: 14.05.2024).

²⁹ Ibid.

COVID-19

Еще одной темой для резкой критики Китая стали обвинения в нарушении прав человека в связи с реакцией властей КНР на распространение COVID-19. В частности, речь шла о том, что меры по изоляции в Ухане нарушили свободы его жителей, а также что китайские власти пренебрегали правами на свободу слова и конфиденциальность личных данных своих граждан. Примечательно, что в Европейской Конвенции по правам человека говорится о законности «заключения под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний» (ст. 5 п. «е»)³⁰.

Китай также обвиняется в нарушении прав человека во время пандемии COVID-19, в частности в том, что власти КНР пытались скрыть появление нового вируса, и это привело к инфицированию большого количества людей по всему миру, а также пренебрегли правом на свободу жителей г. Уханя, ограничили свободу слова (в том числе в Интернете) для журналистов и медицинских работников и т. п.

Если Б. Джонсон не пытался переложить ответственность за распространение вируса на Китай, то высказывания министра иностранных дел Великобритании Д. Рааба, напротив, носили резко антикитайский характер³¹.

Хотя главы Франции и Германии — Э. Макрон и А. Меркель — неоднократно призывали Китай к большей прозрачности данных об инфицированных и погибших, оба лидера не спешили присоединиться к провокационной американской истерии вокруг ответственности КНР за распространение вируса³².

³⁰ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=005> (accessed: 14.05.2024).

³¹ China Will Have to Answer Hard Questions on Coronavirus Outbreak: UK Foreign Minister // Reuters. April 16, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-britain-china/china-will-have-to-answer-hard-questions-on-coronavirus-outbreak-uk-foreign-minister-idUSKBN21Y2SV/> (accessed: 14.05.2024).

³² См.: Nussbaum A. Macron Calls on China to Be More Transparent on Covid Shots // Bloomberg.

Председатель итальянской «Лиги» М. Сальвини неоднократно выступал с крайне негативными, близкими к американским, оценками поведения Пекина в связи с COVID-19³³, используя эту острую повестку и во внутривластных целях, противопоставляя свою «принципиальную» позицию мягкой риторике действующей власти, в частности премьер-министра Д. Конте и министра иностранных дел Л. Ди Майо.

Тема возникновения вируса COVID-19, которой спекулировали США, в дискурсивном измерении себя еще не исчерпала, учитывая тот факт, что китайская социалистическая политическая система показала свою эффективность в кризисной ситуации. Представители Китая отмечали следующее: «Признавая право на жизнь в качестве основного права человека, китайское правительство ставит на первое место жизни людей... Напротив, правительство США игнорировало науку, преуменьшало угрозу вируса и даже прибегало к перекладыванию вины. Это привело к массовым вспышкам заболеваний внутри страны, которые унесли жизни и здоровье многих американцев, погрузили экономику в рецессию и привели к социальным потрясениям»³⁴.

Несмотря на то, что данные социологических опросов, проведенных в 2021 г. в странах Европы, показывали преимущественно негативное отношение к реализации

February 4, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-04/macron-calls-on-china-to-be-more-transparent-on-covid-shots> (accessed: 14.05.2024); Lau S., Wong C. Germany Pushes China for Answers to Coronavirus Origin // SCMP. April 21, 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3080918/germany-pushes-china-answers-coronavirus-origin-adding> (accessed: 14.05.2024).

³³ Salvini: “Italia pretende dalla Cina la verità sulla pandemia. Da Conte silenzio imperdonabile” // Il Primato Nazionale. 12.07.2020. URL: <https://www.ilprimatonazionale.it/primo-piano/salvini-italia-verita-cina-pandemia-conte-silenzio-imperdonabile-159657/> (accessed: 14.05.2024).

³⁴ What’s False and What’s True on China-Related Human Rights Matters // The Embassy of the People’s Republic of China in Italy. July 8, 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20201025030525/http://it.china-embassy.org/ita/xwdt/t1804894.htm> (accessed: 14.05.2024).

прав и свобод человека в Китае (84 % респондентов в Великобритании, 85 % — в Германии, 83 % — во Франции, 89 % — в Италии), в этих же странах превалировала положительная оценка эффективности политики Китая в борьбе с COVID-19 (в Великобритании — 48 % опрошенных позитивно оценивали усилия Китая в этом направлении, в Германии — 49 %, во Франции — 54 %, в Италии — 65 %), и во всех изученных европейских странах процент положительно оценивающих политику «нулевой терпимости» увеличился на 10–14 % по сравнению с 2020 г.³⁵

На наш взгляд, именно политика во время пандемии является наиболее показательной, поскольку остальные темы, затрагиваемые в статье, политизированы, а в ситуации с COVID-19 есть возможность использования статистических данных. После окончания пандемии появились исследования, в том числе сравнительные, о том, как разные страны с ней справились, ряд работ также содержат оценки влияния правозащитного фактора. Китайские специалисты ожидаемо отдали предпочтение национальной модели, однако в пользу их точки зрения были представлены соответствующие аргументы. В частности, Китай оказался единственной страной с крупной экономикой, в которой за время пандемии ВВП не упал, а вырос, пусть и не так существенно, как раньше (Петушкова, 2021).

Дин Дифэн и Чжан Жуйлянь отмечают, что важным выводом из политики предотвращения и контроля за распространением пандемии в Китае является уважение к науке. Китайское общество также продемонстрировало свое единство и сотрудничество на всех уровнях (Ding & Zhang, 2022). Они также подчеркивают, что стратегия Китая позволила замедлить распространение глобальной пандемии и что благодаря распространению китайских вакцин удалось обеспечить равноправный доступ к ним в мире.

³⁵ Silver L., Devlin K., Huang C. Large Majorities Say China Does Not Respect the Personal Freedoms of Its People // Pew Research Center. June 30, 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2021/06/30/large-majorities-say-china-does-not-respect-the-personal-freedoms-of-its-people/> (accessed: 14.05.2024).

Т.Н. Серегина, А.А. Евлах и С.Н. Кузьмин, изучив противоположные подходы к борьбе с пандемией — в Китае (модель строгой изоляции) и Швеции (модель «коллективного иммунитета»), пришли к однозначному выводу об эффективности первого и провале второго. Интересно также, что авторы рассматривают различия в социокультурных основаниях обоих подходов — особенностей менталитета для китайской модели и социально-политических — для шведской модели (Серегина, Евлах, Кузьмин, 2021).

Чжао Жун и Сюй Фэнцай показали преимущества китайской модели борьбы с коронавирусом, упоминаемые в российских СМИ. Китайские власти реагировали быстро и высокоорганизованно, всегда ставя жизнь людей превыше всего и, как следствие, завоевывая доверие народа. Таким образом, по мнению ученых, Китай продемонстрировал свой гуманистический подход (Чжао, Сюй, 2021). Однако, как отметил Дж.С. Рошкер, вместо того чтобы использовать этот положительный опыт, западные политики сделали акцент на авторитарных, по их мнению, методах китайского руководства в борьбе с пандемией, которые якобы связаны с авторитарными политическими традициями Китая и стран Юго-Восточной Азии. Исследователь утверждает, что решать такую глобальную проблему можно только на международном уровне — путем межкультурного диалога с целью построения новой, глобальной этики (Rošker, 2021). Однако объективным препятствием для такого развития событий является политическая реальность, в том числе зафиксированная в официальных документах.

Сравнительный анализ некоторых положений о правах человека, закрепленных в Конституции КНР, Хартии ЕС по правам человека и Европейской конвенции о защите прав человека и свобод

Выбранные для анализа документы охватывают три категории прав человека — гражданские, социально-экономические и политические.

Конституция КНР состоит из преамбулы, четырех глав и 143 статей. Во вторую главу «Основные права и обязанности граждан» входят 23 статьи (33–56)³⁶.

Хартия Европейского союза по правам человека состоит из преамбулы и 7 глав, содержащих в общей сложности 54 статьи (включая общие положения): «Достоинство» (ст. 1–5), «Свободы» (ст. 6–19), «Равенство» (ст. 20–26), «Солидарность» (ст. 27–38), «Права граждан» (ст. 39–46), «Справедливость» (ст. 47–50), «Общие положения» (ст. 51–54)³⁷.

Европейская конвенция по правам человека состоит из 59 статей, в раздел «Права и свободы» входят 17 из них (ст. 2–18)³⁸.

Все три категории прав в европейских документах описаны более подробно, чем в китайском. И в Хартии, и в конвенции говорится о праве на мирные собрания, в то время как в Конституции КНР даны лишь четкие определения отдельных прав без дополнительных характеристик.

Значительное внимание в Конституции КНР, в отличие от исследуемых европейских документов, уделяется долгу и обязанностям перед государством, а именно обязанности «платить налоги в соответствии с законом», «защищать безопасность, честь и интересы Родины», «защищать единство страны и единство всех ее национальностей»³⁹. Согласно документу, граждане также обязаны получать образование, работать, родители обязаны воспитывать детей, а взрослые дети —

поддерживать своих родителей. В европейских документах в упомянутом контексте речь идет о возможностях и свободах, но не об обязанностях. Так, например, в Хартии ЕС свобода выбора образования предусматривает возможность получить его бесплатно⁴⁰.

Еще одной отличительной чертой китайского документа от европейских является четко выстроенная иерархия в духе «сердцевинных социалистических ценностных воззрений» от общего к частному, от государства к обществу и человеку. Очевидно противопоставление западному образцу, где, согласно либеральной идее, на первом месте стоит человек и его права. Так, в ст. 51 Конституции КНР говорится: «Осуществляя свои свободы и права, граждане Китайской Народной Республики не должны наносить ущерб интересам государства, общества и коллектива, законным свободам и правам иных граждан»⁴¹.

Иными словами, права и свободы граждан КНР заканчиваются там, где они идут вразрез с интересами, во-первых, государства, во-вторых, общества, в-третьих, коллектива, и, наконец, индивида, то есть другого гражданина КНР. Это означает, что утверждение о том, что «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека», лежащее в плоскости европейского понимания, в Китае звучит как «Моя свобода заканчивается там, где начинаются интересы государства и коллектива». С аналогичных позиций эти различия исследуют и другие ученые (Tsvyk & Tsvyk, 2019).

Отношение граждан Великобритании, Германии, Франции и Италии к реализации демократических прав и свобод в их странах

Несмотря на разностороннюю критику демократии западного образца и многочисленные проблемы в странах Евросоюза

³⁶ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.05.2024).

³⁷ Charter of Fundamental Rights of European Union // EUR-Lex. October 26, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (accessed: 14.05.2024).

³⁸ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 005) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=005> (accessed: 14.05.2024).

³⁹ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.05.2024).

⁴⁰ Charter of Fundamental Rights of European Union // EUR-Lex. October 26, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (accessed: 14.05.2024).

⁴¹ Конституция КНР (в редакции 2018 г.) // Chinalaw.Center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 14.05.2024).

(падение доходов населения, растущий разрыв между богатыми и бедными, миграционный кризис и проч.), Европа по-прежнему видит себя в качестве защитника и проводника либеральных ценностей и демократических режимов в мире. Однако социологический опрос, проведенный в 2020 г., показал, что 69 % респондентов в Великобритании, 68 % — в Италии и 58 % — во Франции не удовлетворены тем, как реализуется демократия у них в стране. Более положительно к реализации демократических прав и свобод относятся граждане Германии — 65 % респондентов на вопрос «Довольны ли Вы тем, как „работает“ демократия у Вас в стране?» ответили положительно⁴². При этом, однако, 45 % респондентов в Германии считают, что выборным политикам безразлично, как к их действиям относятся граждане. Такой же точки зрения придерживаются 79 % респондентов в Великобритании, 78 % — в Италии и 65 % — во Франции⁴³.

Согласно опросам общественного мнения, жители развитых европейских стран хотели бы видеть свои государства демократическими, но они не удовлетворены тем, как демократия реализуется их правительствами на практике, и выражают желание реформировать существующие политические системы в своих странах. Так, 14 % британцев убеждены, что политическая система Великобритании нуждается в полной трансформации, 38 % хотели бы видеть ее существенную реформу, 32 % признают необходимость частичных изменений и лишь 13 % удовлетворены ее нынешним состоянием. В Германии те же показатели находятся на уровне 15, 37, 32 и 13 % соответственно, то есть всего за кардинальное и значимое реформирование выступают 52 % опрошенных. Во Франции 23 % уверены в необходимости тотальных перемен, 50 % — значительных, 18 % согласны на частичные реформы и только 7 % удовлетворены нынешним положением дел.

⁴² Wike R., Schumacher Sh. Satisfaction with Democracy // Pew Research Center. February 27, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/satisfaction-with-democracy/> (accessed on: 14.05.2024).

⁴³ Ibid.

В Италии 42 и 47 % респондентов высказались за фундаментальные и существенные реформы соответственно, 8 % указали на необходимость незначительных изменений и только 1 % выразил удовлетворение функционированием политической системы⁴⁴.

Примечательно также, что недовольство тем, как реализуются демократические права человека, демонстрируют в большей степени респонденты в тех странах, где люди, согласно социологическим опросам, не удовлетворены и экономической ситуацией. Так, 78 % итальянцев, 72 % французов, 74 % британцев и 63 % немцев оценивают текущую экономическую ситуацию как плохую⁴⁵.

Обсуждение результатов

Не только западные исследователи⁴⁶, но и российские эксперты отмечают, что институт прав человека в КНР активно развивается в рамках реформирования правовой системы на базе верховенства закона. И.Е. Денисов подчеркивает, что для этой реформы используются многие западные либеральные принципы, например укрепление независимой судебной власти, большая прозрачность управления, внедрение механизмов обратной связи между обществом и властью (Денисов, 2015). Хотя, конечно, есть и существенные различия. И.Е. Денисов полагает, что реформы происходят в контексте критики общечеловеческих западных ценностей и имеют главную цель — отказ от многопартийности и конкуренции политических партий (Денисов, 2015). Однако А.В. Цвык, как и многие

⁴⁴ Wike R., Fetterlorf J. Global Public Opinion in an Era of Democratic Anxiety // Pew Charitable Trusts. May 27, 2022. URL: <https://www.pewtrusts.org/en/trust/archive/spring-2022/global-public-opinion-in-an-era-of-democratic-anxiety> (accessed: 14.05.2024).

⁴⁵ Wike R., Schumacher Sh. Satisfaction with Democracy // Pew Research Center. February 27, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/satisfaction-with-democracy/> (accessed on: 14.05.2024).

⁴⁶ Rühlig T. How China Approaches International Law: Implications for Europe // European Institute for Asian Studies. May 2018. URL: https://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/03/EU_Asia_at_a_Glance_Ruhlig_2018_China_International_Law.pdf (accessed: 14.05.2024).

другие эксперты, обращает внимание прежде всего на другие права, которые в современном Китае считаются первостепенными, прежде всего, это право китайского народа на существование и развитие (Цвык, 2017). А.В. Ломанов отмечает, что концепция «единой судьбы человечества» выступает целевым обоснованием продвижения усредненной трактовки прав человека во внешнем мире, в то время как Китай стремится стать точкой притяжения, прежде всего, для развивающихся стран (Ломанов, 2022).

Европейцы считают права человека константой, а китайцы воспринимают их как переменную. Первой и очевидной уязвимостью европейской позиции является само существование проблемы и практики защиты прав человека. Нужно ли защищать константы? Нужно ли издавать законы, закрепляющие величину ускорения свободного падения на Земле равной $9,81 \text{ м/с}^2$? Несмотря на постоянные заявления, декларации, законы о «неотчуждаемости» тех или иных «основных» прав, они, конечно, не таковы.

Во-первых, просто потому, что они являются историческим явлением, однажды были сформулированы и введены (последние примеры — право на пользование Интернетом или выбор пола), и их, конечно, можно отменить.

Во-вторых, те же самые европейцы «отнимают» некоторые права на практике. При некотором словесно-правовом обосновании — «в соответствии с законом», но тем не менее они ограничивают права преступников (изменяя составы преступлений) и недееспособных (изменяя определения дееспособности); отменяя смертную казнь, они допускают применение летального оружия (правоохранительными органами в своих странах и даже за рубежом) и т. д.

Под влиянием модных и все более экстремистских политических тенденций Запад постепенно отходит даже от таких «универсальных» прав, как право на свободу слова — прежде всего в рамках идеологии «вокизма», а также от принципа равенства, легитимизируя (!) позитивную дискриминацию в пользу все большего и большего числа меньшинств.

Немаловажно и то, что так яростно пропагандируемый Западом предполагаемый универсализм прав человека, в первую очередь права на жизнь, почему-то допускает существование принципиальных разногласий между США и ЕС по поводу смертной казни. Все это может служить весомым аргументом в пользу вывода Н.В. Вечкановой о том, что в современном Китае сформировалась социалистическая позитивистская концепция прав человека с «китайской спецификой», рассматривающая права человека как результат государственного правотворчества (Вечканова, 2010).

В отличие от *исторического* характера таких прав, как право выбора пола, право на «уровень жизни, включая питание, одежду, жилище, медицинское обслуживание и необходимые социальные услуги, достаточные для поддержания здоровья и благополучия», торжественно провозглашенное во Всеобщей декларации прав человека ООН, является объективным и не зависит от воли ООН и государств, входящих в эту организацию⁴⁷. Без еды и воды любой человек умрет в течение нескольких дней, независимо от каких-либо законов, деклараций и деятельности правозащитных организаций. Занимаясь вопросами прав человека за рубежом, ЕС постепенно теряет аргументацию, все менее уверенно решая собственные внутренние проблемы.

КНР не только поставила задачу искоренения бедности, но и заявила о ее решении. И при всех различиях в уровне жизни и методах расчета, сложности статистики и т. д. Всемирный банк ставит Китай на первое место в мире по объему ВВП, рассчитанному не номинально, а по паритету покупательной способности (ППС)⁴⁸. Кроме того, опросы общественного мнения в Великобритании, Германии, Франции и Италии демонстрируют недовольство их собственных граждан тем, как соблюдаются их демократические права

⁴⁷ Всеобщая декларация прав человека // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.05.2024).

⁴⁸ GDP Per Capita, PPP (current international \$) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (accessed: 14.05.2024).

на фоне ухудшающейся экономической ситуации. На уровне ЕС, в отличие от заявлений брюссельских чиновников, все больше общеевропейских общественных организаций выражают обеспокоенность текущей ситуацией и перспективами ее развития. В частности, по обсуждаемым вопросам, касающимся перехода к новой, зеленой и цифровой экономике, европейские профсоюзы заявляют о необходимости ее «социально справедливой» реализации, а также «обновленного социального контракта, предусматривающего достойную заработную плату работникам, «права на... адекватную социальную защиту, укрепление общественного диалога и коллективных консультаций»⁴⁹. И даже европейские руководители заявляют о своей обеспокоенности не только обострением проблем всего, то есть малого, среднего и крупного бизнеса, но и тем, что, в частности, при формировании социальной реакции ЕС и его государств-членов на кризис COVID-19 «с ними не консультировались должным образом при разработке национальных планов его преодоления»⁵⁰.

Заключение

Проблема прав человека представляет собой одну из главных тем в дискурсивном противостоянии КНР и Запада, использующего ее в качестве инструмента давления на руководство Китая и легитимации своей внешней политики. Анализ дискурса по трем основным темам (Гонконг, СУАР и COVID-19) показал, что Пекин перешел от оборонительной позиции к наступательной риторике — стал не только объяснять свои действия и отстаивать собственный путь развития, но и указывать на его преимущества по сравнению с принципами западной демократии. Особенно наглядно это заметно на примере дискурса вокруг методов борьбы с распространением COVID-19, когда по объективным

показателям политическая модель Китая продемонстрировала большую эффективность по сравнению с западной. Поэтому европейская критика действий КНР по этой проблеме предстает больше как оправдание собственной низкой эффективности.

Основное различие в подходах к проблематике прав человека в ЕС и КНР — концептуальное. Европейцы считают права человека *константой*, а китайцы — *переменной*. Дискурсивные разногласия по вопросу прав человека основаны на различиях в их понимании. В частности, КНР уделяет повышенное внимание государству не только как гаранту соблюдения прав граждан, но и как институту, перед которым граждане имеют ряд обязанностей. В европейских документах речь идет в основном о правах и свободах человека. Еще одним важным отличием является наличие ценностной иерархии: если европейское понимание прав и свобод человека векоцентрично, то китайское — построено в соответствии с ценностной иерархией по принципу «государство — общество — человек».

Китай видит в экономическом развитии государства гарант реализации права своих граждан на безопасную жизнь, без которого абстрактно само понятие «прав и свобод человека». Идеологический аспект, конечно, здесь также присутствует. Однако дело вовсе не в отрицании, в данном случае коммунистами, капитализма *per se*. Он был прогрессивен, добываясь и добившись вопреки произволу монархов многих прав и свобод и для обычных людей, пусть на практике наиболее эффективно реализуемых только для собственников. При этом, в то время как современные общества — зарплатные, большинство людей зависят не только от конкретного работодателя, но и от «совокупного» капиталиста, в том числе государственного. Действительно, у современного капиталистического государства есть много социальных достижений. Тем не менее существование на социальное пособие сильно отличается от жизни человека, получающего зарплату, соответствующую его квалифицированному труду. А любой наемный работник все также находится под давлением и марксовой

⁴⁹ Principaux messages issus du sommet social tripartite // Le Conseil de l'Union européenne. 20.10.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/fr/press/press-releases/2021/10/20/main-messages-from-the-tripartite-social-summit-20-october-2021/> (accessed: 14.05.2024).

⁵⁰ Ibid.

«резервной армии труда», и работодателя, нацеленного на собственную прибыль. Однако даже с формально-юридической точки зрения Китай полностью выполняет взятые на себя международные обязательства в рассматриваемом контексте. Все это позволяет предположить усиление акцента на преимуществах своей модели развития в дискурсивной политике Пекина.

В свете вышеизложенного позиция Запада выглядит гораздо более идеологизированной и политизированной. Историчность любых социальных институтов предполагает их возникновение и развитие в разных странах

в разное время и по-разному. Одного этого было бы достаточно, чтобы стимулировать дальнейшие шаги на пути защиты прав человека, как это делает Запад в отношении мусульманских стран, в частности, вместо того чтобы все активнее критиковать Пекин. Примечательно также, что именно политический оппортунизм, а вовсе не принципиальность проявляется в том, что все три рассмотренные выше темы в настоящее время находятся на периферии внимания ЕС, переключившегося на «тайваньский вопрос», а ситуация в Тибете, долгое время популярная в западном дискурсе, фактически вообще не упоминается.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 28.05.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Вечканова Н. В.* Конституционное регулирование личных прав и свобод человека в азиатских государствах Тихоокеанского региона // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 12. С. 7–12. EDN: NDCXGR
- Денисов И. Е.* Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 35–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.06>; EDN: UOHUUN
- Ломанов А. В.* Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 4. С. 882–897. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897>; EDN: ZLVYQV
- Моисеев С. В.* Реализация политики «жесткого удара» по экстремизму и терроризму в Синьцзян-уйгурском автономном районе Китая // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 104–109. EDN: QAYLXI
- Новичков В. С.* Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 116–122. <https://doi.org/10.17223/15617793/424/16>; EDN: ZWZNOP
- Петушкова В. В.* Последствия пандемии COVID-19 для экономики Китая: итоги 2020 года // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 3. С. 104–122. <https://doi.org/10.31249/espr/2021.03.06>; EDN: ESVWQN
- Серегина Т. Н., Евлах А. А., Кузьмин С. Н.* Компаративистский анализ моделей борьбы с COVID-19 (на примере Швеции и Китая) // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 5. С. 933–939. <https://doi.org/10.30853/mns210191>; EDN: AYXOOZ
- Цык А. В.* Права человека: взгляд из Китая // Азия и Африка сегодня. 2017. № 10. С. 51–55. EDN: ZMVSUD
- Чжао Ж., Сюй Ф.* Преимущества китайской модели: опыт Китая в борьбе с коронавирусом в русской прессе // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1. С. 17–32. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-17-32>; EDN: CPLLEW
- Aryodiguno H.* Understanding Xinjiang from a Chinese Nationalist's Perspective // AEGIS: Journal of International Relations. 2021. Vol. 5, no. 1. P. 67–78. URL: https://www.researchgate.net/publication/361114519_Understanding_Xinjiang_from_a_Chinese_Nationalist's_Perspective (accessed: 12.04.2023).
- Çaksu A.* Islamophobia, Chinese Style: Total Internment of Uyghur Muslims by the People's Republic of China // Islamophobia Studies Journal. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 175–198. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.13169/islastudj.5.2.0175> (accessed: 12.04.2024).
- Çiçek A.* “Political Re-Education Camps” in Xinjiang as a Part of Panopticon-Like Society: Clashing Discourses of Western and Chinese Media // Wschodnioznawstwo. 2022. Vol. 16. P. 269–298. <https://doi.org/10.4467/20827695WSC.22.017.16766>
- Coxon B.* Beyond the Basic Law: Interpretive Principles Protective of Fundamental Rights in Hong Kong // Common Law World Review. 2022. Vol. 51, no. 4. P. 248–267. <https://doi.org/10.1177/14737795221116395>

- Ding Difeng, Zhang Ruilian.* China's COVID-19 Control Strategy and Its Impact on the Global Pandemic // *Frontiers in Public Health.* 2022. Vol. 10. P. 1–10. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.857003>
- Finley J. S.* Securitization, Insecurity and Conflict in Contemporary Xinjiang: Has PRC Counter-Terrorism Evolved Into State Terror? // *Central Asian Survey.* 2019. Vol. 38, no. 1. P. 1–26. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1586348>
- Handbook on Human Rights in China* / ed. by S. Biddulph, J. Rosenzweig. Northampton, MA : Edward Elgar Publishing Ltd, 2019. <https://doi.org/10.4337/9781786433688>
- Lemos M., Costa M. J.* The Extradition Bill of Hong Kong Revisited, the National Security Law and the Irony of Human Rights Protection in “One Country, Two Systems” // *Revista Brasileira de Direito Processual Penal.* 2022. Vol. 8, no. 3. P. 1503–1536. <https://doi.org/10.22197/rbdpp.v8i3.701>
- Li Yulong, Wu Yuxi, Xiao Mingfeng.* A Corpus-Based Discourse Analysis of Liberal Studies Textbooks in Hong Kong: Legitimizing Populism // *Politics and Governance.* 2023. Vol. 11, no. 2. P. 261–271. <https://doi.org/10.17645/pag.v11i2.6550>
- Roberts S. R.* The Biopolitics of China's “War on Terror” and the Exclusion of the Uyghurs // *Critical Asian Studies.* 2018. Vol. 50, no. 2. P. 232–258. <https://doi.org/10.1080/14672715.2018.1454111>
- Rošker J S.* Intercultural Dialogues in Times of Global Pandemics: The Confucian Ethics of Relations and Social Organization in Sinic Societies // *Ethics & Bioethics (in Central Europe).* 2021. Vol. 11, no. 3–4. P. 206–216. <https://doi.org/10.2478/ebce-2021-0011>
- Tsvyk A. V., Tsvyk G. I.* China's Human Rights Concept and Its International Promotion // *RUDN Journal of Sociology.* 2019. Vol. 19, no. 1. P. 20–30. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-20-30>; EDN: УХЕНQL

Сведения об авторах:

Литвак Николай Витальевич — доктор социологических наук, профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 4168-7976; ORCID: 0000-0003-1621-0005; e-mail: jourfr@mail.ru

Помозова Наталья Борисовна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 5774-6654; ORCID: 0000-0002-9981-0593; e-mail: npomozova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-483-486

EDN: UUAWFV

Рецензия на книгу:

Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К. П. Курылева. Москва : Аспект Пресс, 2024. 312 с.

Д.Б. Малышева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

 dshdt3068@gmail.com

Для цитирования: Малышева Д. Б. Рецензия на книгу: Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К. П. Курылева. Москва : Аспект Пресс, 2024. 312 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 483–486. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-483-486>

Book Review:

Kurylev, K. P. (Ed.). (2024). Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations. Moscow: Aspect Press publ., 312 p. (In Russian)

Dina B. Malysheva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation

 dshdt3068@gmail.com

For citation: Malysheva, D. B. (2024). Book review: Kurylev, K. P. (Ed.). (2024). Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations. Moscow: Aspect Press publ., 312 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 483–486. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-483-486>

Центральноазиатские страны находятся на переломном этапе своей истории. Они решают стоящие перед ними важнейшие задачи на фоне формирования полицентричного миропорядка и в условиях, когда крупные региональные и глобальные игроки борются за влияние, ресурсы и рынки в Центральной Азии. Такое конкурентное политическое противостояние часто используется правящими

элитами стран Центрально-Азиатского региона для внешнеполитического маневрирования и развития взаимодействия с внешними силами в рамках разного рода двусторонних и многосторонних форматов.

За процессами, происходящими в Центральной Азии, внимательно следят и в России, что неудивительно: этот обширный сегмент постсоветского ближнего зарубежья

© Малышева Д.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

был и остается в сфере особых интересов России. Не обходит своим вниманием процессы трансформации Центральной Азии и отечественная академическая наука. За истекшие десятилетия было опубликовано немало работ, в которых анализировались этапы международно-политического становления постсоветской Центральной Азии, вызовы и угрозы ее безопасности, особенности интеграционных процессов. Внимание исследователей привлекали, в частности, такие проблемы, как формирование в этом регионе «новой подсистемы международной политики» (Богатуров, Дундич, Троицкий, 2010), политическая трансформация центральноазиатских стран и специфика их «многовекторных» международных отношений (Мальшева, 2010), региональное и глобальное измерение их внешней политики (Гарбузарова, 2020), а также место в мирополитических процессах (Плотников, 2020).

В ряду увидевших свет отечественных публикаций по международно-политической проблематике постсоветской Центральной Азии достойное место занимает рецензируемое монографическое исследование, написанное коллективом авторов — российских востоковедов и международников, ученых из стран центральноазиатского ближнего зарубежья, а также Индии. Созданию монографии предшествовала конференция, проведенная 16 декабря 2022 г. в Москве кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы совместно с Институтом постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета. Идеи, озвученные на этой международной конференции, легли в основу исследований, итогом которых и стала рецензируемая монография.

Ее значимость определяется масштабом рассмотренных проблем и их несомненной актуальностью, учитывая тот факт, что авторы акцентируют свое внимание преимущественно на новейшем периоде центральноазиатской истории, анализируя региональные события в тесной привязке к современным глобальным трансформациям. Обращает на себя внимание в этой связи и такое важное

замечание книги: «Актуальность исследования обусловлена фактором уникального политико-географического местоположения Центрально-Азиатского региона, потенциал которого исчерпывающе не изучен даже по прошествии почти трех десятилетий с момента его обособления» (Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений, 2024, с. 200).

Очевидна и научная новизна рецензируемой коллективной работы. В ней авторам удалось расставить новые акценты при определении места постсоветских государств Центральной Азии в стремительно меняющейся мировой политике. Выявлены также новые тенденции, сказывающиеся на развитии региональных объединений в Центральной Азии и характере существующих там двусторонних отношений. Наконец, раскрыта в динамике роль России в затрагивающих Центральную Азию процессах евразийской интеграции и показан вклад РФ в отражении традиционных и нетрадиционных вызовов безопасности странам региона. Исследование международных инициатив по поддержанию безопасности Центральной Азии удачно сочетается в монографии с прогнозированием перспектив международных отношений в этом регионе и его роли в мировой политике в целом.

Работа охватывает широкий круг проблем, отражающих реалии Центральной Азии — региона, становящегося важной составной частью зарождающегося полицентричного мира. Его в книге именуют также «трехполярным», исходя из убеждения одного из авторов в том, что в «Центральной Азии сегодня соприкасаются три полюса мировой экономики и политики», во главе которых «стоят Россия, Китай и США» (Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений, 2024, с. 28).

Анализируя в первом разделе книги основные направления многостороннего сотрудничества в Центральной Азии, авторы обращают внимание не только на четко обозначившуюся в политике центральноазиатских стран тенденцию к развитию внутрирегионального взаимодействия, но и на выработку ими новых стратегий в контактах со всеми

субъектами международных отношений. Интерес в этой связи представляет предложенная в монографии типология интеграционных проектов и международных инициатив в экономике и сфере безопасности Центральной Азии. Активная роль, которую играют Россия и Китай в продвижении региональных интеграционных инициатив, позволяет авторам предположить следующее: «Китайско-российское сотрудничество в Центральной Азии будет содействовать стратегическому сдерживанию негативной политики внешних сил и может создать здесь общее геополитическое пространство развития и безопасности» (Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений, 2024, с. 40).

Фокусируясь во втором разделе монографии на политике в Центральной Азии глобальных держав (Россия, Китай, США), а также Индии и ЕС, авторы уделяют значительное внимание российско-китайскому взаимодействию в контексте формирования новой биполярности. Речь идет об изменившейся по завершении в 2021 г. американской кампании в Афганистане диспозиции сил во всей Евразии, которая в условиях нарастающей конфронтации России и КНР с Западом приобретает исключительное значение для этих «двух основных и крупнейших соседей центрально-азиатской пятерки» (Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений, 2024, с.130).

Особый интерес представляет анализ в этом же разделе такой малоисследованной проблемы, как центральноазиатская стратегия Индии. Положительным является и то, что эта проблема рассмотрена в широком региональном контексте, где интересы Индии в Центральной Азии и цели ее политики на этом направлении исследованы в тесной связке с афганским, китайским, пакистанским и американским факторами. Констатируя упущенные Индией в прошлом возможности в Центральной Азии, авторы высказывают надежду на расширение в ближайшем будущем индийского присутствия в этом регионе, исходя в числе прочего и из того, что «большая часть индийских политиков и аналитиков считает этот регион важным из-за его стратегического

положения, культурных и цивилизационных связей с Индией, энергетических ресурсов и открывающихся возможностей для развития торговых отношений» (Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений, 2024, с. 171).

В третьем разделе монографии, где речь идет в основном о месте, занимаемом каждым из пяти независимых государств Центральной Азии в экономике, политике и международных отношениях всего региона, значительное внимание уделено исследованию внешнеполитических интересов, приоритетов и ориентиров этих новых субъектов мировой политики. Это дает авторам основание констатировать: в Центральной Азии, как и на всем пространстве бывшего СССР, «отчетливо выявляется процесс расслоения региона на страны, видящие свое будущее вместе с Россией; страны, ориентирующиеся на тесное взаимодействие с Западом во главе с США; страны, декларирующие свой нейтральный статус, и страны, дрейфующие от одного центра к другому, в зависимости от международной и внутренней конъюнктуры» (Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений, 2024, с. 201–202). Как подобное расслоение сказывается на развитии центральноазиатских стран, их отношениях с Россией и другими внешними партнерами, анализируется в книге достаточно подробно, что, вне всякого сомнения, делает данное научное исследование весьма актуальным и своевременным.

В целом рецензируемая монография, раскрывающая на фоне возросшей мировой турбулентности особенности международно-политического позиционирования стран региона, многие другие стороны их развития, является крупным вкладом в отечественную науку. Рассмотрение наиболее актуальных проблем современной истории центральноазиатских государств, переживающих серьезную трансформацию, позволяет осознать значимость многих вызовов и угроз, способных осложнить динамику разворачивающихся в регионе экономических и политических процессов. Все главы работы пропущены через призму

сегодняшнего видения ситуации как в Центральной Азии, так и в масштабах глобального мира. Авторы вносят тем самым весомый вклад в исследование текущих проблем этого региона, остающегося важным экономическим и военно-политическим партнером России. Нет также сомнения, что монография займет достойное место в ряду работ,

посвященных исследованию региона Центральной Азии. Она станет значимым теоретическим и практическим подспорьем не только для специалистов по Центральной Азии и международников, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами этого региона.

Поступила в редакцию / Received: 25.05.2024

Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Москва : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. EDN: QPQNXB
- Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. Москва : Аспект Пресс, 2020. EDN: HUHND
- Мальшева Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики. Москва : ИМЭМО РАН, 2010. EDN: SQAMIZ
- Плотников Д. С. Центральная Азия в контексте мировой политики. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020.
- Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К. П. Курылева. Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: DZGTDC

References

- Bogaturov, A. D., Dundich, A. S., Troitskiy, E. F. (2010). *Central Asia: A "delayed neutrality" and international relations in the 2000s*. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam publ. (In Russian). EDN: QPQNXB
- Garbuzarova, E. G. (2020). *Central Asia in modern world political processes*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian). EDN: HUHND
- Kurylev, K. P. (Ed.). (2024). *Central Asia as an emerging subsystem of international relations*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian). EDN: DZGTDC
- Malysheva, D. B. (2010). *Central Asian knot of world politics*. Moscow: IMEMO RAN publ. (In Russian). EDN: SQAMIZ
- Plotnikov, D. S. (2020). *Central Asia in the Context of World Politics*. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet publ. (In Russian).

Сведения об авторе:

Мальшева Дина Борисовна — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук; eLibrary SPIN-код: 7552-5669; ORCID: 0000-0002-8625-6132; e-mail: dshdt3068@gmail.com

About the author:

Malysheva Dina Borisovna — PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Chief Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; eLibrary SPIN-code: 7552-5669; ORCID: 0000-0002-8625-6132; e-mail: dshdt3068@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-487-489

EDN: UULZMC

Рецензия на книгу:
Ndzendze B., Marwala T. Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore : Palgrave Macmillan, 2023. 165 p.

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 nikulin-ma@rudn.ru

Для цитирования: Никулин М. А. Рецензия на книгу: Ndzendze B., Marwala T. Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore : Palgrave Macmillan, 2023. 165 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 487–489. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-487-489>

Book Review:
Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore: Palgrave Macmillan, 165 p.

Maksim A. Nikulin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 nikulin-ma@rudn.ru

For citation: Nikulin, M. A. (2024). Book review: Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore: Palgrave Macmillan, 165 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 487–489. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-487-489>

Тема искусственного интеллекта (ИИ), его развития и особенно влияния на нашу повседневную жизнь является одной из самых популярных на сегодняшний день. Затронула она и сферу международных отношений (МО). На эту тему было сделано много заявлений, которые условно можно разделить на оптимистические¹ и пессимистические².

Авторы рецензируемой работы поставили перед собой задачу рассмотреть, как в рамках теорий международных отношений (ТМО)

рассматривается тема ИИ и как развитие ИИ может повлиять на будущее ТМО. Они отмечают, что появлению новых теоретических подходов в МО предшествовали масштабные явления (Ndzendze & Marwala, 2023, p. 2), например разочарование в традиционных теориях МО, не сумевших объяснить причины окончания холодной войны, которые и стали одной из причин появления конструктивизма в рамках МО. Поэтому авторы также пытаются ответить на вопрос: достаточно ли

¹ Guterres A. Secretary-General's Remarks to the Council of the International Telecommunication Union // United Nations. June 12, 2024. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2024-06-12/secretary-generals-remarks-the-council-of-the-international-telecommunication-union> (accessed: 15.06.2024).

² Kissinger H. How the Enlightenment Ends // The Atlantic. June 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/> (accessed: 15.06.2024).

© Никулин М.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

имеющихся теорий МО после появления ИИ или же необходимо появление чего-то концептуально нового?

Для выполнения поставленных задач они использовали восемь теорий: реализм, либерализм, теорию гегемонистской стабильности, теорию зависимости, подходы Английской школы МО, критические теории (конструктивизм, постколониализм, феминизм и «зеленая» теория).

Представленная работа состоит из 10 глав: в трех первых — авторы дают вводную информацию по теме, тезисно расписывая развитие теорий МО и ИИ, а также то, как его рассматривали и исследовали в рамках социальных наук. Главы 4–9 посвящены рассмотрению конкретных теорий. В последней главе авторы формулируют выводы.

В главе 4, посвященной реализму, для обозначения «ИИ-потенциала» авторы предлагают использовать термин «латентная сила» (*latent power*), с помощью которого реалисты описывают внутреннюю социально-экономическую базу, определяющую военно-политические возможности государства. Сам же «потенциал» авторы предлагают высчитывать по формуле, включающей в себя средний показатель инновационности за два года, общее количество патентов на ИИ промышленного и военного назначения, которые принадлежат исключительно государству и были внедрены в течение предыдущих 10 лет, общую долю экспорта технологий государством с учетом изменений за два года, а также показатели страны-конкурента (Ndzendze & Marwala, 2023, p. 66).

В целом, по мнению авторов, развитие ИИ повлияет на реалистскую парадигму следующим образом.

Во-первых, ИИ станет одним из компонентов, относящихся к балансу сил.

Во-вторых, дальнейшее развитие ИИ окажет серьезное влияние на ведение войн, в результате изменится смысл таких понятий, как «наступление» и «оборона», что потребует пересмотра ряда постулатов данной теории.

В-третьих, реалистам придется расширить свои исследования и включить в них не только великие державы, так как в будущем

возможности ИИ будут открыты многим государствам.

В главе 5 авторы отмечают, что либерализм больше подходит для изучения ИИ, так как он рассматривает различных негосударственных акторов МО (Ndzendze & Marwala, 2023, p. 70). Авторы считают, что появление и развитие ИИ ставит под вопрос преимущества модели взаимозависимости, реализуемой в рамках процесса глобализации. Это связано с тем, что конкуренция за первенство в технологической сфере привела к геополитической напряженности, в результате которой демократическим странам приходится принимать ограничительные меры.

Глава 6 посвящена рассмотрению теории гегемонистской стабильности. Ее представители утверждают, что корни всех конфликтов лежат в изменении сложившегося порядка в системе, при котором восходящая держава бросает вызов гегемону. Авторы рецензируемой работы считают, что ИИ органично вписывается в структуру данной теории, так как он представляет собой технологию, обладание которой позволит пересмотреть устоявшийся статус-кво в мире, а гегемон, по сути, должен быть самым продвинутым в сфере ИИ. При этом основной вызов для адептов этого теоретического подхода будет связан, как и в случае с реализмом, с определением места негосударственных акторов. До тех пор пока государства остаются главными движущими силами в формировании международной нормативной среды, в рамках которой развивается ИИ, сами технологии развивают государственные или транснациональные корпорации. Поэтому, по мнению авторов, сторонникам теории гегемонистской стабильности потребуется обратиться к своим коллегам, придерживающимся либерального или критического подхода (Ndzendze & Marwala, 2023, p. 101).

Следующую главу авторы посвятили разбору теории зависимости, отметив, что четвертая промышленная революция, которая подразумевает активное развитие и последующее внедрение ИИ во все сферы жизни общества, будет характеризоваться той же структурой и акторами, которые определяли третью промышленную революцию. Кроме того, число

стран, относящихся к периферии, будет расти, а к ядру — сокращаться (Ndzendze & Marwala, 2023, p. 129).

Отдельная глава посвящена подходам Английской школы МО. Авторы используют одну из ее основных концепций — международное общество, которое представляет собой «группу государств (или, в более общем смысле, группу независимых политических сообществ), которые не просто образуют систему в том смысле, что поведение каждого из них является необходимым фактором в расчетах других, но и установили путем диалога и согласия общие правила и институты для ведения своих отношений, а также признают свою общую заинтересованность в поддержании этих договоренностей» (Bull & Watson, 1984, p. 1). По их мнению, развитие ИИ можно рассматривать через призму этой концепции — сегодня мы можем наблюдать формирование «сообществ ИИ», например вокруг США или КНР.

В предпоследней главе книги авторы рассматривают критические теории. По их мнению, эти теории довольно точно предсказывают способы и пути функционирования власти, в том числе в эпоху ИИ. Например, использование конструктивизма помогает понять, как технологии, расширяющие возможности получения информации и

коммуникации, создают информационный туман, который может привести к недопониманию и даже конфликтам (Ndzendze & Marwala, 2023, p. 141).

В целом авторы приходят к выводу, что имеющихся теорий МО достаточно для проведения дальнейших исследований и осмысления международных процессов при условии модификации и адаптации этих ТМО на фоне развития и растущей значимости ИИ.

В целом рецензируемая монография оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, в исследовании представлен оригинальный взгляд на тему ИИ в разрезе теорий международных отношений. С другой — авторы неравномерно раскрыли указанную тему, не уделив равного внимания каждой представленной теории, что видно при сравнении разделов, посвященных реализму и, например, критическим теориям. Кроме того, складывается впечатление, что авторы немного переоценивают степень влияния ИИ на международные отношения и человеческое общество в целом. Появление новых прорывных технологий всегда приводило к появлению как новых возможностей, так и новых проблем, однако не каждая из них оказала серьезное влияние на международные процессы. То же самое можно сказать и об ИИ, который фактически находится в самом начале своего развития.

Поступила в редакцию / Received: 20.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список / References

- Bull, H., & Watson, A. (1984). *The expansion of international society*. Oxford: Clarendon Press.
Ndzendze, B., & Marwala, T. (2023). *Artificial intelligence and international relations theories*. Singapore: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-4877-0>

Сведения об авторе:

Никулин Максим Андреевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3133-2404; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

About the author:

Nikulin Maksim Andreevich — PhD (History), Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; eLibrary SPIN-code: 3133-2404; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru